

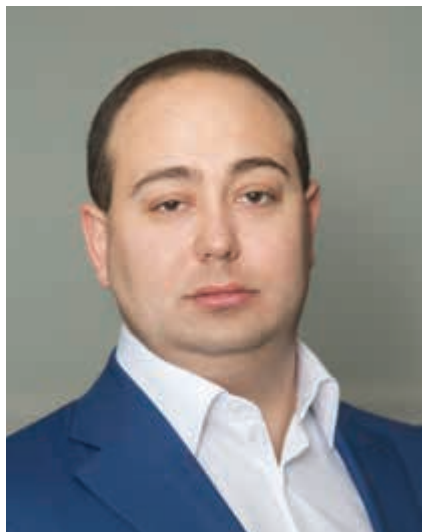
Краеведческий
альманах

ХИМКИ ПРИФРОНТОВЫЕ

Химки

2021

**Глава городского округа
Химки
Волошин
Дмитрий Владимирович**

5 декабря в нашей стране отмечается День воинской славы России. Ровно 80 лет назад, 5 декабря 1941-го, Красная Армия перешла в контрнаступление по всему фронту под Москвой. Тогда немецко-фашистские войска потерпели свое первое, но не последнее поражение. Свой вклад в Победу внесли и жители нашего города.

Химки стали последним рубежом обороны Москвы в битве 1941-1942 годов, когда на подступах к столице стояли фашистские войска. Враг не прошел благодаря мужеству и героизму красноармейцев и мирных жителей, которые обеспечили оборонительные сооружения на линии фронта. На 23-ем километре Ленинградского шоссе, на въезде в Москву, в память о тех событиях установлен монумент в виде противотанковых ежей.

В этот уникальный исторический альманах вошли статьи химкинских краеведов, воспоминания жителей о событиях 1941-го, архивные документы тех лет. Главная цель этого альманаха – сохранить воспоминания о событиях Великой Отечественной войны.

Мы чтим Подвиг советского народа и передадим память о Великой Победе через поколения!

**Заместитель Председателя
Совета депутатов
городского округа Химки
Дряннов
Александр Павлович**

«...нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...»

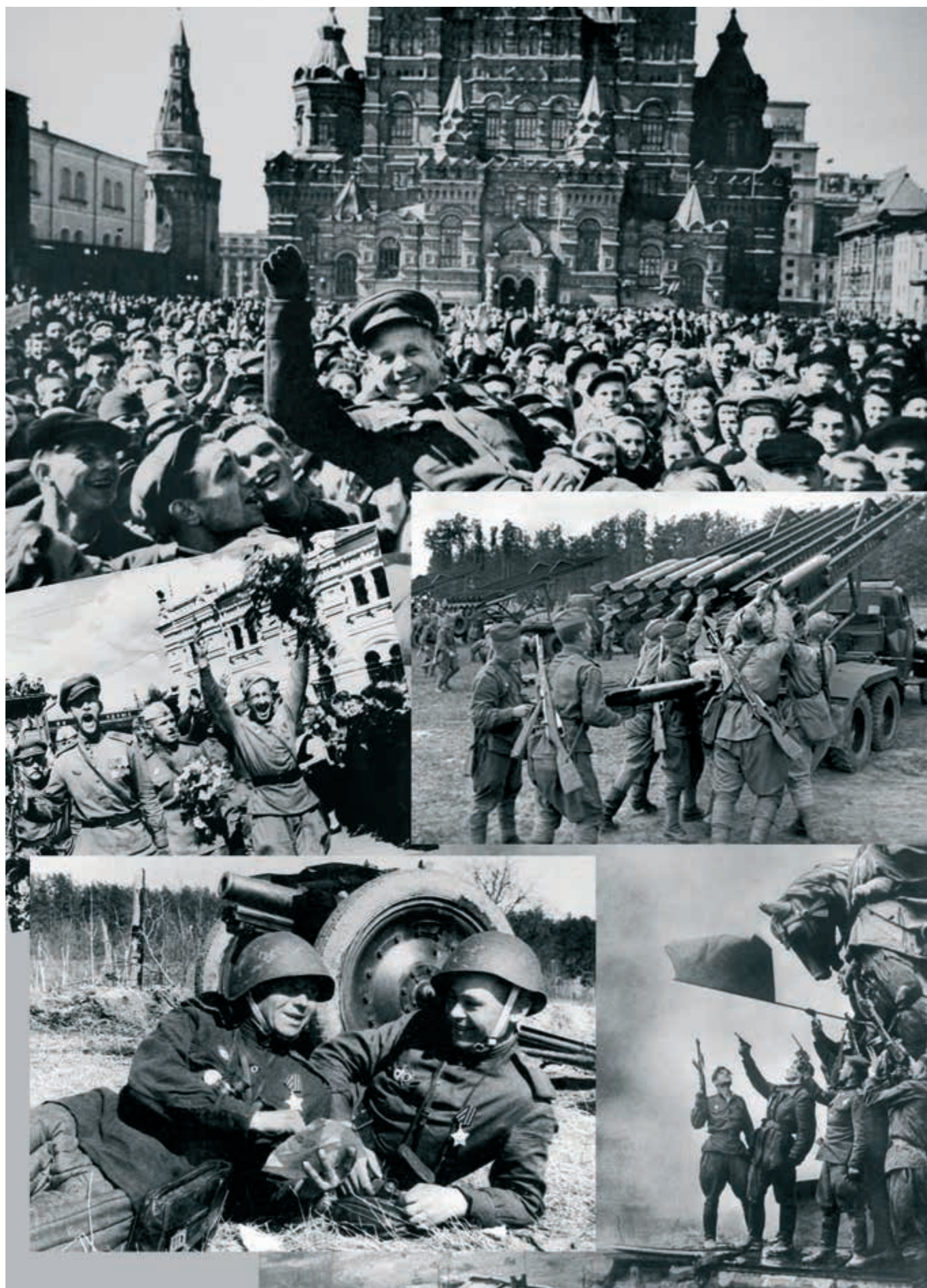
С каждым годом все меньше и меньше остается участников и свидетелей страшных событий Великой Отечественной войны 1941-1945 года. Мы бережно относимся к сохранению Исторической памяти о каждом кто, не жалея себя приближал Победу. Наш долг сохранить в памяти будущего поколения подвиг и героизм их предков, пример самопожертвования, мужества, стойкости духа и любви к Родине.

5 декабря 1941 года, началось контрнаступление советской армии под Москвой. Именно в этот день началась активная фаза наступления на широком фронте от Калинина на севере до Ельца на юге, в результате которой немецко-фашистские войска потерпели свое первое, но не последнее поражение. Химки сыграли важную роль в этой первой победе! Химчане сражались за Родину в годы ВОВ на фронте, в тылу, на заводах, заботились о раненых в госпиталях, в рядах народного ополчения.

Краеведческий альманах посвящен нашему городу в годы Великой Отечественной Войны. В него вошли статьи химкинских краеведов и воспоминания старожилов и участников войны, рассекреченные документы 1941 года.

Победа в Великой Отечественной войне – подвиг и слава нашего народа! И мы должны всегда об этом помнить.

ВСПОМИНАЯ БЫЛЫЕ ПОБЕДЫ

Ю.М. Прокофьев – первый командир 352-ой стрелковой дивизии

*Л. Нагаева,
заместитель директора МБОУ СОШ № 8 им. В. И. Матвеева,
руководитель школьного музея «Война – поиск – память».*

На фасаде средней школы № 8 имени В. И. Матвеева г. Химки – мемориальная доска. На ней слова: «Здесь в начале декабря 1941 года находился штаб 352-ой Оршанской Краснознамённой, ордена Суворова стрелковой дивизии».

В жестокие морозные дни 1941-го у стен нашего города получила боевое крещение 352-ая стрелковая дивизия. Участница обороны и контрнаступления под Москвой, она внесла весомый вклад в разгром немецко-фашистских войск у стен столицы, прославилась мужеством и героизмом во многих известных операциях Великой Отечественной войны, а в мае 1945 года победоносно завершила войну возле столицы Чехословакии города Праги.

После войны, выйдя в отставку в 1954 году, генерал-майор Юрий Михайлович Прокофьев, первый комдив 352-ой стрелковой дивизии, собрав в Совет ветеранов бывших участников дивизии и проводя огромную военно-патриотическую работу среди учащихся школы, вспоминал: «Наша 352-ая Оршанская Краснознамённая, ордена Суворова стрелковая дивизия формировалась в городе Бугульма Татарской АССР в грозное, трудное для страны время. Враг рвался к Москве. И Верховное главнокомандование делало всё возможное, чтобы отстоять Москву, куда подтягивались свежие силы для предстоящей обороны в составе Брянского, Западного и Резервного фронтов».

С 10 августа 1941 года подполковник Ю. М. Прокофьев, прибыв в город Бугульму Татарской АССР, формирует 352-ую стрелковую дивизию и становится её первым командиром.

Позади – опыт работы, накопленный в 30-е годы. Ю. М. Прокофьев – старший офицер 1 отдела штаба Забайкальского военного округа, в течение 2-х лет работал в Монголии.

В районе Халхин-Гола Советская Армия разгромила японских интервентов. Юрий Михайлович участвовал в этих боях, был назначен командиром полка, а позднее – заместителем командира стрелковой дивизии.

Именно для обороны Москвы формировалась 352-ая стрелковая дивизия. В неё влились, в основном, татарские военнослужащие старшего призывного возраста, принимавшие участие в гражданской войне, а также юноши, не успевшие закончить учёбу или закончившие обучение в школах и техникумах, рабочие, колхозники. 12,5 тысяч солдат и офицеров вошли в состав этого военного формирования. Ещё не прибыло обмундирование и вооружение, а в подразделениях началась напряжённая боевая учёба. Под руководством комдива Прокофьева Ю.М. совершались марши, проводились стрельбы, учения подразделений. К октябрю 1941 года дивизия получила обмундирование и вооружение. К этому же времени закончили программу обучения во всех частях и подразделениях.

18 октября 1941 года дивизию посетил маршал Климент Ефремович Ворошилов, член Государственного комитета обороны, на

тот момент – представитель Ставки по формированию войск, отвечавший за проверку бое- способности формируемых в тылу соединений.

Маршал обошёл весь район учений дивизии. Лично брал лопату и показывал бойцам, как правильно окапываться, делал замечания, беседовал с бойцами. После возвращения с учений командный состав, включая командиров батальонов и рот, собрали в городском театре. До поздней ночи маршал выслушивал командиров каждой части, делал замечания, высказывал советы. В заключение Ворошилов сказал: у дивизии прекрасные командиры, и он уверен – на фронте Бугульминская дивизия покажет себя с лучшей стороны.

На основании директивы Генерального штаба Наркомата обороны 7 ноября 1941 года полкам вручили боевые знамёна, и в этот же день дивизия в 24-х эшелонах покинула Бугульму. На пути к фронту, в районе города Сормово Горьковской области, её остановили, а через две недели снова погрузили в вагоны и направили в Подмосковье.

В составе 352-ой стрелковой дивизии Ю. М. Прокофьев прошёл через ожесточённые бои при защите Москвы и в контрнаступлении. Именно здесь дивизия получила боевое крещение, высадившись на станциях Ховрино и Химки. Дивизия вошла в состав 20 армии Западного фронта и участвовала в боях с 1 декабря 1941 года.

Штаб 352-ой стрелковой дивизии обосновался в здании деревянного барака на улице Маяковского на месте средней школы № 8 города Химки и располагался здесь 29, 30 ноября и 1, 2 декабря 1941 года, а к вечеру 2 декабря перебазирова- лся в Вашутино. Рядом проходила передовая линия обо- роны.

Ю. М. Прокофьев
перед войной

Руководство дивизией в составе 20 армии комдив Юрий Михайлович Прокофьев осуществлял вместе с начальником штаба – полковником Борисом Моисеевичем Хасманом и старшим батальонным комиссаром Василием Никаноровичем Козловым.

Капитан запаса из 352-ой стрелковой дивизии Тихон Никифорович Кудрявцев вспоминал: «Мы ночью пешком шли по Ленинградскому шоссе. Снег падал крупными хлопьями, ветер дул в лицо. В стороне слышалась артиллерийская и миномётная канонада. Было светло от зарева – горели сёла Подмосковья. Колонны солдат шли молча. Команды передавались шёпотом по цепочке. Вскоре батальоны и роты распределили по траншеям. Они оказались хорошими, глубокими, даже с маленькими блиндажами. Готовили их жители Москвы и Химок».

А в штабе дивизии шла напряжённая подготовка к отражению рвавшегося к сердцу нашей родины – Москве – врага, превосходившего численностью войска наших Западного (командующий – генерал-полковник И. С. Конев), Брянского (генерал-лейтенант А. И. Ерёменко) и Резервного (маршал Советского Союза С. М. Будённый) фронтов по танкам, численности войск, орудиям и миномётам в несколько раз. Командование фашистов в операции под кодовым названием «Тайфун» делало ставку, главным образом, на танковые соединения и авиацию.

К окраинам Москвы к первым числам декабря для отражения противника прибыли 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков и ряд других частей. Заново формировались 16-ая, 15-ая, 43-ая, 49-ая армии. В обороне Москвы приняли участие 900 тысяч человек.

Б. М. Хасман

Комдив дивизии Ю. М. Прокофьев так понимал свою ответственную задачу: насмерть стоять с бойцами у стен столицы, не подпуская врага ни на шаг. Из-за сильных морозов, глубокого рыхлого снега сложно было своевременно организовать подвоз продуктов и боеприпасов. Не сразу устанавливали связь между частями. Трудно решались вопросы взаимодействия с артиллерией, танками и другими родами войск.

Но опытный комдив, понимая всю меру ответственности за оборону столицы и всей необъятной Родины, использовал опыт, талант военного руководителя для того, чтобы 352-ая стрелковая дивизия выполнила возложенные на неё сложнейшие задачи.

День и час боевого крещения дивизии настал. Это произошло 2 декабря 1941 года.

Утро выдалось морозным и туманным. Видимость ухудшалась. Передовые дозоры донесли – слышится шум моторов: на одном из участков двигались вражеские мотоциклисты и автоматчики. «Стрелять по команде!» – разнеслось по окопам.

И вот уже из полосы тумана показались мотоциклы: гитлеровцы устремлялись вперёд.

И грянул бой. Горячий, жестокий. Фашисты, не ожидавшие дружного отпора, палили из автоматов, куда попало. Головы не поднять. И вот опрокинулся один, другой мотоцикл, третий попытался развернуться, да не успел... Гитлеровцы повернули назад.

Дивизия продолжала бои в направлении Солнечногорска и до Волоколамска.

С 24 декабря 1941 года, в составе 20-ой армии Западного фронта, 352-ая стрелковая дивизия вела ожесточённые бои по прорыву заблаговременно подготовленной оборонительной полосы противника в районе Ивановское, Тимково, Тимонино, Михайловка, Боль-

Ю. М. див. Прокофьев, комиссар
полков, рядом их заместители.
1941 г. Потрицы, Зап. фронт, 50 ар.
м. 1940 г. Ленинградская область

Ком. див ставит боевую
задачу перед боем 1942

шое Голопёрово. В результате боёв удалось сломить сопротивление противника, прорвать его оборону, он потерпел значительные потери в живой силе, был захвачен ряд населённых пунктов, взято большое количество трофеев.

За проявленную в Волоколамской операции отвагу и мужество 43 бойца и командира дивизии получили правительственные награды.

Дивизия под руководством Ю. М. Прокофьева прошла с боями героический путь, завершившийся 6 июня 1942 года.

Июнь 1942 года Юрий Михайлович встретил в должности заместителя командира 290-ой стрелковой дивизии, в июле был назначен командиром 123-ой стрелковой бригады, в августе — командиром 330-ой стрелковой дивизии, а в ноябре — командиром 290-ой стрелковой дивизии, ведущей оборонительные бои западнее Гжатска и принимавшей участие в Ржевско-Вяземской наступательной операции.

В августе 1943 года Прокофьев был назначен на должность командира 72-го стрелкового корпуса, который участвовал в Смоленской операции и освобождении Смоленска. С ноября корпус под командованием Прокофьева вёл наступательные и оборонительные боевые действия северо-восточнее Орши, а затем юго-восточнее Витебска.

В мае 1944 года Прокофьева назначили командиром 84-го стрелкового корпуса, участвовавшего в Каунасской и Мемельской наступательных операций, а также в освобождении Витебска, Кедайня и Расейня. Вскоре корпус участвовал и в уничтожении курляндской группировки противника. Победный май 1945 года встретил в Чехословакии.

В мае 1946 года Юрия Михайловича направили на учёбу на курсы при Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова, после окончания которых с апреля 1947 года он поступил в распоряжении Управления по внешним сношениям Генштаба Вооружённых Сил СССР.

В сентябре 1948 года Прокофьева назначили советником, затем — главным военным советником при военном министре Венгерской народной армии, в январе 1950 года — начальником 4-го направления 10-го отдела 2-го Главного управления, в апреле 1951 года преобразованного в 10-ое управление, а в мае 1953 года — начальником 3-го направления 10-го управления Генштаба Вооружённых Сил СССР.

Генерал-майор Юрий Михайлович Прокофьев вышел в запас в ноябре 1954 года. На гражданской службе он снова почувствовал себя в рядах бывших бойцов 352-ой Оршанской Красногвардейской, ордена Суворова стрелковой дивизии, объединив их в сообщество ветеранов и став его Председателем, внося огромный вклад в гражданско-патриотическое воспитание школьников. Под его руководством постоянно проводились встречи

ветеранов со школьниками, торжественное возложение живых цветов к памятнику «Ежи» на Ленинградском шоссе, поездки по местам боевой славы 352-ой стрелковой дивизии.

Юрий Михайлович внёс большой личный вклад в изучение истории и боевого пути дивизии во время обороны Подмосковья, Химок, в создание картотеки ветеранов на основе боевых приказов штаба 352-ой стрелковой дивизии, штаба 20-ой армии, оперативных сводок, представлений

штабов, донесений начальнику политотдела армии. С подлинниками документов он работал в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске и оставил это наследие музею Боевой славы средней общеобразовательной школы № 6 в Химках.

Умер Юрий Михайлович 25 сентября 1995 года в Москве.

Огромное уважение вызывает даже само перечисление его высоких наград, полученных от руководства Советского Союза: орден Ленина; четыре ордена Красного Знамени; орден Суворова 2 степени; орден Кутузова 2 степени; орден Отечественной войны 1 степени; медали. От президента Российской Федерации – орден Жукова.

Победный путь 352-ой стрелковой дивизии: от Химок до Чехословакии

Л. Нагаева,

заместитель директора МБОУ СОШ № 8 им. В. И. Матвеева,

руководитель школьного музея «Война – поиск – память».

Всё дальше и дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны, а люди не могут забыть беспощадную войну, когда шла битва не на жизнь, а на смерть, и каждый её час – это кровь, боль и горечь утрат, чудеса бесстрашия, мужества и доблести.

Один из источников победы – братство народов нашей необъятной страны, в едином порыве сражавшихся во имя защиты Отечества.

Фасад средней общеобразовательной школы № 8 имени В. И. Матвеева в Химках украшает мемориальная доска. Надпись на ней гласит: «В начале декабря 1941 года здесь располагался штаб 352-ой Оршанской Краснознамённой, ордена Суворова стрелковой дивизии».

352-ая стрелковая дивизия формировалась в августе 1941 года на территории Татарии (Приволжский военный округ) и прошла с тяжёлыми боями километры военных дорог по снегу и грязи, топям болот, под палящим солнцем от Москвы до Чехословакии.

И на всём этом пути, как вехи, памятные места: высоты, реки, озёра, сёла и города, за них дивизия вела кровопролитные бои.

Состав дивизии оказался многонациональным, но в неё влились, в основном, татарские призывники. На политработу туда мобилизовали лучшие партийные кадры Татарской АССР, часть политработников прислали после выписки из госпиталей после выздоровления от ранений, полученных на полях сражений в 1941 году.

К октябрю 1941 года дивизия получила обмундирование и вооружение. К этому же времени закончили обучение все части и подразделения.

18 октября дивизию посетил маршал Климент Ефремович Ворошилов, член Государственного комитета обороны, на тот момент – представитель Ставки по формированию войск, отвечавший за проверку боеспособности формируемых в тылу соединений.

До поздней ночи маршал слушал командиров каждой части, рядовых солдат, делал замечания, высказывал советы. В заключение К. Е. Ворошилов сказал, что у дивизии – прекрасные командиры, и он уверен: на фронте бугульминская дивизия покажет себя с лучшей стороны.

На основании директивы Генерального штаба Наркомата обороны 7 ноября 1941 года полкам вручили боевые знамёна, и в этот же день 352-ая стрелковая дивизия убыла из Бугульмы на фронт. В районе Сормово Горьковской области её остановили, а через две недели снова погрузили в железнодорожные эшелоны и направили в Подмосковье.

В критический момент для обороны Москвы прибыли и выгрузились из 24-х эшелонов на станциях Химки и Ховрино 12,5 тысяч солдат и офицеров 352-ой стрелковой дивизии.

Дивизия вошла в состав 20-ой армии Западного фронта и участвовала в боях с 1 декабря 1941 года.

Штаб 352-ой стрелковой дивизии обосновался в здании деревянного барака на улице Маяковского, на месте средней школы № 8 в Химках и располагался здесь 29, 30 ноября и 1, 2 декабря 1941 года, а к концу дня 2 декабря перебазировался в Вашутино.

Рядом находилась передовая линия обороны.

Руководил дивизией в составе 20-ой армии её первый командующий Юрий Михайлович Прокофьев вместе с начальником штаба – полковником Борисом Моисеевичем Хасманом и старшим батальонным комиссаром Василием Никаноровичем Козловым.

У комдива Прокофьева была ответственная задача: насмерть стоять у стен столицы, не подпускать врага ни на шаг.

Из-за сильных морозов, глубокого рыхлого снега сложно вовремя организовать подвоз продуктов, боеприпасов. Не сразу устанавливали связь между частями. Трудно решались вопросы взаимодействия с артиллерией, танками и другими родами войск.

Но опытный комдив, понимая всю меру ответственности по защите столицы и всей необъятной Родины, использовал опыт, талант военного руководителя, и 352-ая стрелковая дивизия выполнила возложенные на неё задачи.

Начиная с 23-го километра Ленинградского шоссе дивизия принимала участие в обороне Москвы и контрнаступлении – в Солнечногорской и Волоколамской операциях, в ожесточённых боях за Гжатск, Дорогобуж, Оршу, Минск, Гродно, Литцен, Кёнигсберг, через Польшу до Чехословакии прошли 1158-ой, 1160-ой и 1162-ой стрелковые полки, 914-ый артиллерийский полк.

Приказом Верховного Главнокомандующего № 0182 от 6 июля 1944 года за овладение городом Орша дивизии присвоено наименование Оршанской, а приказом № 0203 от 23 июля 1944 года стрелковым полкам дивизии, отличившимся в овладении столицей Белоруссии – городом Минском, наименование «Минских».

Приказом заместителя Народного комиссариата Оборона СССР № 0238 от 12 августа 1944 года за овладение Гродно и проявленные доблесть и мужество дивизия награждена орденом Красного Знамени, а за участие в ликвидации восточнопрусской группировки врага в ноябре 1944 года – орденом Суворова II степени.

Первый комдив дивизии Ю. М. Прокофьев в 1954 году вышел в отставку, объединил вокруг себя ветеранов 352-ой стрелковой дивизии и стал проводить огромную работу по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения в школе № 8 в Химках: встречи ветеранов 352-ой стрелковой дивизии с учащимися, поездки вместе с фронтовиками на 23 километр Ленинградского шоссе к мемориалу «Ежи», на Красную площадь к могиле Неизвестного солдата, в среднюю школу № 11 в Бугульме (Татария), организовывать походы по местам боевой славы дивизии от Химок до Белоруссии.

Ю. М. Прокофьев внёс большой личный вклад в изучение истории и боевого пути дивизии в обороне Подмосковья, в том числе и Химок, в создание картотеки ветеранов на основе личных архивных документов участников дивизии, анализа боевых приказов штаба 352-ой стрелковой дивизии, штаба 20-ой армии, оперативных сводок, из представлений штабов, из донесений начальнику политотдела армии, с которыми он работал в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске.

Благодарные жители города Бугульмы увековечили воинский подвиг земляков и других воинов, служивших в составе дивизии, установив в 1983 году в центральной части города мемориальный комплекс с военной техникой времён Великой Отечественной войны и обелиск 352-ой Оршанской Краснознамённой, ордена Суворова стрелковой дивизии.

Время безжалостно. Уходят ветераны, уходят, не оставив даже написанных от руки двух-трёх страниц воспоминаний.

Желтеют фотографии, ветшают вырезки из фронтовых газет, истлевают письма в семейных архивах – бесценные свидетельства героической и трагической поры.

А что же мы? Неужели всё сделали, чтобы из боезапаса памяти оставить потомкам память о бессмертном подвиге их родственников?

Увы, нет. Поэтому мы и восстанавливаем неизвестные имена, маленькие и большие подвиги тех, кто пал смертью храбрых или вернулся с полей боёв и восстанавливал нашу Родину от военной разрухи.

Память о них для нас священна!

«Кремлёвские юнкера» – гроза фашистов

Нина Валентиновна Мочалова

член Химкинского краеведческого общества

С 30 сентября 1941 года, реализуя план «Тайфун», фашисты двинулись на Москву. Они превосходили советские войска и в людях, и в технике.

Начало октября 1941 года для Красной Армии стало трагическим. Большая часть армий была окружена (64 дивизии из 95) и попала в «котлы» под Вязьмой и Брянском.

Немногим удалось вырваться. В этот момент все дороги с запада на Москву оказались открытыми. Враг не вступил в столицу благодаря самоотверженной борьбе «окруженцев», в первое время сковавших около 28 дивизий врага.

Осознавая трагичность положения, Ставка Верховного Главнокомандования пришла к выводу: единственная реальная сила для спасения столицы – курсанты военных училищ Москвы и Подмосковья, способные задержать захватчиков на Можайской линии обороны на 3-5 дней до подхода резервов.

Так, на Малоярославском направлении встали: на Можайском укрепрайоне – слушатели Военно-политической академии им. В. И. Ленина города Москвы и курсанты Подольского пехотного и Подольского артиллерийского училищ; на Волоколамском укрепрайоне – курсанты Московского пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР (МП имени ВС РСФСР, или кремлёвские курсанты) и 1-го Московского миномётно-артиллерийского Краснознамённого училища имени Красина с одним дивизионом (второй находился во 2-ой Московской стрелковой дивизии).

Если о подольских курсантах написаны книги и стихи, сняты фильмы, сложены песни, то о подвиге кремлёвских курсантов знают немногие.

Это второе название возникло не случайно! История создания училища уходит в 1919 год, когда, по инициативе В. И. Ленина, в Кремле организуют «Советские пулемётные курсы». В обязанности курсантов входила охрана квартиры вождя, территории Кремля. С тех пор курсантов стали называть кремлёвскими.

В 1935 году училище перевели в Лефортово, но первоначальное название сохранилось. В училище набирали мальчишек — рослых, крепких, приятной наружности, в основном из деревень, но были и городские.

Учебный полигон курсантов находился возле озера Сенеж Солнечногорского района, где они обучались с весны до поздней осени.

В 1941 году училище возглавил полковник, Герой Советского Союза (прошёл советско-финскую 1940 года войну) Семён Иванович Младенцев.

5 октября ранним утром курсантов, находящихся в учебном лагере на озере Сенеж, подняли по тревоге – передислоцироваться на Волоколамский укрепрайон.

В течение дня С. И. Младенцев организовал курсантский полк и подготовил к выполнению предстоящих боевых задач. Он напутствовал питомцев: «Сейчас нет времени принимать от вас выпускные экзамены. Их будете держать на фронте в боях с врагом... уверен, что его выдержите с честью».

Курсанты в ночь с 5 на 6 октября под проливным дождём за 36 часов проделали путь в 85 километров от озера Сенеж до реки Лама.

Уже 6 октября они заняли линию обороны по восточному берегу реки Ламы (деревня Гарутино – деревня Бородино). На 30-километровом расстоянии полку пришлось оборудовать опорные пункты, а промежутки между ними держать артогнём.

Надо отметить: линию обороны хорошо укрепили, грамотно организовали, у бойцов был высокий моральный дух. Сказался большой военный опыт Семёна Ивановича Младенцева и комиссара А. Е. Славкина. Полк состоял из 10 рот (4 батальона численностью по 1336 курсантов и 112 преподавателей-офицеров).

1-й батальон включал ребят младших курсов. Ему поручили строительство оборонительных рубежей западнее Солнечногорска. Остальных отправили на Волоколамский укрепрайон, где уже стояли бойцы из Школы младших командиров, созданной И. В. Панфиловым из-за острой нехватки лейтенантов. Они-то и приняли первый бой на Волоколамском шоссе, а с 6 октября 1941 года к ним подошли курсанты.

В курсантский полк влились: 2-ой артдивизион 1-го Московского артучилища им. Красина, пулемётчики 302-го пулемётного батальона, батарея 76-мм пушек, огнеметная рота, сапёрное подразделение из военно-инженерного училища, авторота, взвод связи и медико-санитарное подразделение, 130 человек из Школы младших командиров и 7 вольнонаёмных. Полк насчитывал 3500 человек.

Отдельный курсантский полк (ОКП имени ВС РСФСР) составил основу Волоколамского укрепрайона.

Батальонные районы растянулись по фронту на 7-10 километров, в глубину — на 3 километра, без сплошной линии обороны.

До 13 октября находились без прикрытия с флангов. В этот день справа от них встали конники Л. М. Доватора, недавно вышедшие из тыла противника, слева — 1077-ой стрелковый полк 316-ой стрелковой дивизии (комдив — генерал-майор И. В. Панфилов, назначенный начальником Волоколамского укрепрайона). ОКП имени ВС РСФСР поступил в его распоряжение.

10 октября жестокий бой разгорелся на линии обороны 10-й роты (командир старший лейтенант В. М. Пищенко).

На позиции курсантов двинулись 17 фашистских танков и бронемашин с цепью пехоты. Вскоре на поле боя запылали три подбитых вражеских танка, остальные продолжали движение. Один прорвался к пулемётной точке и раздавил пулемёт вместе с расчётом.

Атака следовала за атакой. Дело доходило до рукопашной. Держать оборону помогали 3 пушки артучилища. В разгар сражения из тыла наступающих, из лесочка, вдруг заговорил пулемёт. Танки развернулись в ту сторону, подставив более тонкую боковую броню пушкам курсантов.

Атаку отразили. Оказалось: в нужное время в нужном месте в лесочек вышли четыре окруженца. Случаются и на войне чудеса! Перед опытными фашистами стояли 16–19-летние мальчишки, недавно сидевшие за партами.

За этот бой командир роты В. М. Пищенко был представлен к ордену Красной Звезды (приказ 437 от 22.12.41 г. Военного совета Западного фронта). В результате боя курсанты уничтожили 4 танка, несколько бронетранспортёров, свыше ста гитлеровцев.

12 октября курсантские роты приняли боевое крещение. В двух километрах юго-западнее Яропольца врага остановили контратакой. Появились первые пленные. Этот успех вселил в курсантов уверенность. Атаки полка поддерживали огнём орудий и пулемётов из Яропольца.

На следующий день фашисты подтянули резервы, предприняли наступление на широком фронте, применив массированный артогонь, миномётные обстрелы.

К 15–16 октября натиск гитлеровцев на линии обороны 16 армии достиг огромной силы. 1077-ой полк 316-ой стрелковой дивизии попал в окружение.

В помощь ему С. И. Младенцев организовал ночную атаку курсантов на немецкие части, расположившиеся недалеко в рощице. Фашисты ещё не привыкли к ночным действиям советских войск.

В короткой рукопашной схватке, помимо более 100 пленных врагов, захвачены богатые трофеи: пулемёты и миномёты, артиллерийские орудия, карабины и даже велосипеды. Но, главное, 1077-ой полк восстановил свои рубежи.

19 октября фашисты, подтянув резервы, обрушили огонь на Ярополец. Десять атак за день отражали курсанты с помощью орудий В. И. Казакова (начальника артиллерии 16-ой армии), но, к сожалению, орудий было мало, а линия обороны — длинная. Приходилось

ими маневрировать вдоль фронта, создавая видимость большого количества.

20 октября атаки гитлеровцев повторились, но безуспешно. Тогда на помощь врагу пришла авиация. Три часа она утюжила линию обороны курсантов. Затем в наступление пошла пехота. До вечера кремлёвские курсанты сдерживали перед Ярополем врага, а потом, с боями, постепенно отступали в сторону Волоколамска.

Один из свидетелей первых боёв Объединённого курсантского полка, Борис Малкин, дал интервью Московскому ТВ. Он попал в полк с группой пополнения. Вспоминал: командиры учили курсантов следить за укреплением линии обороны; бить танки, целясь в радиатор; артогнём не допускать врага разминировать поля... Часто во время боя приходилось биться в рукопашную в «сплошной мясорубке с криками и матом. Жертв среди мальчишек было много». Бориса в первом же бою ранило, и его отправили в госпиталь.

Г. К. Жуков в мемуарах, отмечая упорные бои 16-ой армии К. К. Рокоссовского, среди других частей, выделил отдельный курсантский полк С. И. Младенцева. Курсанты отходили на новые позиции только по приказу командования.

Немцы боялись «красных юнкеров», сбрасывали с самолётов листовки, призывая переходить к ним, суля сладкую жизнь. Кремлёвские курсанты в ответ сражались ещё яростнее и ожесточеннее.

Сильнейшие бои разгорелись 27 октября за Волоколамск. Его отстаивали части 316-ой стрелковой дивизии, полк кремлёвских курсантов и три противотанковых полка (289-ой, 296-ой, 525-ый), 35-ый пушечный артполк, 13-ый миномётный.

Немцы ударили в стык наших частей. Панфиловцы под натиском врага отступили, а курсанты, отразив шесть атак, ещё два дня удерживали позиции (Ярополец – Суворово – Бородино), пока не получили приказ К. К. Рокоссовского перейти на другой рубеж.

За этот день подбили 53 танка врага. Почти весь противотанковый полк и 2-ой дивизион 316-ой стрелковой дивизии погибли. Курсантский полк потерял 122 человека. Волоколамск был оставлен.

27 октября в штаб Рокоссовского позвонили из Ставки, заявив: 16-ая армия не справилась с поставленной задачей (не защитила Волоколамск). Сталин ею не доволен.

Но 16-ая армия на Волоколамском шоссе, уступая 4-ой танковой армии Эриха Гёпнера по всем позициям, задержала фашистов, не дав сходу прорваться к Москве. Она не побежала, а организованно отступала, занимая и оборудуя новые рубежи, вновь оказывая сопротивление.

30 октября курсантский полк стоял на реке Лама (Урещево — Ремягино — Буйгород), на подступах к Клину. За четыре дня с 27 по 30 октября он понёс особенно большие потери.

7 ноября 1941 года в параде на Красной Площади принимал участие батальон Московского пехотного училища.

После трёхнедельной передышки, 16 ноября 1941 года гитлеровцы предприняли новую попытку овладеть Москвой, передислоцировав части, подтянув резервы. В этот день курсантам полка присвоили звания лейтенантов и приказали с шестью пулемётами, при отсутствии артиллерии, в районе Яропольца (деревня Парфеньково) оттянуть фашистов на себя. Именно тогда в полк прибыло пополнение.

Курсанты понимали: многих не досчитаются! Они обнимались, плакали, прощались.

С 16 по 19 ноября на этих позициях полк понёс, как и в середине октября, многочисленные потери. Погибло 378 человек. От конников Доватора, стоявших с ними, почти никого не осталось.

18 ноября в деревне Гесенёво погиб командир 316-ой стрелковой дивизии генерал-майор И. В. Панфилов.

Однако стремительной атакой 16 ноября курсанты прорвали оборону противника в деревне Харланиха у Яропольца, помогая выйти из окружения 1077-му стрелковому полку.

Лишь весной 1942 года местные жители, когда растаял снег, собрали тела погибших и захоронили безымянными в братской могиле. Все они числились без вести пропавшими.

В ночь на 21 ноября курсантский полк оказался в самом уязвимом месте обороны, ведя бои на стыке 16-ой и 30-ой армий, между Волоколамским и Ленинградским шоссе. Курсанты целый день сдерживали фашистов (до двух рот пехоты с танками), имея один станковый пулемёт и одну пушку 1900 года выпуска. Они продолжали героически сражаться на вверенном рубеже, будучи почти в окружении.

В этот момент в помощь курсантам ударили «Катюши». Командир полка сумел вывести курсантов из ловушки и занять позиции на Ленинградском шоссе перед Клином – вместе с измотанной 17-ой кавалерийской дивизией (её артиллерийский дивизион почти полностью погиб), 25-ой танковой бригадой, имеющей 15 танков, остатками 126-ой стрелковой дивизии, которая потом полностью погибнет на Ленинградском шоссе, и 1077-ым стрелковым полком (из 31-ой стрелковой дивизии), а также немногочисленными частями в Клину, охранявшими штаб 16-ой армии (его переведут в посёлок Сходня, недалеко от стекольного завода).

Целых 3 дня, до 23 ноября, кремлёвские курсанты сдерживали натиск 3-ей танковой армии генерал-фельдмаршала Рейнгардта.

23 ноября под Клином (деревня Некрасино) две роты курсантов внезапной атакой разгромили батальон фашистов (200 трупов), а 24 ноября (Комаровка – Каменка), прорвав кольцо окружения, уничтожив несколько пушек и штаб вражеского полка, вышли сами и помогли выйти частям 16-ой армии.

В этих боях отличился лейтенант, командир роты Б. Г. Тимченко, уничтоживший более 200 фашистов и 3 танка, но сам героически погибший. Согласно фронтовому приказу № 437 от 22.12.41 года, он был представлен (посмертно) к званию Героя Советского Союза, но, видимо, в военной суеде «наверху» это не утвердили.

К. К. Рокоссовский, описывая в мемуарах эти дни, сделал вывод: «Выход был только один: отход на восток в сторону Рогачёвского шоссе, так как на юге г. Солнечногорск 23.11.41 года был занят 4-ой танковой армией генерал-фельдмаршала Эриха Гёпнера, подошедшей с Волоколамского шоссе».

Кремлёвские курсанты вместе с остатками защитников Клина и 133-ей стрелковой дивизией влились в оперативную группу Ф. Д. Захарова (заместителя командующего армии К. К. Рокоссовского). Совсем остановить танковые части врага, рвущиеся в направлении Лобни – Красной Поляны, не удалось, но группа смогла замедлить их продвижение.

«Особенно отличились в боях кремлёвские курсанты и стрелковый полк 133-ей стрелковой дивизии полковника Н. М. Мултина» (К. К. Рокоссовский). Остатки Объединённого курсантского полка продолжали отважно сражаться в рядах 16-ой армии до подхода резервов и начала контрнаступления Красной Армии.

6 декабря 1941 года полк кремлёвских курсантов по приказу К. К. Рокоссовского был расформирован. Из 1336 курсантов к этому моменту погибло 811 человек, то есть более чем каждый второй! 400 курсантов старших курсов направили в другие подразделения возглавлять роты и взводы. 158 курсантов младших курсов послали доучиваться в училище (по нормам военного времени – до 3-5 месяцев, и снова в бой).

Если учесть, что из младшего комсостава больше всего гибло лейтенантов (они сами вели в бой подчинённых), и именно их всегда не хватало в Красной Армии, то затруднительно после войны было встретить кремлёвского курсанта из 1941 года.

За участие в боях под Москвой 53 курсанта и 30 офицеров полка С. И. Младенцева были награждены орденами и медалями. Командир полка получил орден «Боевого Красного Знамени» (приказ № 0449 от 31.12.41 года).

Не 3-5 дней, а целых 2 месяца воевали кремлёвские курсанты на Волоколамском и Ленинградском шоссе, имея на счету более 800 убитых и около 500 захваченных в плен фашистов; 3 уничтоженных артиллерийских и 8 миномётных батарей; 1 самолёт; 20 танков и 7 САУ; 8 захваченных пушек, 12 миномётов и 20 грузовых машин и покрыв себя неуязвимой славой на подступах к Москве.

Народная память не забывает героев. В селе Ярополец Волоколамского района воздвигнут «Мемориал погибшим кремлёвским курсантам». Первоначально на братской могиле стоял безымянный обелиск.

Позже в могилу перезахоронили прах четырёхсот курсантов и двухсот солдат Красной Армии.

Сейчас на гранитных плитах Мемориала высечены имена погибших. Он сооружён по инициативе и на средства курсантов и ветеранов училища. Документы о кремлёвских курсантах 1941 года не сохранились.

Найден дневник учёта, где зафиксированы большие потери 27-30.10.41 года и 16-19.11.41 года. В нём перечислены фамилии с указаниями даты и места рождения, а также даты смерти курсантов.

Эти данные дали возможность выбить их имена на гранитных плитах памятника в селе Ярополец.

Ежегодно 6 октября кремлёвские курсанты в полной выкладке совершают марш-бросок по дороге памяти предшественников к братской могиле в селе Ярополец.

Курсанты

*Штыки от стужи побелели,
Снега покрылись синевой.
Мы, первый раз надев шинели,
Сурово бились под Москвой.*

*Безусые, почти что дети,
Мы знали в яростный тот год,
Что, кроме нас, никто на свете
За этот город не умрёт.*

Игорь Иванов

Источники:

1. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. - Т. 2. – М., 1985. -С. 208, 214.
2. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. – Т. 3. - М.: Кучково поле, 2012. - С. 58
3. Сайт <http://www.elibrary.ru>
4. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М.: Воениздат, 1985. - С. 68.
5. Титова А. В. Материал конференции МБОУ СОШ № 30. - 2019 год. - конкурсная работа “Кремлёвские курсанты”.
6. Владимиров В. 41 километр. - М.: Московский рабочий, 1975.
7. Артемьев П. А. Битва за Москву. Московская зона обороны. – М.: Московский рабочий, 1975. – С. 110.
8. Казаков В. И. Битва за Москву. – М.: Московский рабочий, 1975. - С. 77.

27-ая отдельная стрелковая бригада на страже Химок и Москвы в 1941 г.

Нина Валентиновна Мочалова

член Химкинского краеведческого общества

Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте...
М. Матусовский

В разгар Московской битвы в конце ноября – начале декабря 1941 года враг двумя танковыми группами (3-ей и 4-ой), захватив 23 ноября года города Клин и Солнечногорск, устремился в образовавшуюся восьмикилометровую брешь между двумя армиями (16-ая К. К. Рокоссовского и 30-ая Д. Д. Лелюшенко) в направлении Лобни и Красной Поляны.

Быстро смяв группу Ф. Д. Захарова, к 30 ноября враг оказался на рубеже: станция Лобня – Красная Поляна – деревня Пучки – деревня Катюшки (23-25 километров от Кремля). Для средних немецких танков Т-III – примерно полчаса хода.

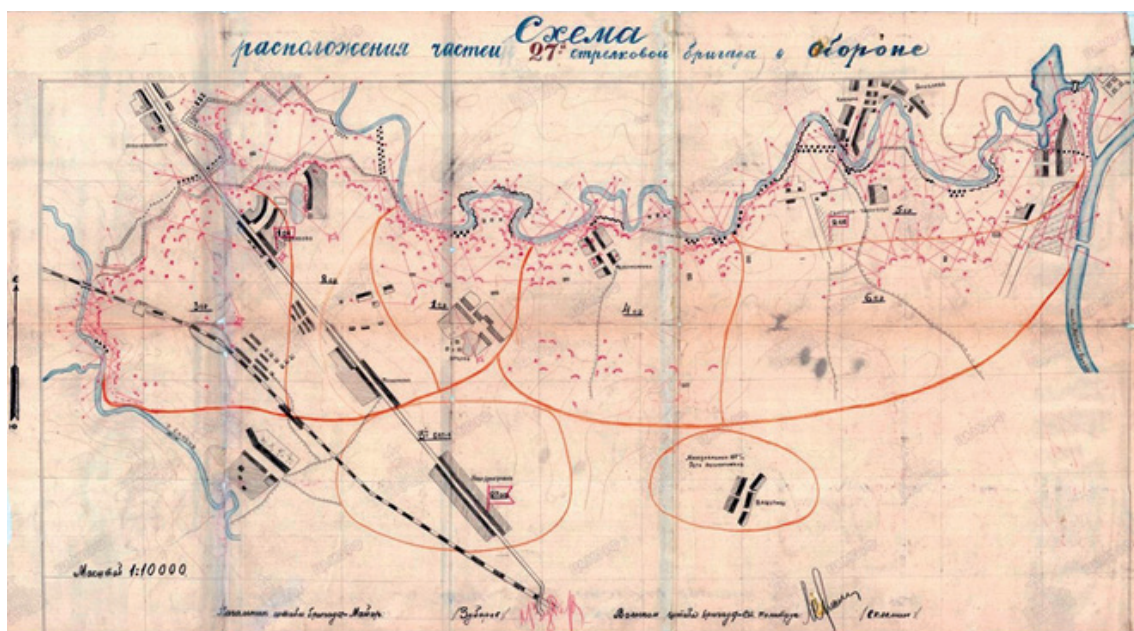
Для Ставки Верховного Главнокомандования стремительное появление фашистских войск на пороге столицы стало полной неожиданностью, тем более, что резервов практически не было. В Москве стояли лишь две армии для её защиты: 24-ая и 60-ая.

60-ая армия была сформирована 15 ноября 1941 года в Приволжском военном округе. Формировавшиеся здесь части составляли резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Её командующим стал генерал-лейтенант М. А. Пуркаев.

В 60-ую армию входили шесть дивизий, в том числе 352-ая стрелковая дивизия полковника Ю. М. Прокофьева, которая была в конце ноября включена в 20-ую армию и заняла позиции в Химках и окрестностях, а также несколько бригад.

Среди них – 27-ая отдельная стрелковая бригада, командиром которой назначили полковника, Героя Советского Союза А. А. Дьяконова. Военкомом бригады был батальонный комиссар А. К. Бурцев, начальником штаба – майор И. Г. Зубарев, комиссаром штаба – старший политрук Склёмин.

Бригада была сформирована к 1 ноября 1941 года в городе Павлово Горьковской области. Там она сооружала оборонительные рубежи, овладевала боевыми навыками ведения боя. Основу бригады составляли курсанты военных училищ и полковых школ. Поэтому Анатолий Александрович называл бригаду «курсантской».

С 4 декабря (на основании директивы штаба МВО за № 0109369 от 03.12.41 года) 27-ая Отдельная стрелковая бригада (ОСБр) начала передислокацию из Павлово в Москву.

К 6 декабря все пять эшелонов выгрузились на станции Химки и сосредоточились в 15 километрах северо-западнее Москвы, в Химкинском районе того времени. Бригада состояла из 3-х отдельных стрелковых батальонов и других воинских подразделений, необходимых ему по штату: артдивизиона, батальона связи, полевой почтовой станции, миномётного батальона, взвода ПВО, особого отдела, Военной прокуратуры и трибунала, управления бригады, командирского взвода, рот: противотанковой, танковой, медико-санитарной, роты автоподвоза, роты автоматчиков.

Став во второй эшелон 16-ая армии, она заняла следующие позиции (данные на 11 декабря): справа – деревня Ивакино; слева – станции Подрезково; тыл – Новодмитровка, где стоял в резерве 3-ий отдельный стрелковый батальон с миномётной ротой, батареей 2-го орудийного состава 57 мм орудий, ротой автоматчиков, двумя взводами противотанковых ружей (далее – ПТР). КП бригады располагался в школе посёлке Ново-Дмитровка. Штаб 27-ой бригады находился всё время в посёлке Ховрино (он в 1941 году входил в Химкинский район).

Там же стояла батарея РС, танковая рота, медсанбат. Тылы – в роще в 1 километре от Ховрино (14 декабря тылы были подтянуты в деревню Новая Луза). Численность бригады в 1941 году составляла примерно 3000 человек (по штату – 5,5 тысяч).

1 отдельный стрелковый батальон располагался в районе станции Подрезково (слева) – деревня Бурцево (справа), занимая лишь её левую часть, с 3 миномётной ротой, 3 батареей 57-миллиметровых пушек, одной пушкой 76 миллиметров, взводом ПТР.

Тыл – деревня Молжаниновка. Боевое охранение (юг) деревня Новосёлки, Ново-Кирилловка. Полоса обстрела: справа – отметка 162.8, слева – железная дорога на Крюково. Командный пункт – посёлок Черкизово.

2 отдельный стрелковый батальон держал следующий рубеж обороны: справа – деревня Ивакино, слева – деревня Бурцево (правая часть), тыл – деревня Вашутино, где находился запасной КП бригады.

11 декабря его переместили в деревню Свистуха. Боевое охранение батальон имел на линии: деревня Яковлево – отм. 179.4. Полоса обстрела: справа – Павельцево, слева – отм. 162.8. В батальон входили: 2-ая миномётная рота, 2-ая батарея 57 мм пушек (3-го орудийного состава), одна пушка 76 миллиметров, взвод ПТР.

«Миндивизиону 107 мм миномётов занять огневой пункт в районе д. Вашутино с задачей: быть готовым к открытию огня батареей Павельцево – Яковлево; одной батареей – южная опушка леса, что южнее отм. 179.4, в 0.5 км ю-в окраины Ново-Кирилловка» (из Приказа № 3 штаба 27-ой отдельной стрелковой бригады от 11.12.41 года).

Командир приказал роте автоматчиков расположиться в деревне Вашутино и быть готовой к уничтожению групп противника (десанта).

В справке № УГ-67673 архива Подольска от 23.01.2019 года отмечается: «Согласно книге сына А. А. Дьяконова Юрия «Рассказы об отце», с 7 по 9 декабря 1941 года установлено (по оперативным документам 27-ой стр. бр.): части бригады вели боевые действия в населённых пунктах Ивакино, Свистуха. Мелькисарово, Вашутино, Черкизово, Подрезково, Ново-Дмитровка, Молжаниновка».

В посёлке Старбеево стояла рота курсантов Московских военных училищ младших курсов. Они готовили противотанковый ров между деревней Терехово и посёлком Старбеево, направленный от канала Москва – Волга перпендикулярно Ленинградскому шоссе.

Юрий отмечал: «Если идти вдоль канала к реке Клязьма, то через 100 м упрёшься в огромный противотанковый ров. Ожидалось наступление врага со стороны канала и верховьев р. Клязьма. Ров был длиной около 1 км со 100 метровой в 2 ряда заградительной линией из дубовых надолбов, игравших роль «ежей» и протянутых в несколько рядов колючей проволоки. Траншеи, окопы шли по посёлку и всему Старбеевскому лесу, прости-

рающемуся вдоль канала Москва – Волга».

На всём его протяжении были поставлены десятки ДОТов, ДЗОТов, блиндажей. Бетонная плита основания ДОТа долго сохранялась на улице Свердлова у дома № 21.

Курсанты уделяли большое внимание оборонительной линии со стороны канала. Весь берег его у посёлка Старбеево был заминирован, на определённом расстоянии расставлены фугасы. На левом (противоположном) берегу канала, оборону которого держала 2-ая Московская стрелковая дивизия, шли эскарпы с равномерно расположенными пулемётными точками к Клязьминскому и Пироговскому водохранилищам.

Иначе говоря, весь канал Москва – Волга имел огромную двухстороннюю полосу обороны. Это и понятно.

В условиях суровой зимы канал был прямой и гладкой дорогой к Кремлю. Вот почему фашисты во что бы то ни стало рвались к нему! Поэтому защитники Москвы «одежи канал в солдатскую шинель».

У посёлка Старбеево курсантам помогали возводить укрепления жители Химок и Москвы. Многие московские студенты приезжали в Старбеево пилить дубы в большой дубовой роще для возведения надолбов.

На туристической карте-схеме № 2 Старбеево – Ивакино, составленной краеведом В. В. Чигарёвым, чётко нанесены укрепления посёлка Старбеево 1941 года и проложен маршрут экскурсии, связанный с его обороной.

Надо отметить: Анатолий Александрович по-отцовски относился к подчинённым, заставляя их серьёзно изучать военную науку, совершенствовать навыки борьбы с врагом, тем самым оберегая их от трагедии в будущем.

При контрнаступлении Красной Армии 27-ая стрелковая бригада вошла в состав 3-ей Ударной армии (25 декабря 1941 года), которая была сформирована на базе 60-ой армии. В её состав вошли три дивизии (23-я, 33-я, 257-я) и шесть стрелковых бригад (20-я, 27-я, 31-я, 42-я, 45-я и 54-я).

До 22 января 1942 года 3-я Ударная армия была приписана к Северо-западному фронту, а затем – к Калининскому.

Полковник А. А. Дьяконов командовал 27-ой стрелковой бригадой до 25 января 1942 года, а потом возглавил 257-ю стрелковую дивизию. Она успешно участвовала в Великолукской наступательной операции (24 ноября 1942 года – 20 января 1943 года).

Город Великие Луки считался сильнейшим немецким плацдармом. Бойцы дивизии, поджидая в его окрестностях подхода других частей, по приказу комдива соорудили из снега макет Великих Лук и отрабатывали на нём тактику ведения боя в условиях города.

Успешная подготовка к взятию Великих Лук с использованием штурмовых групп принесла победу при его освобождении, причём, с малой потерей бойцов.

За проявленное мужество, находчивость и героизм 257-ой стрелковая дивизия преобразована в 9-ую гвардейскую, а полковнику А. А. Дьяконову присвоено звание генерал-майора с вручением ордена Суворова II степени (27 января 1943 года).

Несмотря на то, что боевые пути 27-ой стрелковой бригады с А. А. Дьяконовым разошлись, он всё время следил за успехами «курсантской» бригады.

В очерке в газете «Ленинское знамя» № 70 за 25 марта 1970 года «Поколения будут помнить» А. А. Дьяконов писал: «На базе бригады была сформирована 316-ая стрелковая дивизия (получила знаковый номер бывшей Панфиловской дивизии 1941 года.).

В боях под Сталинградом она покрыла себя неувядаемой славой и стала называться 4-ой гвардейской. И пусть немногие из тех, кто начинал путь в курсантских шинелях, вернулись с полей сражений, память благодарных потомков помнит имена героев, отдавших свою жизнь за Родину», – такими словами заключил очерк Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. А. Дьяконов.

Война для Анатолия Александровича закончилась 2 сентября 1945 года, когда на американском линкоре «Миссури» была подписана капитуляция Японии.

Во время военных действий на Дальнем Востоке, в борьбе за Южный Сахалин корпус под руководством генерал-полковника А. А. Дьяконова проявил умение, мужество и мастерство. За грамотное ведение боевых операций ему присвоено звание генерал-лейтенанта с вручением второго ордена Суворова II степени. Всего же за годы двух войн А. А. Дьяконов получил семь орденов и звание Героя Советского Союза.

Когда в 1955 году ему предложили выбрать для дачи место в Подмосковье, он, не раздумывая, ответил: «Химки. Старбеево, где стояли мои мальчишки».

В финском дачном домике на улице Свердлова, в доме № 36 он прожил с 1955 по 1972 годы. Анатолий Александрович, член общества «Знание», вёл большую военно-патриотическую работу среди молодёжи Химкинского района.

Он любил дачу в Старбеево. (Его домик в 2020 году доживает последние дни, участок продан и возведён кирпичный дворец.)

На пенсии А. А. Дьяконов ежедневно прогуливался по Старбеевскому лесу, собирая грибы, ягоды, обходя и фотографируя те места, где возводили рубеж обороны в грозные дни Московской битвы его курсанты.

Однажды, гуляя по лесу, Анатолий Александрович потерял сознание.

8 августа 1972 года в Старбеево перестало биться сердце солдата.

9 августа его перевезли в Москву на Введенское кладбище, где похоронили со всеми почестями, полагающимися Герою Советского Союза. Химкинские краеведы прилагают все усилия, чтобы увековечить имя защитника Химок 1941 года: узаконить мемориальную доску на ограде дома (жители микрорайона прикрепили её 9 мая 2018 года по собственной инициативе), присвоить школе № 30 его имя, перед ней поставить бюст А. А. Дьяконову и установить там стелу памяти 27-ой отдельной стрелковой бригаде.

К 80-летию победы в Московской битве одна из улиц городского округа Химок была названа именем героя.

Возникает вопрос: какие части 27-ой отдельной стрелковой бригады стояли в посёлке Старбеево?

Изучая внимательно отдельные карты 352-ой стрелковой дивизии Ю. Прокофьева и сменившей её 27-ой отдельной стрелковой бригады за декабрь 1941 года, отмечаем: границы расположения воинских частей как-то обходят населённые пункты - деревню Терехово и посёлок Старбеево.

Обращения в Центральный архив Министерства обороны в Подольске ясности не внесли: «пункты Старбеево и Терехово в указанных оперативных документах не упоминаются» (ответы из архива от 22.01.20 и от 20.08.20 года).

Однако и сам Дьяконов А. А. и его сын Юрий, проживавший почти 20 лет после войны с отцом в посёлке Старбеево, не только указывали место укреплений в посёлке, но и подробно описывали их обустройство.

Недалеко от дома, где они жили, почти до нулевых годов сохранялась плита - основание ДОТа. В Старбеевском лесу и сейчас ещё кое-где можно различить следы траншей и окопов. Кто же их возводил? Последние исследования показали: кроме четырехдневного пребывания подразделений 475-ой отдельной сапёрной бригады (штаба 1-й роты и 1-го отделения) с 4 по 7 декабря 1941 года, временно переданного 352-ой стрелковой дивизии Прокофьева, войск в посёлке Старбеево не стояло.

Во-первых, до 23 ноября северные окраины Химок находились в глубоком тылу 16 армии К. К. Рокоссовского. Его войска тогда сосредоточились на линии г. Дедовск – д. Ленино (Волоколамское шоссе) – посёлок Крюково – 40-й километр Ленинградского шоссе.

Во-вторых, прорыв врага после захвата городов Солнечногорск, Клин был неожиданным для Ставки. У неё на тот момент совершенно не было резервов. Поэтому любые части, которые появлялись, бросались на передовую, чтобы остановить врага на пороге Москвы.

В одном из мемуаров даже утверждалось: враг 28 ноября спокойно вошёл в посёлок Красная Поляна, где наших войск не было, но задержался только на полсутки. За это время подошли наши части.

С 1 на 2 декабря на севере Химок и в самом городе сосредоточились части прибывшей 352-ой стрелковой дивизии Ю. М. Прокофьева, что доказывает карта ее дислокации. Дивизия простояла на окраине Химок неделю.

Затем её направили к Солнечногорску, где она в составе 20-ой армии 12 декабря 1941 года освобождала город.

Когда уже шло контрнаступление наших войск, её позиции заняла 27-ая отдельная стрелковая бригада (включительно до деревни Ивакино), занимая тыловые позиции в наступающих войсках.

Далее войска в посёлке Старбеево оставлять не было необходимости, части Красной Армии погнали врага далеко на запад от Москвы.

Но, так как Ставка в 1942 году ожидала летнее наступление врага на столицу, то строительство укреплений продолжалось.

Вероятно, в посёлке Старбеево их возводили жители Химок и Москвы с курсантами младших курсов военных училищ, где их обучали военному искусству. Вот почему московские курсанты упоминаются в книге сына А. А. Дьяконова «Рассказы об отце».

*Память о них, что мы в сердце храним,
Пусть будет святою наградой им.*

Николай Доризо

Источники:

1. Журнал боевых действий 352-ой стрелковой дивизии.
Дата создания документа: 06.08.1943 г.
Архив: ЦАМО, фонд: 1672, оп. 1, д. 8, Описывает период с 01.12.1941 по 06.08.1943 г.
2. Журнал боевых действий штаба 27-й отдельной стрелковой бригады МВО.
Архив: ЦАМО, фонд: 1625, оп. 1, д. 6. 19 октября 1941 г. – 7 июля 1942 г.
3. Схема расположения частей 27-й отдельной стрелковой бригады МВО в обороне.
ЦАМО, ф-1817, оп. 0000001, д. 0003, 1940-е гг.
4. Схема инженерных сооружений полосы обороны 2-й МСД на 1.01.1942 г.
ЦАМО, ф.-450, оп. 11158, д. 112, 1 января 1942 г.
5. Карта действий 16-й армии с 4 декабря 1941 г. по 10 декабря 1941 г. Фрагмент. ЦАМО, фонд: 358, оп. 5916, д. 8, автор документа: 16-я армия, подполковник Золин, 1941 г.

Один против двадцати трёх: подвиг зенитчиков у Лобни в 1941 году

Нина Валентиновна Мочалова

член Химкинского краеведческого общества

Когда в конце ноября 1941 года образовалась восьмикилометровая брешь между 16-ой армией К. К. Рокоссовского и 30-ой армией Д. Д. Лелюшенко, в неё ринулись 3-я и 4-я танковые армии гитлеровцев, они, смяв группу полковника Ф. Д. Захарова, уже 28 ноября оказались на линии Красная Поляна – Катюшки – станция Лобня (23-25 километров от Москвы). Сталин потребовал от Рокоссовского принять немедленные меры. Из Ставки прислали 2 артиллерийских полка, 145-ую танковую бригаду Ф. Т. Ремизова, 282-ой стрелковый полк, 528-ой артполк и 4 дивизиона «Катюш».

Они сосредоточились восточнее деревни Чёрная Грязь, откуда нанесли удар в сторону захваченных пунктов. Бой шёл весь день. Потери были велики, но деревни остались в руках противника. Однако движение 2-ой танковой и 106-ой пехотной дивизий врага было приостановлено. До 3 ноября на линии обороны станция Лобня – Красная Лобня немецкие танки едва сдерживали части 2-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения (4-ая рота у Красной Поляны; у станции Лобня – 7-ая и 9-ая роты) и 28-ая стрелковая бригада (полковника А. И. Гриценко) из опергруппы А. И. Лизюкова, потом подошли части 331-ой Брянской пролетарской стрелковой дивизии генерал-майора Ф. П. Короля. 29 ноября у развилки Рогачёвского шоссе совершили подвиг 28 пулемётчиков (взвод 2-ой пулемётной роты 1-го стрелкового полка 2-ой Московской стрелковой дивизии народного ополчения), комвзвода Н. А. Бойко, политрук Женевский (его имя носит улица в городе Лобня).

В их распоряжении против гитлеровцев были 4 станковых пулемёта, 1 автомат, бутылки с «коктейлем Молотова», гранаты. Они подбили 3 танка, 1 бронетранспортёр, уничтожили сотни гитлеровцев, не дав прорваться к столице. Все 28 погибли! Их подвиг сродни подвигу 28 панфиловцев в Дубосеково.

К 1 декабря 1941 года к станции Лобня с Ленинградского шоссе передислоцирована 13-я батарея 864-го зенитного артиллерийского полка (комполка воентехник 2 ранга И. В. Жаворонков, комиссар – младший политрук А. А. Сажнев). Москву защищали 1500 зенитных стволов, в том числе 250 стояли на шоссе перед столицей. Зенитные орудия с длинным, тонким, поднятым вверх стволом, предназначались для сбивания самолётов.

В 1941 году зенитная пушка имела калибр 76 миллиметров, а образца 1943 года – 85 миллиметров. Снаряд обладал высокой начальной скоростью – свыше 900 м/сек и летел на высоту до 10 километров. Это орудие оказалось эффективным и для борьбы с танками противника. Из-за нехватки пушек Московская зона ПВО часть зениток направила в Подмосковье, на борьбу с наземными частями врага. 13-ая батарея 864-го зенитного артполка Московской зоны ПВО сначала стояла у Московского мясокомбината.

В конце ноября её перебросили на Ленинградское шоссе в Солнечногорск, для борьбы с танками врага. Обслуге строго запрещалось стрелять по самолётам противника, но командир орудия старший сержант из Нагорного Карабаха Гаик Шадунц в деревне Пешки не удержался и сбил «Мессершмитт-109». Чуть не угодил в штрафбат.

С прорывом фашистов к станции Лобня батарею передислоцировали туда, на западную окраину деревни Киёво (теперь она вошла в Лобню). Зенитчики разместили четыре орудия по обе стороны развилки Рогачёвско-Дмитровского шоссе. Одна зенитка застряла на обочине дороги. Поблизости в засаде стоял танк «КВ». Приказ танкисту — не сходить с места! Поэтому он отказался помочь зенитчикам.

Бесстрашный, горячий Гаик Шадунц тут же скомандовал расчёту: «К бою! По танку!». Что было делать танкистам? Помогли.

Впереди деревни Киёво в километре виднелась деревня Горки, слева от дороги – деревня Нестериха. Перед железной дорогой – лощина, где проходил противотанковый рубеж. На обочине шоссе стояла колокольня (наблюдательный пункт батареи). Ночью на неё проник диверсант — финн с ножом и автоматом. В темноте он успел вонзить нож в спину старшины батареи, но от расплаты не ушёл! Вскоре немцы открыли ураганный огонь по позициям батареи, и два орудия были разбиты, ранило 13 бойцов, убило командира орудия. В строю к 1 декабря, когда фашисты утром предприняли атаку из деревни Горки, остались две зенитных установки. Враг двумя танковыми колоннами, спустившись в лощину, перестроился клином и двинулся в сторону деревни Киёво.

Стрелковый батальон, стоявший впереди батареи зенитчиков, дрогнул и отступил. На две зенитки шли 11 танков противника. Первым открыло огонь орудие, стоявшее слева от шоссе. Ответный снаряд врага тут же подбил его, сразу обнаружив. Зенитка замолчала.

Осталось одно зенитное орудие старшего сержанта Гаика Шадунца. Согласно интервью командира орудия, данного «Московской правде» в декабре 1966 года, события разворачивались следующим образом.

Наводчик Баранов направил ствол на головной танк. Тот замер. Остальные 10, не догадываясь, что по ним стреляет только одна пушка, повернули назад. С опушки леса поднялась в атаку наша пехота и отбросила врага в деревню Горки.

2 декабря фашисты подтягивали к станции Лобня новые резервы. В это время на станции «Химки» выгрузился первый полк 331-ой стрелковой дивизии генерал-майора Ф. П. Короля, который сразу направили в сторону Красной Поляны.

Впоследствии он писал: столкнувшись с противником в Лобне, с трудом поверил, что враг так близко от Москвы. 3 декабря к вечеру немцы предприняли новую атаку на позиции зенитчиков из деревни Нестериха с миномётом и 23 танками, которые шли в шахматном порядке. Из 13-й (с несчастливым номером) батареи их встретили лишь две зенитные пушки (одну восстановили), сзади них в засаде стоял «КВ». Первым вновь выстрелило восстановленное орудие, но неудачно — снаряд попал в сарай. Миномётчик засёк и разбил зенитку. Командир тоже был убит. И снова бой с танками один, как и 1 декабря, повёл расчёт Г. А. Шадунца. А танки продолжали двигаться вперёд. Удачный выстрел по головному танку, когда до цели оставалось метров 700, несколько нарушил строй фашистов. Три их танка ринулись на помощь головному, но тут же были подбиты зенитчиками. Они «в лоб» били бронёбойными, а гранатой – если танки подставляли бока. Оставшись без головного танка, как и 1 декабря, 19 машин повернули обратно, обгоняя свою пехоту. А расчёт Г. А. Шадунца вдогонку подбил ещё два танка. Итого: 6 танков и миномёт за один бой!

В обоих сражениях (и 1 и 3 декабря) зенитчикам помогали пехотинцы 28-ой стрелковой бригады, а с 3 декабря – полк 331-ой стрелковой дивизии и бронепоезд № 78, приданный 20-ой армии, штаб которой находился в Химках. Из Мелькисарово били «Катюши». Танки врага больше не показывались.

Лишь в наш тыл забрели два фашиста, горланя песню – собрались пешком в Москву!

На следующий день, 4 декабря, контрударом частей Красной Армии враг был отброшен на 1,5 – 2 километра от станции Лобня. И с 8 декабря при контрнаступлении войск Западного фронта – фашистов погнали вспять, освободив Красную Поляну, Озерецкое, Белый Раст, Солнечногорск, Клин и далее на Запад. 864 зенитный артполк вернули в московскую зону ПВО. Там, где стояла зенитка Г. П. Шадунца, жительница рядом стоящего дома — Евдокия Ивашенкова – посадила три берёзки.

Сейчас рядом с ними, по инициативе коллектива Московского физико-технического института, сооружён памятник, на котором стоит зенитное орудие образца 1943 года (калибра 85 миллиметров). Зенитка Г. А. Шадунца в войну была переплавлена.

Памятник напоминает всем о подвиге 13-ой батареи в городе Лобня в 1941 году, когда одно зенитное орудие отразило натиск 23 немецких танков!

Оборонявший Москву в октябре 1941-го: штрихи к портрету П. Артемьева

Галина Вершинина,
председатель Химкинского краеведческого общества
Татьяна Рыдлевич,
секретарь РОО «Наследие Моссовета»

Рис. 1. Генерал-полковник
П.А. Артемьев. Фото 1970-х годов
из семейного архива.

Если у жителей города Химки спросить, кто командовал историческим парадом в Москве на Красной площади 7 ноября 1941 года, многие ли из них назовут имя генерала Артемьева?

И, скорее всего, для них окажется неожиданным: генерал Павел Артемьевич Артемьев, а речь именно о нём, выйдя в отставку, последние годы (с 1960 по 1979 год) жил в городе Химки на улице Опанасенко.

Генерал-лейтенант Артемьев был назначен командующим Московским военным округом (МВО) на пятый день войны, 26 июня 1941 года. Не все офицеры, служившие под началом прежнего командующего МВО генерала армии И. В. Тюленева, восприняли это назначение с пониманием. П. А. Артемьев, как и все вновь назначенные высшие командиры МВО, до назначения служил во внутренних войсках Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД).

Однако первые же дни войны показали: войскам МВО придётся не столько вести боевые действия, сколько решать задачи по обеспечению безопасности столицы: осуществлять охрану промышленных объектов, государственных учреждений, госпиталей, вести патрулирование дорог, бороться с вражескими диверсантами и шпионами, выявлять дезертиров и паникёров, оказывать содействие органам правопорядка в борьбе с преступностью, организовывать противовоздушную оборону столицы, а также строить ложные объекты, чтобы вводить в заблуждение авиацию противника и обеспечивать сохранение тайны «ложности» этих объектов, организовывать и руководить строительством оборонительных сооружений на подступах к столице и в самой Москве.

Видимо, Верховное Главнокомандование посчитало: с этими задачами наилучшим образом смогут справиться командиры, имеющие соответствующий опыт. Кроме того, на плечи командования МВО легла работа по мобилизации военнообязанных, формированию дивизий и полков народного ополчения, истребительных батальонов и партизанских отрядов. Время показало: назначение П. А. Артемьева – абсолютно правильное и оправданное.

Он родился в 1897 году, в 1915 году призван в армию. В 1918 году добровольцем вступил в ряды Красной Армии. После окончания Гражданской войны в 1924 – 1925 годах учился в Высшей пограничной

Рис. 2. В штабе Московской зоны обороны.
Слева направо А. И. Кудряшов, П. А. Артемьев,
К. Ф. Телегин. Фото осень, 1941 года.
Кадры из кинохроники.

школе ОГПУ и после её окончания служил в различных частях пограничных войск ОГПУ/НКВД.

В 1938 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и был назначен на должность командира дивизии особого назначения имени Дзержинского.

В феврале 1941 года – назначен начальником Управления оперативных войск НКВД СССР. В период с 5 по 10 октября 1941 года, когда после брянско-вяземской катастрофы командование Западным фронтом было деморализовано, а на западном и юго-западном направлениях не осталось боеспособных войск для прикрытия Москвы, Сталин приказал П. А. Артемьеву задержать врага на 5–7 дней всеми имеющимися в распоряжении командующего МВО силами. Однако сил и времени на их мобилизацию было не так уж много. Счёт шёл на часы.

В дополнение к регулярным армейским подразделениям и частям войск НКВД, командование МВО и руководство Москвы срочно сформировали из москвичей-добровольцев комсомольские и коммунистические полки и батальоны.

Немногие из тех, кто вступил в бой с немцами в те первые октябрьские дни 1941 года на подступах к Москве, остались живы, но они выполнили главную задачу – остановили наступающего врага, выиграли время.

Артемьев лично выезжал на самые опасные участки фронта на Можайском, Малоярославецком направлениях, руководил организацией обороны Тулы.

Ценой невероятных усилий и благодаря самоотверженности и мужеству защитников Москвы за эти 5 дней наши отступавшие войска сумели привести себя в порядок, переформироваться.

Можно утверждать – командующий МВО генерал-лейтенант Артемьев оборонял Москву в критические дни вражеского наступления: с 5 по 10 октября 1941 года, вплоть до вступления Г. К. Жукова в должность командующего Западным фронтом (10 октября).

К середине октября возникла реальная угроза прорыва немцев к Москве, и Сталин приказал П. А. Артемьеву организовать оборону столицы и удерживать город, или хотя бы часть его до подхода главных резервов. Столицу подготовили к уличным боям.

Городские улицы перекрыли оборонительными сооружениями, в домах оборудовали огневые точки. К счастью, результаты этой огромной работы оказались невостребованными. Более того, было принято решение провести в Москве 7 ноября 1941 года военный парад. Готовить парад поручалось командующему МВО Артемьеву. Ему же было приказано командовать парадом. Гремели духовые оркестры, развевались знамёна. С Красной площади в сторону фронта колонны двигались по Ленинградскому шоссе.

Парад 1941 года оказался отмеченным и в химкинской истории: одна из воинских частей задержалась в Химках до 8 ноября. Школьной учительнице М. И. Карабиновой удалось устроить короткую встречу детей и воинов. Дети по очереди подходили к Знамени части и, опускаясь на колено, целовали его краешек. Так их приняли в пионеры. И на всю жизнь осталась память о той торжественной клятве. У Жени Соболевой сохранилась фотография в красном галстуке, на ней дата – 8 ноября 1941 года. («Единственная среди всех и как все. Евгении Николаевне

Рис. 3. Артемьев командовал парадом и в мирное время. Фото 1946 года. Государственный центральный музей современной истории России.

Рис. 4. Современное фото
дома Артемьева
на улице Опанасенко.

Соболевой посвящается». М., 2010.) В начале ноября Ставка приняла решение о подготовке контрнаступления под Москвой. Для этого необходимо было скрытно подготовить стратегические резервы. Эту ответственную работу Сталин поручил командующему МВО П. А. Артемьеву. Как показали дальнейшие события, с поставленной задачей генерал Артемьев справился великолепно.

В 1942 году ему было присвоено звание генерал-полковника. В этом звании П. А. Артемьев командовал Московским военным округом до июня 1953 года.

С июня 1953 по сентябрь 1960 года – служил в должности заместителя командующего Уральским военным округом.

В 1960 году вышел в отставку.

Последние 19 лет Павел Артемьевич Артемьев проживал в городе Химки. И мало кто из химчан знает, что в их городе жил человек, чей огромный вклад в победу под Москвой незаслуженно забыт.

Настало время исправить эту ошибку.

Родственники Артемьева сохранили архив, фотографии и личные вещи генерала. Ими по праву будет гордиться любой из химкинских школьных музеев.

Защитник Старбеевского плацдарма: штрихи к портрету А.А. Дьяконова

Нина Валентиновна Мочалова

член Химкинского краеведческого общества

Как мало знаем мы о героях Химкинской земли! Книга «Рассказы об отце» Ю. А. Дьяконова (М.: «Таймс», 1999) повествует об одном из них – о генерале-лейтенанте, Герое Советского Союза Анатолии Александровиче Дьяконове. Автор книги – его сын Юрий. После войны, с 1955 года, Анатолий Александрович жил в Химках (в посёлке Старбеево).

Толя Дьяконов родился в привольных донских степях, усвоив с детства традиции казачества. Несмотря на худобу, рос сильным, выносливым, драчливым, правдивым, заводилой и лидером. Он всегда смело отстаивал свои убеждения, чаще кулаками, что не могло нравиться его отцу-священнику. Отец и мать хорошо пели. Анатолий унаследовал сильный, звучный голос. Он отлично играл на баяне и балалайке. Младший брат Виктор освоил мандолину, а сестрёнка Клава – гитару. Отца переводили служить с места на место. Семья следовала за ним. В городе Сычи Анатолий пошёл в школу. В старших классах он организовал школьный театр, исполнял в спектаклях главные роли, посещал хор, работал в краеведческом кружке. Его неуёмной энергии хватало на всё.

Рис. 1. Генерал-лейтенант
Герой Советского союза

Анатолия Александрович Дьяконов.

Особенно Толе нравились уроки физкультуры, прежде всего, футбол и плавание.

Учась в школе, он успевает закончить курсы пионервожатых и инструкторов по физкультуре. Это даёт ему возможность после школы успеть поработать по этим специальностям – до призыва в армию в 1930 году.

В 1930 году его направляют служить в 34-ый стрелковый полк во Владикавказ. Однако перед армией Анатолий успевает жениться на чудесной девушке Елене.

Через год он уже – командир взвода. Настольная книга у Анатолия – «Наука побеждать» Суворова. Её он знает наизусть, воспитывая в себе дисциплинированность, выносливость, волю и требуя этого же от подчинённых. Солдат тренирует вести бой в горных условиях, применяя особую стратегию и тактику.

В 1938 году Анатолий Дьяконов уже капитан, а в 1939-м его назначают начальником штаба полка. Так начинается стремительное передвижение по военной служебной лестнице – от курсанта до начальника штаба. Это при том, что он беспартийный (сын священника), горячий и прямой («режет правду-матку в глаза»).

В эти годы Анатолий становится чемпионом края по плаванию и участником Всесоюзной спартакиады 1938 года в Москве.

За десять лет службы на Кавказе Анатолий успешно проходит суровую школу борьбы с чеченскими бандитами.

Вскоре А. Дьяконова перебрасывают в Халхин-Гол в должности начальника разведки, но в боевых действиях участвовать ему не пришлось – осенью 1939 года дивизию возвращают в СССР.

Обостряются отношения с Финляндией, а 30 декабря 1939 года начинается советско-финская война.

А. Дьяконова назначают командиром 60-го отдельного лыжного стрелкового батальона. А он лыжи видел только на картинке («Никаких возражений! Учись сам, учи бойцов!»).

Рис. 2. Лыжные батальоны
в финской войне

Грузят в эшелон и отправляют на Карельский перешеек. Остановка в городе Калинине, где бойцы проходят ускоренный курс подготовки. Всем выдают новые автоматы ППД (бойцы видят их впервые) – и в путь!

Опыт набирали в боях при 50-градусном морозе. Тяжелейший бой за крепость Тупура-Сари, закрывавший подход к Выборгу – при умелом руководстве капитана А. Дьяконова и проявленном им мужестве – выигран. Он назначается командиром полка.

Овладеть городом Выборг стало уже проще. Исход войны предрешён. Через 4 дня она закончилась. Но Анатолий Александрович при штурме Выборга получает тяжёлое ранение. Его направляют в госпиталь. За бои в Финляндии А. А. Дьяконов получает звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

После выздоровления в 1940 году Дьяконов поступает в академию имени Фрунзе. Семья поселяется в доме у Кремля.

1941 год всё переиначил. Враг быстро приближался к Москве. 20 октября 1941 года – столица на осадном положении. Семья Дьяконовых эвакуируется в Кузнецк. В ноябре фашисты оказались в 25–30 километрах от столицы.

27–29 ноября – критические дни. Враг уже у Красной Поляны и Лобни. Ставка бросает сюда все силы. А. А. Дьяконову поручают сформировать из курсантов московских военных училищ стрелковую бригаду. Обессиленные дивизии – 30-я Милюшенко и 16-ая Рокоссовского едва сдерживают натиск. Однако с потерей 23 ноября Клина между армиями на Ленинградском шоссе образуется брешь в 8 километров.

Её спешно прикрывают частью войск 7-ой гвардейской стрелковой дивизии и другими отдельными подразделениями. Необходимо удержать врага, пока на этом направлении сосредотачиваются для контрнаступления две новые армии – 20-ая Власова и 1-ая ударная Кузнецова.

Укрепляются войсками запасные линии обороны. Так, на рубеже деревня Ивакино – станция «Подрезково» ставят 27-ю курсантскую стрелковую бригаду А. А. Дьяконова, которая обустройства рубеж обороны и в Старбеевском лесу: роет окопы, рвы, устраивает землянки, ДОТы.

«И, хотя с тех пор прошло немало лет, но и поныне кое-где ещё сохранились на этой линии окопы и землянки, вырытые бойцами в те морозные ноябрьские дни», – писал А. А. Дьяконов в газете «Ленинское знамя» от 25.03.1970 года.

Сын Анатолия Александровича, Юрий, вспоминал: возле дачи в Старбееве отец показывал бетонные плиты от ДОТа военного времени.

Дача у Дьяконовых появилась в 1955 году, когда Анатолию Александровичу предложили выбрать в Подмоскovie участок.

«Где вы хотите?» – «Там, где воевал, в посёлке Старбеево, в Химках, возле канала».

На этой даче А. А. Дьяконов жил почти постоянно.

В книге «Рассказы об отце» Юрий отмечает: «Если идти вдоль канала имени Москвы к Оке, то через 100 метров упрёшься в огромный противотанковый ров, идущий перпендикулярно каналу в направлении Ленинградского шоссе (глубиной и шириной около 10 метров)».

Рис. 3. Герой Советского
Союза Анатолий Дьяконов,
1940 г.

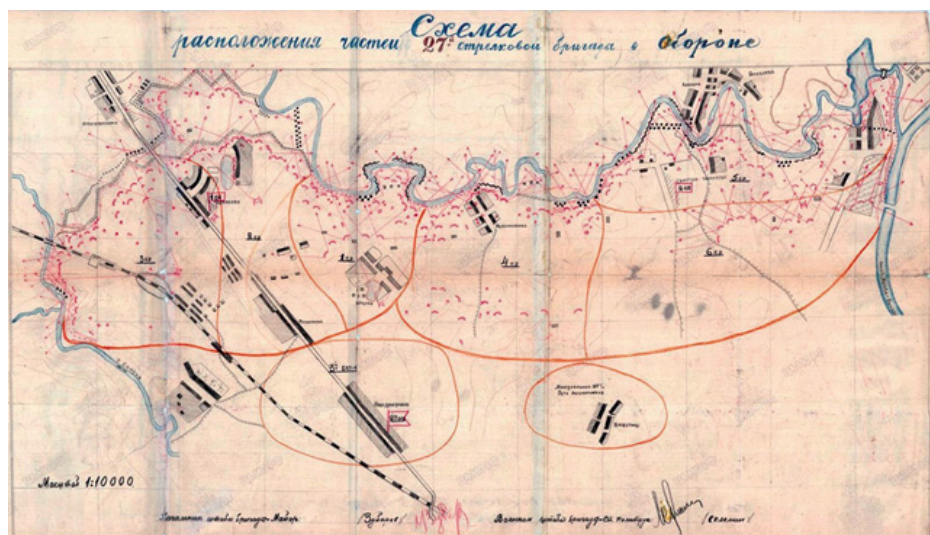

Рис. 4. Схема расположения частей 27 осбр в обороне.

Всё это возводилось курсантами 27-ой стрелковой бригады. Анатолию Александровичу лишь на день удалось вырваться из Старбеева в Москву, чтобы помыться и сменить «обтрепанное белье».

Когда он уже намеревался вернуться в Химки, при выходе из дома его остановил комендант здания, прося 10 минут подежурить на крыше дома, пока длится налёт. Дьяконов успел сбросить не-

сколько зажигалок. Вдруг сильнейший взрыв! От соседнего дома остались одни стены...

5–6 декабря 1941 года советские войска перешли в контрнаступление, и враг был отброшен далеко от Москвы. 27-ая курсантская стрелковая бригада вошла в состав 3-й ударной армии Калининского фронта. А. А. Дьяконов командовал этой бригадой до января 1942 года.

Затем он назначается комдивом 257-ой стрелковой дивизии, которая двинулась с боями к Великим Лукам и Калинин (Твери). Великие Луки считались сильнейшим немецким форпостом. 257-ая стрелковая дивизия расположилась в соседних деревнях, поджидая другие части. Комдив, вспоминая советы Суворова, его походы, использовал в передышке его опыт. Он приказал из снега соорудить большой макет Великих Лук, на нём отрабатывали тактику ведения боя за каждый дом и улицу. Основа науки Анатолия Александровича заключалась в быстроте, внезапности, учёте местности... при низких потерях. За героизм и мужество при освобождении Великих Лук 257-ая стрелковая дивизия преобразована в 91-ю гвардейскую.

На полковника Дьяконова составлена следующая характеристика: «...Дивизия под командованием полковника Дьяконова А. А. показала лучшие результаты. Действия её, несмотря на большие трудности на пути, являются энергичными, смелыми и решительными. Должности командира дивизии вполне соответствует. Достоин присвоения звания «генерал-майор» с вручением ордена Суворова» (30 декабря 1942 года).

В дальнейшем А. А. Дьяконов, командуя 83-им стрелковым корпусом, громил врага в Духовщине, Витебске, Полоцке, Невеле.

В марте 1945 года Анатолий Александрович прибывает на остров Сахалин для командования 56-ым стрелковым корпусом. Назревал бой с японцами за Южный Сахалин. За несколько дней (с 11 по 28 августа 1945 года) он освобождён от японцев. А. А. Дьяконов получает очередное звание – генерал-лейтенант – и второй орден Суворова.

После войны А. А. Дьяконов учится в академии Генерального штаба СССР. Затем служит в воздушно-десантных войсках. С 1956 по 1959 год он – военный советник-атташе в КНДР.

Закончив службу, Анатолий Александрович пишет книги, читает лекции от общества «Знание», увлекается фотографией... и очень любит дачу в посёлке Старбеево, где ходит по грибы, за клюквой и просто гуляет по лесу, вспоминая своих курсантов. Здесь же в Старбееве, в возрасте 65 лет, он потерял сознание, и 8 августа 1972 года его не стало. Не выдержало сердце солдата.

В честь защитника Химкинской земли, жителя нашего города, одной из улиц Старбеева следовало бы присвоить имя А. А. Дьяконова – отдать должную память знаменитому воину от благодарных химчан.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЛАСЬ ПОБЕДА

*Георгий Годлевский,
первый вице-президент Академии народного искусства, культуролог*

На 23-м километре Ленинградского шоссе величественно застыли на постаменте мощные противотанковые ежи. Это памятник воинам-героям Московской зоны обороны. Именно здесь начиналась наша Победа.

Осенью 1941 года фашисты вплотную подошли к Москве. Ускоренными темпами создавалось кольцо оборонительных сооружений вокруг столицы. Только в Химкинском районе было выкопано 9 километров противотанковых рвов, построено 19 километров проволочных заграждений, множество артиллерийских площадок, землянок, бомбоубежищ.

На предприятиях района изготовили 1200 противотанковых ежей и установили их на оборонительном рубеже. Это простое и нехитрое инженерное заграждение стало поистине оружием Победы, наряду с самолётами Лавочкина, Яковлева, Ильюшина, Петлякова и Поликарпова, с легендарными танками Т-34 Кошкина.

Правда, мало кто помнит имя создателя противотанковых ежей. Им был начальник Киевского танкотехнического училища генерал-майор Михаил Львович Гориккер.

«Звёздочка Гориккера» была изобретена в июне 1941 года, в дни, когда фашистские полчища практически беспрепятственно рвались к Москве. Только благодаря самоотверженному ратному труду советских воинов и негибаемой воле патриотов-строителей оборонительных сооружений враг был остановлен на подступах к столице.

Важную роль в этом сыграли противотанковые заграждения. Сегодня памятник «Противотанковые ежи» стал олицетворением мужества и стойкости защитников Москвы. Среди них были и химчане.

Уже в июле 1941 года в Сходне был сформирован химкинский батальон народного ополчения из 520 человек. Но уже в ноябре того же года он вместе с химкинскими истребительными батальонами был включён в состав 4-й Московской коммунистической стрелковой дивизии, которая защищала ближайшие подступы к Москве.

На этом же направлении оборону держали 20-я и 16-я армии, входившие в состав Западного фронта. 20-я армия была только вновь сформирована на основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 29 ноября 1941 года.

Штаб соединения разместился в доме № 16 по Ленинградской улице в Старых Химках, о чём свидетельствует мемориальная доска. 20-ая армия сыграла важную роль в Московской битве.

В составе войск правого фланга Западного фронта в период с 6 по 25 декабря 1941 года армия принимала участие в Клинско-Солнечногорской наступательной операции, в ходе которой нанесла поражение главным силам 3-ей и 4-ой танковых групп противника и освободила несколько населённых пунктов, в том числе Волоколамск.

На Крюковско-Сходненском направлении, где шли ожесточённые бои, насмерть стояли войска 16-ой армии генерала К. К. Рокоссовского, штаб которой располагался недалеко от Сходни в деревне Коростово.

В самой Сходне в конце ноября – начале декабря 1941 года держала оборону 7-ая гвардейская стрелковая дивизия. Здесь же был развернут полевой госпиталь.

В Подрезкове стоял под парами бронепоезд, вооружённый зенитными орудиями. В его задачу входила охрана станции Сходня и прилегающих железнодорожных путей как единственного на этом направлении действующего железнодорожного узла, куда прибывали эшелоны с пополнением со всех концов страны.

Прямо с пристанционной площади прибывшие части и подразделения уходили на фронт. По сути, здесь проходил последний рубеж обороны Москвы, который оказался фашистам не по зубам. Все попытки врага прорваться к Сходне окончились провалом.

В память об этих событиях на здании РМАТ есть мемориальная доска, а бывшая улица Речная в Сходне была переименована в улицу 7-ой гвардейской дивизии.

Несмотря на близость фронтовой полосы, в Сходне работали все предприятия. Они выполняли заказы оборонного значения.

На зеркальной фабрике, например, валяли валенки, шили и ремонтировали кожаную обувь для Советской Армии и населения. Мебельная артель «Возрождение» выпускала пулемётные лыжи, ящики для гранат.

Во время Великой Отечественной войны в Сходне длительное время находился Белорусский штаб партизанского движения. Здесь имелась хорошо оборудованная радиостанция для связи с командирами партизанских бригад и отрядов. Отсюда же отправлялось партизанам Белоруссии вооружение, боеприпасы, медикаменты, а также оказывалась помощь людьми.

В 1943—1944 годах в Сходне работал эвакуированный из Минска Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина, открывший сразу пять факультетов. На базе университета также готовились младшие политруки.

Здесь же весной 1944 года состоялся первый за годы войны выпуск студентов. В том же году в посёлке открылись зоотехникум (пушно-меховой) и вечерняя школа рабочей молодёжи.

В Фирсановке осенью 1941 года был расквартирован отряд конармейцев. Первый директор Фирсановской школы, Александра Степановна Коренкова, рассказывала: командир отряда, вместе с заместителями, разместились в доме её деда в конце улицы Ленина.

В начале декабря командир собрал жителей и объявил о решении командования оставить позиции и все дома в посёлке сжечь.

Жители стали готовиться к эвакуации. Однако в ночь с 5-го на 6-е декабря 1941 года советские войска перешли в контрнаступление и фирсановская земля не досталась врагу на разграбление.

Уже 22 января 1942 года территорию Московской области полностью очистили от фашистов. Это была важнейшая победа Красной армии на первом этапе Великой Отечественной войны. Она сорвала гитлеровский план молниеносной войны и полностью развеяла миф о непобедимости немецких войск.

Сегодня мы вновь и вновь приходим к мемориальным «ежам» и приносим цветы к их подножию. Мы вновь и вновь обращаемся к тем героическим событиям, восхищаясь мужеством и стойкостью наших отцов, дедов и прадедов. Это наша святая Память, неугасимая как Вечный огонь.

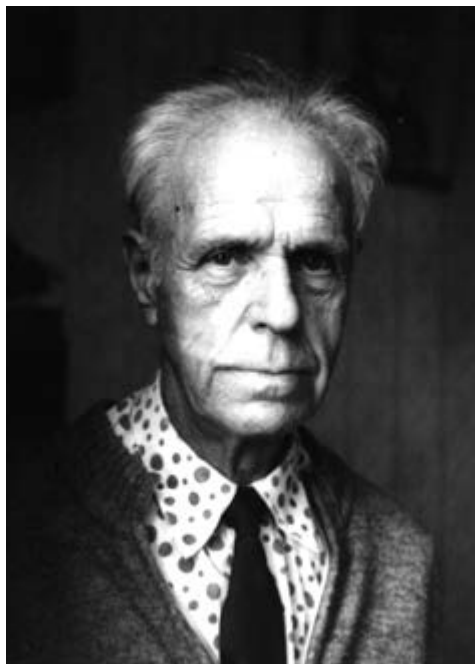

Рис. 1. Монумент защитникам Москвы «Ежи». Фото А.Смирнова.

Грозное оружие войны с нежным женским именем (к истории создания легендарной «Катюши»)

Наталья Алексеевна Баженова,
член Союза художников России

Памяти моего отца, А. В. Баженова –
инженера, ученого, историка

Мой отец, Алексей Владимирович Баженов, родившийся 11 октября 1911 года в Туле, большую часть жизни провёл в Химках. Инженер ракетной техники, кандидат технических наук, учёный, занимающийся историей развития космоса, он был ответственным представителем Научно-исследовательского института тепловых процессов (бывшего Ракетного института, ныне – «Центр Келдыша») на заводах имени Лавочкина и «Энергомаш». Поэтому наша семья в Химках и оказалась. Закончив Плехановский институт (это был первый выпуск по компрессоростроению), инженер Баженов стал одним из ведущих специалистов, исполнявших до войны государственные заказы.

Во время войны отец был эвакуирован в Челябинск с заводом «Компрессор», где он руководил конструкторским бюро, которое дорабатывало, испытывало и выпускало грозное оружие – знаменитую «Катюшу». Эту установку создали в стенах РНИИ, смонтировав на шасси грузового автомобиля. Вес снарядов установки в годы войны достигал 130 килограммов.

Испытания проводились в марте 1941 года.

Меньше, чем за сутки до начала войны установку показали руководству страны. В тот же день И. В. Сталин распорядился начать её серийное производство.

Первое боевое применение установки БМ-13, (это и есть «Катюша»), состоялось 14 июля 1941 года, близ Орши. Два сокрушительных удара, произведённых по скоплениям фашистских войск в районе Орши, произвели огромный эффект.

Попавший в плен немецкий офицер, испытавший на себе действие советской реактивной артиллерии, спрашивал на допросе: «Я ранен и скоро умру. Я никому не смогу передать ваших секретов. Но скажите мне перед смертью – что это? Что это – страшное, наваливающееся на нас сверху, как гнев Божий?»

К осени 1941 года больше половины реактивной артиллерии – 33 дивизиона – находилось в войсках Западного фронта и Московской зоны обороны. Именно заводом «Компрессор» в годы войны было выпущено 75% всех установок «Катюша».

В Челябинске отец познакомился с мамой, которая семнадцатилетней девочкой пришла работать в его конструкторское бюро чертёжницей-копировщицей.

Возвратившись из эвакуации, молодая семья поселилась в Химках. Мама, закончив педагогический институт, сорок лет преподавала английский язык в химкинской школе № 4.

Отец работал в НИИТП, под непосредственным руководством Вячеслава Всеволодовича Келдыша, возглавлявшего научный отдел, и был начальником военного представительства института, курируя химкинские военно-космические предприятия – завод «Энергомаш» и Научно-производственное объединение имени Лавочкина.

О роли во время войны этого замечательного завода – НПО имени Лавочкина – нужно сказать отдельно. Военно-воздушным силам СССР было передано более 22 тысяч само-

лётов-истребителей «Ла», что составило треть фронтовой истребительной авиации страны.

А после войны завод занимался конструированием и выпуском космических летательных аппаратов – знаменитые луноходы изготовлены у нас, в Химках.

Отец встречался и общался по работе с главными конструкторами ракетной техники: В. П. Глушко, А. М. Исаевым, С. П. Королёвым и другими замечательными людьми. Тогда их имена были засекречены, а теперь это герои российской науки, их именами названы кратеры на Луне.

Дружеские и родственные отношения связывали отца с заместителем председателя Совета министров СССР, председателем Государственной комиссии по запуску человека в космос Константином Николаевичем Рудневым. Они были знакомы с юности – дядя Костя был мужем папиной младшей любимой сестры, моей тёти Иры.

Благодаря положению и знанию трёх языков, отец имел доступ к новейшим зарубежным материалам в этой области. Это позволяло ему собирать необходимую информацию и первым сообщать в управление о состоянии дел в мировом ракетостроении, в основном, в США.

В 1971 году, выйдя в отставку, отец возглавил межведомственную группу по изучению истории ракетно-космической техники в Научно-исследовательском институте истории естествознания. Статьями в специальных журналах и выступлениями на чтениях Циолковского в Калуге он способствовал развитию ракетно-космической техники в тот период.

Кроме того, он смог добиться восстановления справедливости: на основе документов он доказал: истинные создатели «Катюши» – Г. Э. Лангемак и И. Т. Клейменов и разоблачил самозванца Костикова, по вине которого были репрессированы и расстреляны эти замечательные ученые. Отец писал научно-популярные статьи в журналы «Наука и жизнь», «Аэрокосмический курьер», освещая события прошлых лет в свете новых фактов. Он подготовил целую школу изучения истории покорения космоса, имея доступ к секретным документам. Отец работал со всеми источниками информации – я видела у нас дома родственников Клейменова и Лангемака, часто общалась с младшим сыном В. П. Глушко – Александром Глушко. Саша тоже много времени посвящает истории развития космоса, пишет научные статьи и книги, снимает документальные фильмы и считает моего отца своим учителем в этом направлении.

Отец несколько лет писал книгу об академике Валентине Петровиче Глушко (она частично опубликована), давал интервью об истории развития ракетно-космической техники в специализированные журналы, и, конечно, нашей химкинской газете «Вперёд». А я написала портрет Валентина Петровича Глушко, который сейчас находится в музее завода «Энергомаш» (НПО «Энергия»).

Влияние отца на меня трудно переоценить. Может, поэтому я читала в детстве научную фантастику, верила, «что на Марсе будут яблони цвести», и огорчилась, когда не наши космонавты высадились первыми на Луну. Я считала: там давно оборудованы станция и космодром, а ракеты бороздят пространства, и не только нашей галактики.

Мечта о космосе дала мне пищу для разума и для души на долгие годы, а как художнику – постоянно дарила новые сюжеты. В Химкинском Дворце культуры «Родина» в 2020 – 2021 годах проходила моя персональная выставка «Человек и космос», где я на картинах пытаюсь показать идеальный мир будущего. Я считаю роман «Туманность Андромеды» доктора наук, прекрасного писателя Ивана Ефремова образцом устройства такого общества. Не важно, что оно называлось коммунистическим, да хоть бы и утопическим. Но тот, кто, прочитав роман, представлял его, наверняка захотел бы жить в такой атмосфере, где реализуются творческие возможности человека и торжествуют справедливость и гармония. И главное – над головой мирное небо, а память о войне и её героях хранится только в исторической хронике и душах благодарных потомков.

Притяжение 2017, х.м., 80х100 см. Художник Баженова Н.А.

ТРЕВОГИ И ЗАБОТЫ ВОЕННОЙ ГОДИНЫ

Северо-западный краешек Химкинского района: осень 1941 года

Галина Викторовна Вершинина,
председатель Химкинского краеведческого общества

Химкинский район в 1940 году был гораздо обширнее нынешнего городского округа. Если выдерживать северо-западное направление, в него включалась территория от посёлка Ховрино (ныне Москва) до станции Крюково с прилегающими к ней населёнными пунктами – деревнями Александровка, Андреевка, Горетовка, Голубое, Жилино и др.

Рис. 1. Схема расположения частей в обороне
8 гв. сд. Архив: ЦАМО, Фонд: 1063,
Опись: 1, Дело: 11(2)

В «Балладе о зенитчицах» Роберт Рождественский писал:

*В то утро
танки вышли
прямо к Химкам.
Те самые.
С крестами на броне.*

История Великой Отечественной войны свидетельствует: эти слова относятся не к городу Химки, до которого немецко-фашистские войска не дошли, а к окрестностям посёлка Крюково Химкинского района Московской области. Здесь действительно велись тяжёлые бои и около девяти дней длилась вражеская оккупация.

Какие свидетельства, дневниковые записи, воспоминания о том, что тогда происходило, у нас есть? Документов подобного рода собрано много.

В 2011 году Зеленоградский историко-краеведческий музей выпустил книгу воспоминаний крюковских детей, прятавшихся в землянках и погребах, в холоде и голоде переживших оккупацию. Это был последний рубеж обороны Москвы. Стрельба не прекращалась ни днём, ни ночью. Трудно предста-

вить ужас сельских ребятишек, привыкших к тишине, когда на много дней они оказались под шквальным огнём.

Совсем недавно, когда рассекретили и опубликовали приказы командования военного времени, удалось проследить суровую логику событий, отразившуюся в воспоминаниях жителей этого краешка Химкинской земли.

17 октября 1941 года был подписан приказ Ставки № 0428 о создании команд по разрушению и сжиганию населённых пунктов в тылу немецко-фашистских войск. Он известен как «Выгоним немца на мороз».

На основе приказа Ставки штабы нижестоящих подразделений выпускали собственные приказы. Эти распоряжения неоднозначно встретили в войсках. Речь шла о жизни и смерти от холода мирного населения – стариков, женщин, детей.

Из воспоминаний видно: приказы зачастую не выполнялись. Но они были.

В соответствии с приказом по 16-й армии № 05 от 18 ноября 1941 года, следовало при

вынужденном отходе наших частей увести с собой советское население и уничтожать населённые пункты – все, без исключения.

Термин «советское население», подлежащее эвакуации, можно проиллюстрировать воспоминаниями членов семьи сельских учителей, живших в Андреевке в трёх километрах западнее Крюкова.

У Александра Сергеевича Пospelова и его супруги Марии Михайловны подрастали три дочери-школьницы. Поздней осенью 1941 года линия фронта придвинулась к Андреевке вплотную. В доме Пospelовых квартировали военные.

Рис 2. Супруги Пospelовы с детьми.
Фото 1930-го года. Из семейного архива автора.

Рис. 3. Зоя Пospelова.
Фото 1943 г.
Из семейного архива
О.Н. Дудченко.

Что вспоминает старшая дочь – тогда десятиклассница – Зоя? Прежде всего, то, что в кобуре у младшего командира вместо пистолета лежали катушки с нитками, подворотнички и другие бытовые мелочи. Вспоминались танцы под патефон. Незабываемой оказалась и последняя ночь перед эвакуацией.

Когда вечером 26 ноября 1941 года внезапно поступило распоряжение покинуть родные места, вся семья принялась за работу.

М. М. Пospelова – директор Андреевской семилетки – побежала оповещать учителей, без которых она уезжать отказалась.

Девочки принялись спешно собирать необходимые вещи в дорогу.

Глава семейства – Александр Сергеевич – полез в подпол копать яму, чтобы сохранить от врага самое ценное.

В яму был поставлен старый сундук. Домашние понесли сверху свои сокровища. Какие же ценности были спрятаны в сундуке? Дно выстлали вышитой бабушкой праздничной скатертью. На скатерть уложили иконы. Здесь была и икона Спасителя, которой родители Пospelовых благословляли их семейный союз перед венчанием, принадлежности свадебного наряда невесты.

Дальше стали укладывать книги. В учительском доме их было много – многотомные энциклопедии, книги русских и зарубежных писателей. Больше ни для чего места в сундуке не осталось. Да и все книги сохранить, конечно, не удалось.

Хотелось спрятать ещё отрезки тканей на платья для девочек, посуду, домашнюю утварь. Это пришлось уложить в детскую ванночку и закопать в посадках малины. Что было в саду, конечно, пропало.

А подлинные сокровища из сундука сохранились. Свадебные украшения Мария Михайловна потом показывала внучкам. Подмокшие тома энциклопедий после войны заново переплели, они ещё долго служили.

Подробные воспоминания о событиях 1941 года оставила вторая дочь Пospelовых, Ирина: «Весной 1941 года я окончила восьмой класс Крюковской поселковой школы. В июле-августе вместе с другими старшеклассниками работала на Жилинской фабрике

Рис. 4.
Ирина Пospelова.
Фото 1945 года.
Из семейного архива
Н.М. Митропольского.

ёлочных стеклянных украшений. Фабрика с начала войны перешла на изготовление стеклянных ампул со смесью трёх кислот. Ампулы использовались в бутылках, которыми поджигали фашистские танки. Осенью все старшеклассники рыли противотанковые рвы и устанавливали «ежи» на подступах к Химкам. Были случаи, когда немецкие самолёты на бреющем полёте обстреливали нас.

Рис. 5.

А. С. Пospelов с орденом,
фото 1969 г.

Из семейного архива
автора.

Ноябрь 1941 года мы прожили в прифронтовой полосе. В нашем доме стоял штаб связистов, осуществлявший связь штабов армии и фронта. Время было тревожное и опасное. Несмотря на это, молодые офицеры организовывали в нашем доме, а иногда и в школе, танцы. В танцах участвовали наши подружки и мы, две сестры Пospelовы – Зоя и Ирина. 26 ноября один из офицеров сказал нам: «Сегодня мы уходим, а завтра-послезавтра сюда придут немцы. Уходите!» Вечером этого же дня нашу маму (она была директором Андреевской школы) вызвал к себе начальник штаба одной из частей, обороняющих Москву (кажется, это была Панфиловская дивизия). Штаб располагался в маминой школе. Этот начальник сказал, что нам немедленно нужно эвакуироваться, так как у мамы нет выбора – она или должна стать предательницей, или немцы её повесят «на первой же сосне». Мама сказала, что не может уехать только со своей семьёй, так как несколько учителей школы не сумели эвакуироваться и бросить их она не может. Тогда начальник штаба сказал, что завтра даёт машину-полупотурку для вывоза всего коллектива учителей с семьями в город Химки – это наш районный центр в то время.

Бессонная ночь и трудные сборы. Ранним утром 27 ноября 1941 года, погрузившись в полупотурку, которая уже была переполнена семьями учителей, мы отправились по Ленинградскому шоссе в Химки. За время медленного продвижения по Ленинградскому шоссе, которое было забито войсками, идущими в обе стороны, военной техникой, беженцами, нам несколько раз приходилось выпрыгивать из машины в сугроб на обочине и укрываться простынями. Немецкие самолёты на бреющем полёте обстреливали шоссе. В Химках каждая учительская семья самостоятельно решала свою дальнейшую судьбу. В районном отделе народного образования уже никакой организованной эвакуации не проводилось».

Учителя Пospelовы на несколько месяцев уехали к родственникам в Горький.

В 1942 году их вызвали в Химки для работы в городских школах. За подвижнический труд, после войны они были награждены орденами.

Почему же отъезд из прифронтовой Андреевки семья учителей Пospelовых оттянула до последней крайности?

Причина этому – веская. В двух километрах к западу от их дома, в селе Голубое, жили престарелые родители Александра Сергеевича.

Долгие годы отец Сергей Пospelов служил настоятелем разрушенного в 1930-е годы Знаменского храма. Он перенёс инсульт и стал инвалидом. Материальной помощи от государства они не получали. Взрослые дети разъехались.

Старший сын Димитрий, дом которого стоял рядом, мобилизован. Осенью Александр Сергеевич из Андреевки носил им продукты, заботился.

И оказался перед тяжким выбором – спасти жену и детей или продолжать помогать старикам.

Мать Александра Сергеевича Пospelова – бывшая попадьё Ольга Сергеевна, оставила дневниковые записи и воспоминания о тех исторических днях 1941 года в Голубом. Они даются в хронологическом порядке с пояснениями: «Много народу перебивало в нашем доме в ноябре месяце – были и сибиряки, и украинцы, и из Восточной Сибири, из Самар-

канда, и армяне приходили погреться и ночевать, ночи две ночевали, а то и три. 25-го ноября в нашем доме русский штаб стоял три ночи. У нас была санчасть и шофёры, лежал один раненый. Памятны мне отношения добрых трёх шофёров. Я сильно взгрустнула обо всех моих, стоя около печки с Ксеньей (внучкой). Ко мне подошёл молодой шофёр и говорит: «Что вы грустите? Вспомните счастливые дни, и вам будет легче. Может быть, всё будет хорошо. Взял мою руку и говорит: «Эти пальцы много работали на всех, а теперь на них узлы. У моей матери, которую я оставил, так же». Потом, когда все собрались от нас уезжать, я не знала, что делать и хотела уйти с папой в лес. Ещё два шофёра стали мне советовать не уходить, говоря: «Если у вас нет определённого места, куда идти, лучше остаться дома, потому что идти по холоду с больным – равносильно переживаниям, что вы испытаете дома». Потом они мне опустили в подпол мою запакованную корзину с вещами и натаскали воды.

27-го и 28-го ноября сильные воздушные бои над самым домом. Летели с деревьев сучки, дрожал весь дом, треснули два стекла. 28, после отъезда Веры Ивановны (невестки), я пошла в их дом, где остались комиссар и другие с ним, и стала просить, когда они будут уезжать, запереть дом и отдать ключи мне. На это он мне сказал: они дом сожгут. Я говорю – рядом наш дом, он ответил: и ваш тоже, мы предупреждали, чтобы вы выехали. Я говорю: не могла никуда везти больного мужа и стала его просить не жечь дома. Мне было сказано – такое время, нечего жалеть свою жизнь. Вскоре он зашёл ко мне и сказал – они уезжают. Я опять просила, чтобы не жгли, на что он возразил: «Нет, нет...». Оставшись одна, я всё время выходила на террасу, слышны выстрелы орудий.

29 ноября – самый ужасный. Целый день воздушный бой над крышей, и летели бомбы около дома. Мы остались в Голубове одни с папой. Ксения и Вера Ивановна (внучка и невестка) уехали накануне вечером (с военными). Соседи все ушли к Яну (далеко в лес). После этого дня я связала узлы и повела Папу в бомбоубежище. Было видно зарево над Жилином, а после и в других местах.

А вечером мы были в плену. Есть добрые люди и среди германцев. Узнав – Папа пастор – они любезно угощают его хорошими папиросами и один раз – печеньем. За огородом стоят пушки и пугают выстрелами.

3 декабря рано утром пришла нас навестить Дуняша Лопухова (бывшая прихожанка и няня младшего сына) и сказала: сгорел дом Алексея Михайловича (бывшего дьякона), а мы и не ви-

Рис. 6.

Семья Пospelовых у дома в селе Голубое. Ольга Сергеевна и Сергей Дмитриевич в центре снимка. Слева сидит их сын Александр, за ним стоит его супруга Мария Михайловна.

Фото 1936-1940 гг. Из семейного архива Н.М. Митропольского

Рис. 7.

На лужайке с внучатами у своего дома в Голубом стоит Сергей Дмитриевич Пospelов. Фото 1936 г. Из семейного архива Н.М. Митропольского.

Рис.8.
Отец Сергей Пospelов
в облачении. Фото 1936 г.
Из семейного архива
Н.М. Митропольского.

дали этого. Днём пришла вторая партия германцев, объяснялась с ними по-французски, который знаю. Вечером у них музыка, привезли патефон, играют на рояле и на гармонии, поют. Сначала было даже приятно, а потом папа стал волноваться: не дают спать, насилу его успокоила.

Сегодня, 4-го, принесли они нам обед. Топятся две печи. По ночам жарко. Акулина, по моей просьбе, испекла и принесла из нашей муки хлеб, а то ели сухари и молоко, варили суп из мяса, что принёс Саша (сын, Александр Сергеевич Пospelов).

8 декабря в три часа ночи вдруг собрались и уехали германцы. В нашем доме были сделаны в трёх комнатах полаты, спало много людей. Был проведён телефон, они постоянно распоряжались. Было радио и электрические лампы. Кругом дома стояли автомобили, фуры и мотоциклы. Спали они и в чулане, где поставили железную печку. Днём пришла Мавра из окопов – просить испечь у нас лепёшки. Я ей обрадовалась... Пошли с Маврой на реку. Разгребли снег и проббили прорубь, достали воды.

10 декабря праздник – Знамение. Сразу ушли накануне все германцы, и к нам пришли красноармейцы. Трое ночевали у нас. Пришли из лесу некоторые наши прихожане, и было радостно – мы не одни.

11-го пришли ночевать 6 бойцов и просили меня поиграть на рояле. Рано утром в шесть часов за ними пришёл товарищ и сказал, чтобы они уходили. Слышу, кричат мне: «Бабушка, иди, сыграй нам на рояле марш». Я говорю: я в рубашке. – «Иди, оденься!» Принуждена была одеться и сыграть марш из «Фауста», и мне дали хлеба.

12-го приехала Вера Ивановна и Ксения. 25 вёрст шли пешком (из Химок). Мы стали жить в одном доме. Кругом всё разрушено, многие жители в лесу...

Уборки вокруг много. Сегодня в 9 пришла Оля Некрасова (дочь покойного дьякона) и вымыла с Ксеньей полы. Сразу стало светлей и легче.

В эти дни видно – многие жители возвращаются в свои дома, у кого они целы. В Сашином доме (А. С. Пospelова, в Андреевке) живут пять семей, которые остались без крова. Слава Создателю и его Пречистой Матери, мы остались целы! Чудом мы спаслись».

Итак, голубовские старики пережили оккупацию дома. В воспоминаниях их младший сын, Борис Сергеевич Пospelов, вернувшись из эвакуации с московским предприятием в 1943 году, пишет: «За войну пожгли все постройки, изгородь, но в доме мало что пропало. Немцы увезли только один сундук, где были вещи, и запас мыла. Взяли со стены одну гравюру».

Рис.9. А.С. и М.М. Пospelовы
с внучкой у калитки своего дома
в Андреевке. За ними виден
дом Роговых. Фото 1949 г.
Из семейного архива автора.

В землянках, далеко в лесу, прятались голубовские крестьянки. Зимой, после ухода немцев, некоторые из них с детьми жили в доме стариков Пospelовых. Мавра с четырьмя детьми обосновалась на кухне, пекла из картофеля лепёшки и кормила всех.

Семья советских учителей Пospelовых эвакуирована из Андреевки в районный центр – Химки, что было, скорее, исключением, чем правилом.

В Андреевке по соседству с Пospelовыми обосновалось семейство Роговых. Как принято в деревне, они помогали друг другу, а до известных времён были усердными прихожанами Андреевской церкви. Дети бегали друг к другу в гости, вместе ходили в школу.

О Роговых и пойдёт сейчас речь: приведём рассказ соседки – Веры Васильевны Пинкиной (Роговой), 1929 года рождения, девочкой пережившей оккупацию.

Отец Веры, в 1941 году председатель местного колхоза, больше радел за общественное, чем за собственное добро.

Осенью 1941 года мало кто из односельчан верил, что немцы доберутся почти до Москвы, Андреевка окажется в зоне боёв и даже в непродолжительной оккупации. В семье продуктов не прятали, как это делали более предусмотрительные хозяева. Фанерный ящик с колхозными документами Василий Рогов закопал в последний момент.

Зима в ноябре 1941 года оказалась суровой и ранней. Стала слышна канонада. По шоссе к Крюкову потянулись колонны наших отступающих войск. Информации от начальства – никакой. И вдруг начался обстрел. Женщины вместе с детьми укрылись в здании каменной Спасской церкви. Мужчины, старый и малый, на лошадях ушли в лес. Тех, кто остался, немцы согнали в баню. При отступлении их, босых и раздетых, фашистские войска гнали перед собой.

Женщины успели притащить в церковь постели – подушки, матрасы и одеяла. Расположились на полу, оставив узкий проход. Молча лежали. Когда в храм вошли немцы, подняли руки вверх. Тогда девочке Вере было и жутко, и немного смешно: такими нелепыми выглядели лежащие дети с вытаращенными от страха глазами и поднятыми кверху растопыренными ладошками: «Как лягушата! – рассказывая, тётя Вера ёжится, поглаживает руки, – мурашки ползут...». Оказывается, её руки всё помнят! Её голос срывается почти до шёпота — она снова в детстве, в 1941 году. Немцы внимательно оглядели и вышли наружу. В церкви они не тронули никого. А ведь андреевские крестьянки спрятали под тюфяками еврейскую семью! Около церкви на «Белой даче» жила еврейка – местная портниха с детьми.

День тянулся за днём. Немцы заходили и уходили. Никого не выпускали. Иногда считали: «Айн, цвай, драй...». Однако новый оккупационный порядок в Андреевке завести им так и не удалось. Совсем рядом, в Крюкове, не прекращались упорные, ожесточённые бои. И вот со стороны железной дороги раздались новые могучие залпы орудий. Заговорили наши «Катюши». С потолка, со стен сыпалась штукатурка. На людей повалились куски кирпичей. Переходя в наступление, артиллеристы пристреливались по видимым издалека целям. Увы, страдали колокольни и храмы. Теперь приходилось обороняться немцам. Им стало не до мирного населения.

Из леса на лошадях за семьями вернулись мужчины. Люди столпились в церковном дворе. У женщин и у детей за плечами – мешочки со съестными припасами. Тут же выстроились фашисты, осматривая выходивших из храма людей. Безжалостно разрезали скромные котомки, проверяли, что внутри. Остатки сухариков высыпались на снег..

Рассказывая, тётя Вера вновь видит эту картину, ёжится и дрожит... Погрузились в сани, отправились в лес. Для женщин и детей вырыли большую землянку. Зажгли костёр.

Василий Рогов привёз бочку квашеной капусты. Люди уже предвкушали блаженство горячих щей... Но дым костра был замечен. Взрыв уничтожил костёр, отбросил бочку. Снова есть стало нечего. В землянке прожили девять дней. Было тесно, спали вповалку. Там оказался даже новорождённый!

«Вырос крепким, здоровенным парнем», – улыбается Вера Васильевна. От людского тепла, когда надышали, сверху стала капать вода. Холодные капли не давали спать, падали за шиворот... Старшие утихомиривали детей тычками локтем под бок, чтобы не плакали, не ворочались, терпели. Тётя Вера на всю жизнь запомнила эти тычки.

Мужчины подготовили землянку за Журавкой, далеко в лесу. Они ходили в дозор, отслеживали обстановку, создали сплочённый отряд. Когда немцев прогнали, мужчины приехали на лошадях, забрали семьи и поехали по домам.

В Андреевке увидели гнетущую, безрадостную картину. Многие дома разрушены, сожжены.

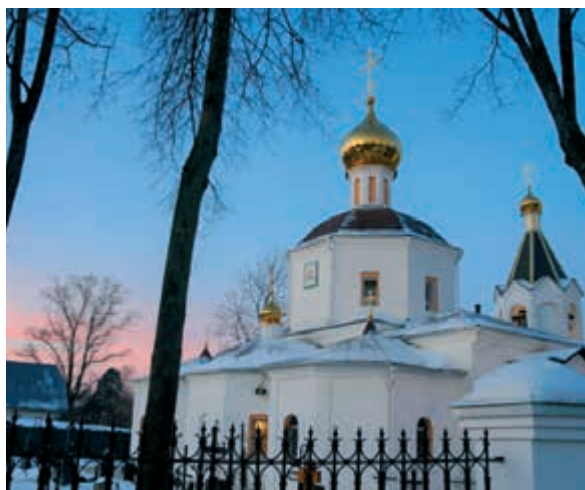

Рис. 10.

Современный вид Спасского храма
в Андреевке. Фото из открытого источника.

Дом Роговых навыворот пробит снарядами, но устоял. Двор вытопан вражескими сапогами. В углу за сараем нашли отпиленную пилой голову кормилицы-коровы...

Не сразу Роговы решились переступить родимый порог. Да и войти оказалось непросто. Внутри дом был наполовину засыпан сеном. Так немецкие солдаты в крестьянских домах устраивали ночлег. У других дело обстояло ещё хуже.

Василий Рогов привёз под свой кров ещё две семьи. Всю зиму прожили вместе – в лесной землянке уже пообвыклись.

Весной, с приходом тепла, временные жильцы разошлись по своим дворам, чинили дома, откармливали припасы.

А семья Роговых осталась ни с чем. Всё съедено подчистую. Начался голод. За столом дети смотрели отцу в рот. Наблюдали: кусочек хлеба он отломил сыну Вите.

«А мне?» – жалобно промолвила Вера. «Тебе, дочка, завтра», – ответил отец. Мать ворчала на детей: «Что вы отца объедаете, он работает, ходит – падает!»

Слава Богу, выжили все. После войны Вера закончила десятилетку, устроилась копировальщицей на оборонный завод в Химках. Вышла замуж за хорошего человека. «Самостроем» построили себе новый дом. И вновь, как в Андреевке, мы стали соседями. Так у меня дома оказались записи воспоминаний о войне таких разных семей – родственников, советских учителей, бывшего сельского духовенства и колхозных крестьян. Вечная память погибшим! Низкий поклон выжившим, сохранившим и передавшим потомкам то, что было в 1941 году!

Источники:

1. Баллада о зенитчицах. Рождественский Р.И. - 2 т. - М.: Художественная литература, 1979.- С. 368-370.
2. Архив: ЦАМО, фонд: 1063, опись: 1, дело: 11
3. Дети войны. // Очерки истории края. Сб. трудов Гос. Зеленоградского историко-краеведческого музея. / Науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. - Вып. 8. - М.: Сделано в Зеленограде, 2011.
4. Приказ ставки ВГК № 0428 от 17.11.1941
5. Приказ 16 армии № 05 от 18.11.1941
6. Документальные памятники по истории края (личные архивные фонды, мемуары, исследования): Каталог // Очерки истории края: Сб. трудов ГЗИКМ; вып. 9. / Науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. М.: Мак Бланш, 2013. – 447 с.

Крюковские беженцы в Химках

Виктор Константинович Рыков,
ветеран Великой Отечественной войны

Жили мы тогда с семьёй в посёлке Крюково Химкинского района. Мой отец был бухгалтером поселкового совета. Мама преподавала в школе. А мы с братом Михаилом 1 сентября 1941 года начали учиться в десятом классе.

Увы, занятия наши продолжались недолго: с началом бомбёжек мы чаще дежурили на чердаке школы, копали на колхозных полях картошку, становившуюся основным продуктом питания...

К ноябрю занятия прекратились совсем. Предоставленные сами себе, мы с одноклассниками целыми днями бродили по посёлку с единственной целью: отыскать что-то съестное.

Власти в Крюкове не было никакой. Магазины открыты, но абсолютно пусты. Чуть ли не выскобленными оказались и сусеки поселковой пекарни. Помню, однажды нам повезло: на овощном складе удалось раздобыть целую кастрюлю солёных помидоров.

На западе, за Андреевкой, погромыхивало. Мы из любопытства отравились туда – посмотреть. Канонада была всё слышнее. На окраине деревни несколько красноармейцев долбили ломами мёрзлую землю, вынимали булыжники и укладывали в ямки мины в деревянной «рубашке». Красноармейцы спешили, а потому халтурили: ямки были мелкими, и мины были хорошо заметны.

Когда мы возвращались в Крюково, нас обогнал одинокий кавалерист. В этот момент от Москвы, над шоссе, с рёвом пронеслись два краснозвёздных самолёта.

Протрещала пулемётная очередь, и лошадь под кавалеристом рухнула на дорогу, а он – вскочил, потоптался немного и поплёлся пешком в Крюково.

– Вот гады! Под наших лётчиков замаскировались! – выругался Колька Антонов.

Но мне подумалось, что лётчик просто принял кавалериста за немца: видимо, никто точно не знал – где фронт, где находится враг...

А вскоре в посёлке уже горели вокзал, железнодорожная школа, пекарня, клуб.

Были взорваны кирпичный завод и железная дорога: рельсы были разворочены через каждые 15—20 метров.

Это делали наши, не надеясь, видимо, удерживать врага у Крюкова... Однажды мимо нашего окна по булыжному шоссе к станции протарахтели тягачи с тяжёлыми пушками. Потом в ту же сторону, в тыл, проехали кавалеристы.

В последний день осени стрельба и разрывы стали звучать совсем рядом. Отец предложил перебраться в небольшой «ровик», который уехавшие соседи вырыли для защиты от бомбёжек ещё летом.

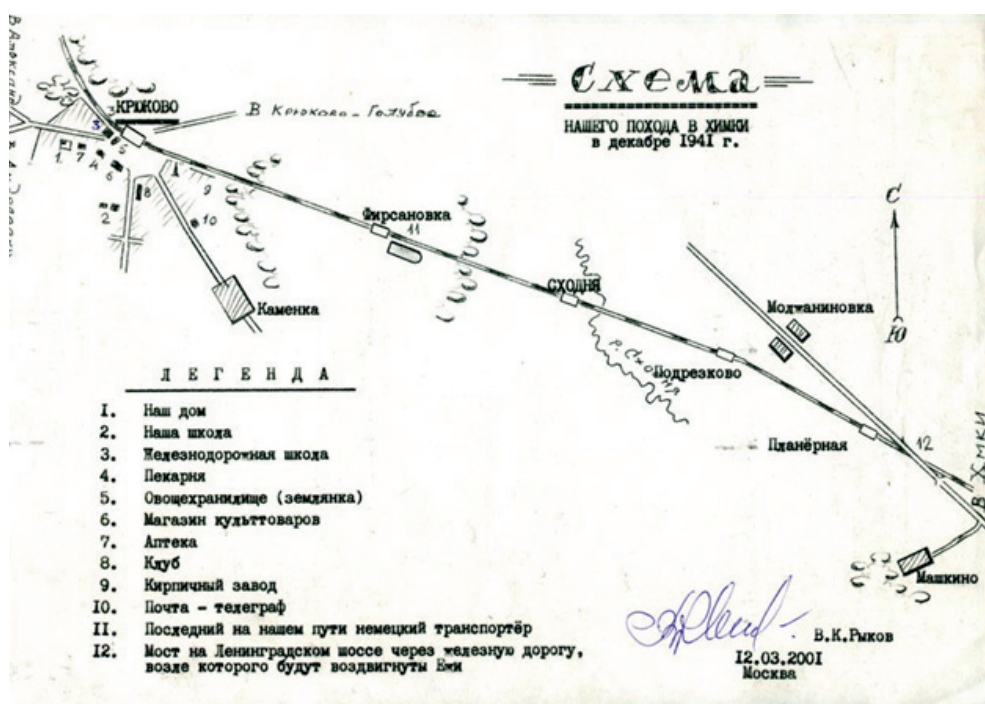

Рис. 1. Схема движения беженцев из Крюкова в Химки.

Рис. 2. Химкинский горисполком.

Прихватив керосинку, запасы желудёвого кофе и маленькие флакончики витамина «Д» на постном масле, мы все вчетвером забрались в это убежище, занавесили вход старым одеялом, а в проходе поставили керосинку – для тепла и света. А взрывы всё ближе.

И неожиданно – тишина! Минута... пять минут... Уверен: папа в это время безмолвно творил молитву... И вдруг – отрывистые, гортанные, чужие голоса, близкий хруст снега... Шаги... Сейчас они бросят гранату!

Вспоминаю военрука Агеева, который учил: граната ещё четыре секунды будет шипеть, а за это время её можно выбросить назад!.. И вдруг слышу, как мама по-немецки загробным голосом говорит: здесь айнво-нер, мирные жители! Слышит ли её тот, с гранатой?

И тут вижу: с краю одеяла просовываются четыре пальца в чёрной вязаной перчатке. Они медленно отводят одеяло в сторону, а за ним возникает широкая рожа в каске, из-под которой почему-то свисают белые тряпки (спасение от холода?)

И вдруг рожа расплывается в широкой улыбке. Придерживая рукой полу шинели, чтобы не задеть горящую керосинку, этот, первый в моей жизни вражеский солдат, присаживается перед нами на корточки... Он начинает с мамой разговор.

Мама торопливо переводит: «Не бойтесь, — вещает немец, — мы с мирными жителями не воюем. Мы воюем с «коммунистен унд юден...». А потом немец долго жалуется на русский мороз; удивляется тому, что народ, особенно в деревнях, живёт бедно...

Проведя «политинформацию», немец уходит, а мы остаёмся в укрытии ещё целую неделю. Выходим из щели только ночью: по нужде, да ещё за снегом, чтобы натопить воды.

Иногда я вижу из-за одеяла немцев, которые с опаской проносят вдоль дорожного кювета серые термосы... Стрельба не прекращается ни днём, ни ночью.

Значит, фронт к Москве не отошёл: и то слава Богу!

А однажды утром вдруг наступила тишина. Отогнув заменившую одеяло фанерку, выглядываю на улицу, смотрю — к липе прислонена русская трёхлинейка без штыка! Откуда бы ей здесь взяться? И вдруг замечаю неподалёку нашего солдатику! Отец, разрыдавшись, кидается к нему обниматься... В нашем доме зияет огромная пробоина. По всему посёлку громоздятся танки, неподвижные немецкие машины — не завелись с мороза — россыпь каких-то коробок, банок, журналов в ярких обложках. Барахло — немецкое, а убитые — которых много, в основном, наши... Сапёры рубят сосны, вяжут в три ствола, устраивают противотанковый забор... Неужели снова придут немцы?

Папа решает от греха подальше идти в райцентр — в Химки. Мы грузим на салазки остатки желудёвого кофе, мамину швейную машинку, шкатулку с семейными реликвиями и вдоль железной дороги выступаем в Химки. На выходе из Крюкова стоит наш танк «КВ», огромный как сарай, пушка смотрит на запад.

Мы с Мишей с любопытством крутим головами во все стороны, осматриваемся. Везде следы пребывания немцев.

А последний подбитый немецкий полугусеничный транспортёр, колёсами к Москве — возле станции Фирсановка. Рядом — раскрытый ящик со снарядами, всё те же коробочки, бумажки... Но дальше — до самых Химок — никаких следов немцев мы не увидели. Потом пошли слухи о подбитых на мосту немецких мотоциклистах. Но ничего такого нам по дороге не попало.

Беженцы из Крюкова, подобные нам, стекались к Химкинскому горисполкому, тогда размещавшемуся у железнодорожной станции в двухэтажном бревенчатом доме, выкрашенном синей краской. С его крыши, из чёрной четырёхугольной воронки громкоговорителя, то и дело раздавались распоряжения.

Напротив, у железной дороги, высилось каменное белое сооружение башенного типа (водоёмный дом) со служебными помещениями наверху и общественной уборной внизу.

Рядом с башней, со стороны Крюкова, красовался затейливый деревянный домик вокзала с лесенками и перильцами.

Дальше, тоже в сторону Крюкова, тянулась сначала деревянная, потом низенькая земляная платформа под деревянным навесом.

Рядом с платформой на разные голоса шумел толкучий рынок.

От площади перед исполкомом, в сторону Ленинградского шоссе к серой каменной громадине, где, как позже узнал, был штаб армии Власова, вела булыжная дорога с широкими и глубокими, поросшими бурьяном канавами.

За канавами из-за голых заиндевелых кустов выглядывали одноэтажные частные домики. Это Московская улица. Старики называли её Царским шоссе. Достаточно оперативно, кажется, в тот же день, сотрудники исполкома распределили беженцев на жильё.

Нам, на семью из четверых человек, досталась пустующая отдельная (две комнаты!) тринадцатая квартира на втором этаже барака № 8 в заводском Центральном посёлке.

Центральный посёлок находился по другую сторону железной дороги. Теперь на его месте улица Гоголя.

На погрузочной площадке и прямо на откосе в ожидании отправки на Восток лежали заводские станки.

Рядом военкомат, чуть дальше него и от железной дороги разнообразил суровый пейзаж магазин культтоваров. Здание цело и поныне.

Дальше, вдоль заводского забора (теперь там НПО «Энергомаш»), на северо-восток шла дорога к проходной и к высоким жилым домам посёлка Чкаловский.

Правее Чкаловского посёлка – одноэтажное здание клуба имени Чкалова. Сюда пару раз водила меня «на танцы» соседка Валя. Моя роль состояла в охране её валенок и пальто. Танцевать я не умел. Ближе к каналу у железной дороги находилась двухэтажная (первый этаж жилой, каменный, второй этаж деревянный) контора связи. Так именовался тогда районный узел связи.

Начальником конторы был «КН» (конторы начальник) Жилковский. Здесь, на телеграфе, мы с братом, закончив перед войной заочные курсы радистов, некоторое время успели поработать телеграфистами-морзистами под началом жившего тут же старшего телеграфиста Коровкина. Круглые сутки от клиентов не было отбоя. Толпы военных, не дожидаясь квитанций, торопливо совали в окошко купюры, спеша подать весточки родным.

28 декабря 1941 года в военкомате, находившемся в бараке возле нашего дома, мне вручили повестку.

И 7 января, на Рождество 1942 года, меня мобилизовали. Дошёл до Эльбы и снова вернулся в Химки.

Источник:

Фотографии из книги: «Химки и окрестности. Очерки из истории. К 60-летию города Химки и Химкинского района».

- Химки, 2000.

- 356 с., 194 ил.

Рис. 3. Контора связи.

«Для Победы мы строили самолёты...»

*Ванчагов Алексей Михайлович,
ветеран Великой Отечественной войны*

*Рис 1. Ванчагов
Алексей Михайлович
(01.11.1920 - 28.11.2008г.).*

Перед вами – воспоминания Алексея Михайловича Ванчагова – бывшего заместителя Генерального директора Ташкентского Авиационно-промышленного объединения имени Чкалова (ТАПОиЧ) и профессора Московского авиационного института. Алексей Михайлович начал трудовую деятельность в 1940 году на заводе № 84 в городе Химки. После эвакуации завода в Ташкент он ещё долгое время работал на в должности одного из руководителей этого славного коллектива. Воспоминания он написал в 2005 году, в год 60-летия великой Победы. Текст воспоминаний и фотографии предоставлены его дочерью, Ольгой Алексеевной Ванчаговой, за что ей огромное спасибо.

Я, Ванчагов Алексей Михайлович, ветеран Великой Отечественной войны. Мне 85 лет. Я продолжаю работать в авиации 65-й год, в настоящее время – профессором Московского авиационного института. Моя страна готовится отметить 60-летие победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Мне, в связи с этой датой, хотелось бы рассказать о событиях военных лет, участником и свидетелем которых я был.

...Мне 20 лет. Июнь 1940 года, Москва. По окончании учёбы я направлен на работу на завод 84 (Химки).

Завод осваивал производство (по лицензии США) пассажирского ультрасовременного тогда самолёта DC-3, получившего в СССР наименование ПС-84. Он существенно отличался по конструкции и технологии производства от принятых у нас.

Особенно поражало широкое применение в технологии сварочных работ.

Моя специальность – технолога по сварочному производству – была востребована. Тем более, что я профессионально владел практически всеми видами сварки. Началась активная, напряжённая и любимая работа. Мог ли я тогда предполагать, что на этом заводе пройдут 27 лет лучших дней моей жизни и что через десять лет, пройдя все ступени служебной иерархии, стану одним из руководителей славного многотысячного коллектива самолётостроителей?

1940 год – предвоенный – был пронизан ощущением приближающейся большой войны. Это чувствовалось по международным событиям, по ситуации внутри страны.

22 июня, начало войны, застало меня в Ступино у моего брата Владимира, где собрались все близкие родственники.

В этот день мы расстались до конца войны, а с отцом и братом – навсегда. Они погибли. Вернувшись вечером в Москву, я увидел другой город и других людей. Москва затемнена, небо прощупывают прожектора, на отдельных площадях установлены зенитные орудия.

Во дворах жилых домов, почти у каждого подъезда – дежурные. Люди выглядели деловитыми, сосредоточенными, готовыми к действию и лишениям.

Начались ежедневные воздушные тревоги, днём и ночью люди уходили в бомбоубежища и метро.

*Рис. 2.
Алексей Ванчагов -
технолог на заводе
№ 84 в Химках.*

На нашем заводе также произошли большие изменения в производстве и в режиме работы. Принято решение переоборудовать производимые самолёты из пассажирских в военно-транспортные.

Этот процесс проходил в режиме военного времени и был закончен в короткие сроки. Резко изменился план – увеличено производство самолётов. Для нас, молодых ребят, режим суток сложился так, что мы днём работали на заводе, а ночью, чтобы избежать пожара, посменно дежурили на крышах цехов завода и сбрасывали вниз «зажигалки», упавшие с немецких самолётов.

В первый месяц войны к Москве редко, но прорывались отдельные немецкие истребители.

Крупный прорыв к Москве немецких самолётов случился в третьей декаде июля. Это было в начале ночи и представляло собой страшное и потрясающее зрелище!

Ночью я был на Трубной площади у приятеля и видел всё, что происходило в небе. Немецкие самолёты, я не знаю, сколько их было, на низкой высоте кругами летали над Москвой.

Множество прожекторов «щупали» небо, и часто самолёты попадали в их лучи. Но одновременно они осветили город, стало светло, как днём. Все зенитные установки работали на полную мощность, так, что осколки сыпались с неба как град.

Пулемёты непрерывно строчили с крыш домов трассирующими пулями. Некоторые самолёты, попадая в луч прожектора, пикировали по этой светлой дорожке к земле и зенитки стреляли по ним.

Несмотря на эту огневую мощь, немецкие самолёты долгое время продолжали летать, стрелять и бомбить. Я не увидел в этой зоне Москвы сбитого самолёта. Было горько и обидно.

Казалось: это какой-то страшный сон. Слава Богу, это был единственный увиденный мною массовый налёт. В дальнейшем противовоздушная оборона Москвы задерживала и сбивала немецкие самолёты на дальних подступах к городу. Хотя прорывы отдельных самолётов были, и воздушные тревоги объявлялись почти ежедневно.

В конце августа и в сентябре 1941 года сотни тысяч москвичей ежедневно рыли противотанковые рвы на подступах к Москве.

Вся молодёжь завода принимали в этом участие после окончания работы. Это был нелёгкий труд – перелопатить 4 кубометра земли. Никакой техники не было. Мы работали с энтузиазмом, понимая, для чего это делается. Фронт приближался к Москве.

5 октября 1941 г. по решению Государственного Комитета Обороны было приказано в сжатые сроки эвакуировать завод в Ташкент.

Первые 3 эшелона ушли до 15 октября. Необходимо было снять в цехах всё оборудование, забрать незавершённые заделы производства, инвентарь. Грузили вручную, круглосуточно, силами рабочих завода.

Эшелон состоял из 50 – 60 платформ и вагонов-теплушек. На платформах – оборудование, в теплушках – по 30-40 человек. Многие сооружали укрытия на открытых платформах. Процесс эвакуации шёл по чёткому графику.

В Ташкент самолётом отправлены представители завода для подготовки, встречи и размещения людей и оборудования. До сих пор удивляюсь, как удавалось без какой-либо техники снимать и грузить многотонное оборудование.

Помню нашего директора, генерала Афанасия Михайловича Ярунина в окружении трёх автоматчиков охраны, руководившего работами. Нужно было отправить тысячи единиц оборудования и тысячи работников, большинство с семьями.

По графику подразделение, в котором я работал, должно было отбыть пятым эшелонам 18 октября.

Мы, группа сотрудников, 16 октября получили разрешение съездить из Химок в Москву купить продукты в дорогу.

Рис. 3. Директор завода №84
(1939-1947) в Химках
Афанасий Михайлович Ярунин.
Фото из архива Т. Скопиной.

Утром заводской автобус довёз нас до метро «Сокол», и мы вышли из метро на улице Горького. То, что мы увидели, невозможно забыть.

По улице Горького от Белорусского вокзала в центр города тянулась колонна воинских подразделений. Шли подводы, запряжённые тощими лошадками, на некоторых – раненые. Держась за подводы, шли заросшие, оборванные солдаты. Очевидно, это были снятые с фронта части. Их заменяли «сибиряки», прибывающие из Дальневосточной армии.

Все магазины были закрыты. Не было видно милиции. По улицам, уезжая из города, мчались автомашины, нагруженные разнообразным скарбом.

На тротуарах кучками стояли москвичи, недоумённо глядя на происходящее. Молчало радио. Никакой информации не было, только ходили страшные слухи. Не работал городской наземный транспорт. Мы прошли пешком до Комсомольской площади, понимая: произошло что-то трагическое, и нужно срочно возвращаться на завод.

Комсомольская площадь и прилегающие к ней улицы заполнены тысячами людей. С утра не работал пригородный транспорт, не было вагонов и дальних поездов.

Люди говорили: ночью подвижной состав трёх вокзалов мобилизован для эвакуации государственных и военных организаций Москвы в Куйбышев. Мы пробыли в этой массе людей до 5 вечера, пытаясь найти способ добраться до Химок.

В 5 часов на платформу Ленинградского вокзала подали состав теплушек, который должен идти до станции Крюково. Обходными путями мы сумели добраться до платформы, но нам досталось место только на крыше вагона.

Где-то в районе станции Ховрино из облаков появились 2 немецких истребителя и прошли по движению поезда на такой малой высоте, что можно разглядеть лица лётчиков. Мы были хорошей мишенью, но они не стреляли. Очевидно, это были разведчики.

Утром 17 октября, придя на завод, я был поражён увиденным. Охраны на проходной не было, в цехах – тихо и пусто. По заводу ходили руководители и директор Ярунин с усиленной охраной.

Мы узнали: 15 октября поступил приказ эвакуацию завода прекратить в связи с чрезвычайной военной обстановкой на подступах к Москве и спасти коллектив завода.

Директор приказал утром в 8 часов 16 октября собраться колоннами по цехам, отделам и пешком идти по Горьковскому шоссе в направлении города Горького. Приказ оказался невыполнимым.

Утром собрались отдельные работники и транспортный цех со всем парком машин. Поход не состоялся, а работники завода в основном сбежали и решали свои проблемы самостоятельно.

Вечером 16 октября прошла короткая информация по радио об обстановке на фронте. В городе объявлено чрезвычайное положение. Были определены 2 линии обороны Москвы – ближняя и дальняя. Город превратился в прифронтовую зону.

На улицах появились противотанковые ежи, а в небе – аэростаты. Военные патрулировали город в комендантский час.

18 октября на завод поступил приказ: продолжить эвакуацию. Но не было людей, которые могли бы это сделать.

Директор издал приказ о массовом приёме на завод рабочих всех специальностей по

упрощённой схеме. В результате вернулись большинство работавших ранее, а также присоединились рабочие соседних авиационных заводов.

20 октября был подан состав вагонов, и 4-й эшелон с оборудованием и людьми был отправлен в Ташкент.

23 октября отправился 5-й эшелон, на котором уехал наш цех, в том числе и я. Эшелоны уходили почти ежедневно.

Начался наш долгий, трудный путь до Ташкента. Длился он 23 дня. Днями стояли на запасных путях. Деньги и хлеб кончились в районе Куйбышева.

Мы и наши 60 вагонов благополучно добрались до Ташкента. А 10-й эшелон попал под бомбёжку с воздуха, и многие погибли. Ташкент встретил нас тёплой, солнечной погодой и освещёнными улицами. Город переполнен эвакуированными из России и Украины предприятиями, что породило большие проблемы с их размещением, а также с обеспечением тысяч людей жильём. Для размещения самолётостроительного завода выделено здание бывшего Полиграфкомбината и прилегающей к нему земли для размещения заготовительных цехов в черте города. Для сборочных цехов выделили ангар и грунтовый аэродром (по сути – поле, поросшее травой).

Предстояла грандиозная работа по планировке и размещению цехов завода. Прибывающее оборудование размещалось на открытых площадках запланированных цехов, а уже потом строилось здание. Строилась взлётная полоса для самолётов. Создавались энергетические коммуникации и необходимая инфраструктура вспомогательного и обслуживающего производства. Сборка самолётов начата сразу после прибытия первых эшелонов с деталями, узлами и агрегатами в ангаре на аэродроме. Заготовительные и механические цеха начинали работать под открытым небом.

Работа шла круглосуточно. Официально был установлен 12 часовой рабочий день.

Возникали проблемы с питанием: кроме нормы хлеба, есть было нечего. Мы голодали, но не роптали. Под столовую отдали четырёхэтажное здание школы. Вскоре она заработала. Главным и постоянным блюдом оказался суп из макарон, которых в тарелке можно было пересчитать по пальцам. Руководство Узбекской республики понимало, что означает авиация для победы, оказывало помощь в размещении людей по домам местных жителей (в порядке уплотнения) и по другим вопросам.

Процесс становления завода заслуживает более детального описания. Мужество, героизм, самоотверженный труд голодных, оставшихся без удобного жилья людей, работающих до полной потери сил и ни на что не жалующихся, достоин памяти поколений.

Я работал старшим технологом и некоторое время – мастером слесарного цеха, размещавшегося в бывшем складе бумаги Полиграфкомбината.

Нам повезло: была крыша над головой. Цех изготавливал сложные узлы и агрегаты шасси самолёта, подмоторной рамы, коллектора выхлопной системы и сотни других узлов и деталей. Круглосуточная работа десятков сварочных постов и другого оборудования создавала дымовую завесу, из-за которой за 10 метров не видно человека.

Зимой 1942 года я и многие мои товарищи редко бывали дома. Спали в цеху. Эта зима была тяжёлой. Начались массовые заболевания силикозом. Многие страдали от авитаминоза. От постоянного чувства голода отвлекала только работа.

Весна 1942 года обрадовала появлением в столовой чахохбили из черепашек. Их на автомашинах привозили из песчаных пустынь, расположенных в 200-250 километрах от Ташкента. В результате героического труда рабочих и служащих к январю 1942 года дей-

Рис. 4. г. Ташкент. Начальник цеха №2
А.М. Ванчагов среди рабочих цеха.

Рис. 5. Сборка Ли-2 на Ташкентском заводе №84 в годы войны.

Ташкентский авиационный завод находился за тысячи километров от заводов-поставщиков материалов и комплектующих изделий. Это создавало проблемы с «питанием» производства.

Но коллектив завода обеспечил выполнение поставок самолётов по количествам и срокам. 27 месяцев подряд заводу вручали переходящее знамя ГКО. Это настоящий героизм тружеников тыла, и об этом не надо забывать.

За годы моей работы в замечательном коллективе был создан отличный самолётостроительный комплекс, он объединял 3 завода (в Ташкенте, Фергане и Намангане) и насчитывал более 30 тысяч высококлассных рабочих и инженеров. Была создана мощная социально-бытовая инфраструктура: сотни тысяч метров жилья (авиационный городок), 2 больницы, 2 поликлиники, десятки детских садов и яслей, несколько пионерских лагерей, 3 пансионата, дворец культуры,

Рис. 6. Руководство Ташкентского авиационного производственного объединения им. Чкалова 7.11.1961. Справа налево: директор С.И. Кадышев, зам.дир. А.М. Ванчагов, зам. по строительству Э.С. Качаров, главный инженер К.С.Поспелов.

великолепный санаторий-пансионат на берегу озера Иссык-Куль в Киргизии.

Освоены и серийно производились самолёты: ЛИ-2, ИЛ-14, АН-8, АН-12, АН-22 «Антей», ИЛ-76. Ташкентское авиационное производственное объединение имени В. П. Чкалова награждено четырьмя орденами СССР. Из правительственных наград мне особенно дорога медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Я горжусь, что был участником 27-летней грандиозной работы, горжусь её результатами. Жаль, что в настоящее время нет былой славы и величия этого коллектива самолётостроителей.

Рис. 7. Эшелоны с оборудованием и людьми едут в Ташкент из подмосковных Химок

Эвакуация

*Отдельные эпизоды эвакуации завода № 84 из г. Химки в Ташкент.
Записано со слов А. М. Ванчагова из семейного видеoarхива.*

При подъезде к Куйбышеву (Самаре) образовалась пробка. 20 путей оказались забиты так, что военные не знали, как поступить. Поступило распоряжение: все эшелоны,двигающиеся на Ташкент, пустить через Турксиб, уйти на Восток.

А это – лишние сотни километров пути, в то время, когда ещё до Куйбышева все продукты съедены. Даже хлеба не было. Хотя были документы, и в эвакуопункте можно получить хлеб. Но всё закрыто.

И тут наши мужики, человек 50-60, встали впереди поезда и не дают ехать. Требуют везти на юг напрямую, на Сызрань. Пришёл комендант и говорит: «Ребята, пойдёмте, поговорим сейчас с вами, всё решим!» – всех забрал. Когда пришли в комнату, комендант говорит: «Вы арестованы, вас отправят под трибунал, а эшелон пойдёт, как положено».

Но что-то сработало, неожиданно мы узнали: эшелон пустят через Сызрань, а людей отпустили. «Катитесь вы на все четыре стороны, идите за эшелоном...». Они нас догнали около Аральского моря. Как они добирались – одному Богу известно.

Едем на Ташкент, до него однопутка и разъезды. Как поставят на разъезд, стоим час, день, два. Идут эшелоны военные, нефть из Баку, а мы стоим – путь-то единственный.

Добрались до станции Арысь, Ташкент близко, а в эшелоне – тяжёлая обстановка, есть нечего. Состав из 60 вагонов, народу много, платформы с оборудованием.

Мы ехали в последнем вагоне, и наш начальник техотдела – начальник эшелона. В районе Пензы закупили несколько мешков картошки, что нас выручало, но и они закончились. Эшелон стоит, большое село, все вышли, голодные, как волки. Рядом – восточный базар, а денег нет, ничего нет. До Ташкента 250 километров.

Кто-то спровоцировал, сказав: «Ребята, что стоим!» И накинулись, всё разгромили. Какой позор! Комендант распорядился отправить наш состав в Ташкент немедленно.

Поезда с эвакуированными шли медленно, пропуская военные эшелоны, двигавшиеся с огромной скоростью. В неотопливаемых вагонах холодно, спали, не раздеваясь, детей клали в середину, многие заболели воспалением лёгких.

Наконец, мы вкатываемся в Ташкентский вокзал на первый путь. Выскочили из вагонов. Вокзал красивый, светло, играет оркестр.

Поезд простоял 5 минут, и нас погнали дальше, на станцию «Сортировочная». Переночевали в вагоне, а утром подогнали телеги.

Всё погрузили, и поток людей с телегами отправился от вокзала по улице Шота Руставели. Люди измученные, грязные, а на тротуарах – ташкентские жители. Война только началась, они ничего не пережили. Освещение, продукты... Мальчишки кричали: «Евреи из Бердичева приехали, евреи из Бердичева приехали...»

На станции «Сортировочная» – кафе. Жарились шашлыки, подавалось красное разливное вино. Мы, четверо бессемейных ребят, засели в кафе, потом еле своих нашли.

Ташкент произвёл потрясающее впечатление. После Москвы, где холодно, бомбёжки, затемнение, тревоги, – всё по-другому. Приехали в ноябре, а здесь – фрукты, лепёшки, вино.

Это длилось до Нового года. К 1 января всё сгинуло: приехало около миллиона человек. Из Украины – все главные заводы, а из Москвы – мы, частично – из Белоруссии.

Рис. 8. Железнодорожный вокзал «АРЫСЬ».

Самолёт, построенный на средства, собранные колхозниками Узбекистана.

Рис. 9. Самолёт,
построенный на средства,
собранные колхозниками Узбекистана.

Хлеба давали по 800 грамм, а другие получали 400 грамм, хлеб – кочерыжка и больше ничего. Я брал буханку весом 1 килограмм 600 грамм на 2 дня.

Проходит январь, февраль – нет столовой. Позже нам выделили четырехэтажное здание школы под фабрику-кухню (заводскую столовую). Готовили суп с макаронами – мутная вода, в которой плавали 4 макароны. На заводе начался голод. Люди болели и умирали. Потом жизнь стала налаживаться. Весной стали готовить чахохбили из черепах. Их на грузовиках привозили из песчаных пустынь, расположенных в 200-250 километрах от Ташкента.

Но трудности не сломили заводчан.

Ценой больших усилий и самоотверженного труда работники завода поставляли самолёты «Ли-2», отправляли на фронт прямо с заводского аэродрома. Всё для фронта, всё для Победы!

По материалам сайта Музея ТАПОиЧ

<https://ok.ru/muzeytapoih>

17 эшелонов, а это около 1000 вагонов, ушло в Ташкент из подмосковных Химок. Эвакуировано 812 единиц оборудования, весь задел производства, материалы.

Как вспоминали ветераны завода, рядом со станками и агрегатами ехали 4 880 работников завода и членов их семей. Были и потери в результате налёта вражеской авиации.

По окончании эвакуации в Ташкент в директорском приказе отмечалось: «Начатая 15 октября 1941 года эвакуация закончилась 13 ноября 1941 года».

В Ташкенте для оборудования не хватало площадей. Его приходилось размещать в зданиях непромышленного типа – территории полиграфического комбината (территория «А» и площадки на окраине города (территория «Б»). Руководил установкой оборудования, эвакуированного в Ташкент из подмосковных Химок, главный инженер завода № 84 Борис Павлович Лисунов.

Уже 7 января 1942 года завод изготовил первый «Ли-2» в военном варианте (ранее выпускаемый «ПС-84» был пассажирским).

Впервые в небо Узбекистана «Ли-2» поднял лётчик-испытатель

Рис. 10.
Борис Павлович
Лисунов - Главный
инженер завода №84
в 1938-1946 г.г.

Н. В. Герасимов.

В 1941 году завод выпустил 237 машин.

В 1942 году – уже 423 машины.

А к маю 1942 года завод вышел на довоенный уровень производства.

В 1943 году – 618 машин; 1944 году – 626 машин; в 1945 году – 458 машин. Среди авиационных заводов это был самый большой выпуск. За это заводу на вечное хранение передано Красное Знамя Государственного Комитета Обороны.

Рис. 11 Самолёт ПС-84 (Ли-2).

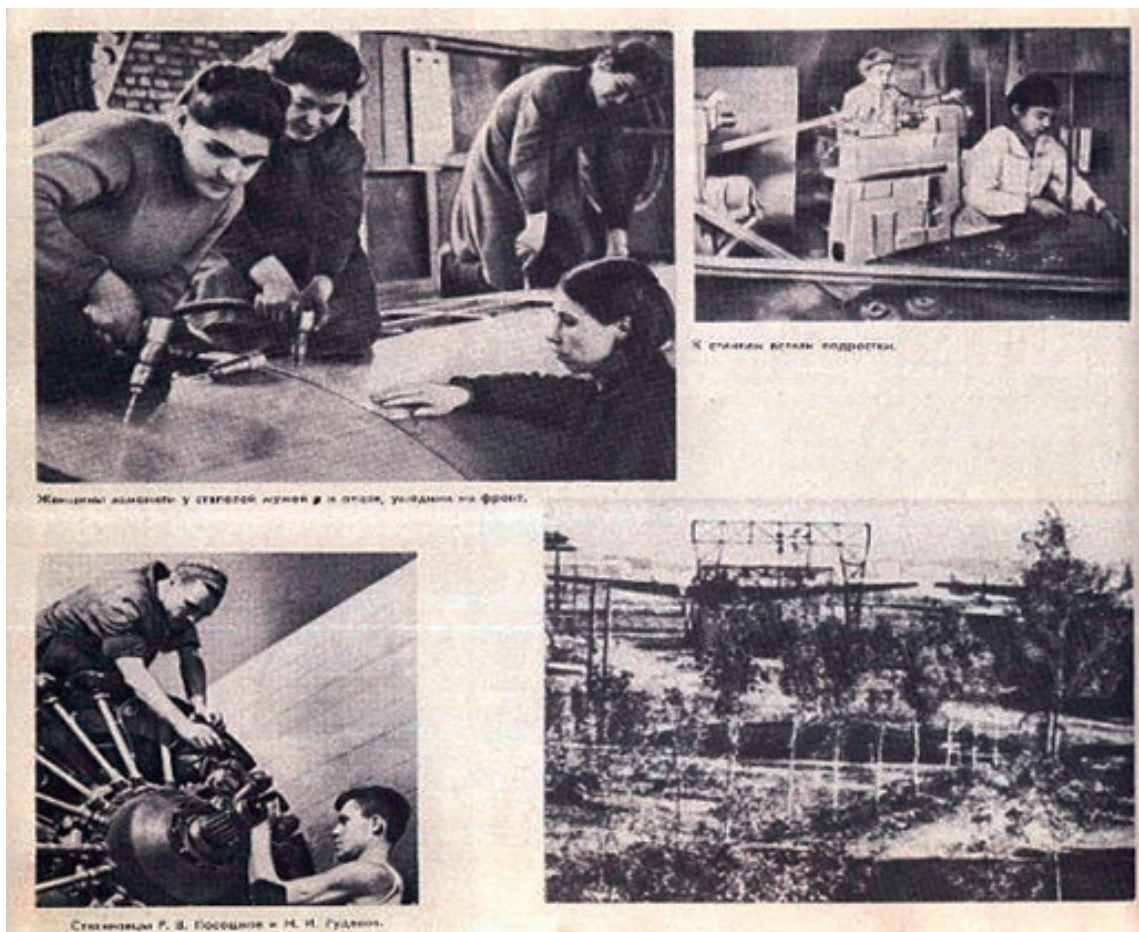

Рис. 12. Работа на заводе в годы войны-1.

Рис. 13. Работа на заводе в годы войны-2.

Женщины – труженицы тыла.

Вячеслав Герасимович Воробьёв

ветеран труда, член Химкинского краеведческого общества

Героический подвиг во время Великой Отечественной войны совершили в тылу женщины. Большинство мужчин призвали в Красную Армию. Их рабочие места на заводах, фабриках, предприятиях заняли женщины.

Рис. 1. Группа учеников Химкинской городской школы №2 на участке лесозаготовок укладывает в штабеля напиленные ими дрова. Фото В. Горбунова. Газета «Сталинский путь» 1943 №109 от 20 октября

старше 18 лет, женщины, не имеющие детей, женщины, у которых дети старше 18 лет, выполняли – помимо основной работы – разрядки от военкоматов, руководства администраций предприятий.

Девочки и мальчики учились в школе. Окончив семь классов и получив аттестат, поступали в фабрично-заводские училища (ФЗУ), готовившие будущих рабочих. ФЗУ обували, одевали, кормили и предоставляли общежитие. По окончании – распределяли на работу.

Немало девушек и юношей шли в технические училища, медицинские техникумы. Но и эти девочки-подростки часто привлекались к хозяйственным работам. Самый тяжёлый и героический труд был у женщин старше 18 лет, не имеющих детей, и у женщин, у которых дети старше 18 лет.

Приведу пример из жизни моей мамы, Елизаветы Петровны Воробьёвой (урождённой Лобовой). За время войны мама трижды в составе женских бригад направлялась на рытьё противотанковых рвов, более десяти раз в составе женских бригад заготавливала древесину на лесоповале для нужд завода.

Рис. 2. Девушки на заготовке дров.

Это тяжёлый, изнурительный труд – топор, двуручная пила, норма выработки. Если выполнишь норму, то получишь рабочую продовольственную карточку.

Работали на лесоповале обычно в паре. У мамы напарница была, Зинаида Планкина. Норму (3 кубометра дров в день на человека) выполняли всегда.

Весной 1942 года маму в составе женской бригады направили в места ожесточённых боёв за Москву для поиска и сбора брошенного оружия, разбитых орудий, танков, машин, а главное – тел погибших воинов-красноармейцев и убитых немцев.

Обнаружив погибшего, женщины доставляли его в специальный пункт, где составляли списки (по найденным жетонам) с последующим захоронением в братских могилах. По рассказам мамы, иногда эти женщины погибали от случайно оставшихся мин.

Матушка участвовала в пошиве комплектов нижнего белья для Красной Армии. Военкомат создал женскую бригаду, снабдив швей машинками Подольского завода, нитками, материалом, выкройками-лекалами. При выполнении нормы выработки швеи получали рабочую продовольственную карточку.

Раз в месяц приезжал бригадир, осуществлявший контроль за работой, выдавал материальные компоненты, вручал рабочую продовольственную карточку.

После войны мама получила медали – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и «За победу над фашистской Германией». Таких женщин были миллионы.

Рис. 3. Девушки шьют телогрейки для армии

Как жили и работали на заводе № 456 в годы войны.

Ольга Кирьянова

член Химкинского краеведческого общества

До войны моя мама работала на заводе № 84 конструктором. Она мне много рассказывала о военной поре.

Налёты немецкой авиации начались 22 июля 1941 года, и всегда в одно и то же время – в 10 часов вечера.

Первый продолжался около пяти часов. Немецкие самолёты (He.111, Ju.88 и Do.17) летели и гудели: «Везу-везу-везу-везу», зенитки спрашивали, стреляя по ним: «Кому-кому, кому-кому?», а те им отвечали, сбрасывая бомбы: «Вамм-вамм-вамм».

Маленькие дети боялись этих звуков! Жители больших домов Чкаловского посёлка укрывались в подвалах, позднее – в сквере у Чкаловского клуба вырыли щели (простейшее укрытие в виде траншеи, возможно, с перекрытием).

Вечерами по посёлку ходили дежурные и проверяли, как соблюдается режим светомаскировки.

18 июля 1941 года вышло постановление СНК СССР «О введении карточной системы в Москве, Ленинграде, пригородах Москвы и Ленинграда», при этом были сохранены твёрдые цены на продукты нормированного обеспечения населения.

Карточки на хлеб получили все жители района. Существовало 4 группы снабжения: рабочие и инженерно-технические работники, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет.

Колхозникам карточки на продукты питания и на промтовары не выдавались. Им предлагалось питаться тем, что выдавалось на трудодни и урожаем с огорода, их должен был обеспечивать колхоз, на территории которого они жили.

Хлеб по карточкам получали почти регулярно, обеспечение другими видами продуктов было нерегулярным и неполным.

Вместо масла – маргарин, вместо яиц – яичный порошок, позднее появились американская тушёнка, лярд и сахарин.

Жители Чкаловского посёлка получали хлеб и продукты в магазине, который находился в доме 2А, а жители деревни Лобаново – в магазине № 25, находившемся в Лобановском посёлке, ближе к заводу № 293 (сейчас – «Факел»). Также хлеб по карточкам выдавался в магазинах № 3 и № 2.

Когда немецкие войска приблизились к Москве, и завод приготовился к эвакуации, мама с сёстрами и детьми уехала к родственникам в село Серебряные Пруды на юге Московской области.

В конце ноября немецкие войска заняли это село, но пробыли немного, и уже 6 декабря ночью бежали, узнав о наступлении Красной Армии.

Фото 1. Дом 2А Чкаловского посёлка, за ним виден дом 2Б, справа заложен дом 10. Автор снимка Мих. Васильев. 1940-1941 г.

Фото 2. Дом 8/5 по ул. Бурденко, бывший дом 2А.

Фото 3.
Карточки на хлеб
и другие продукты
питания.

19 октября 1941 года постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) в Москве было введено осадное положение.

На следующий день оно начало действовать не только в столице, но и в прилегающих районах, не захваченных противником.

Был также введен комендантский час. Не уехавшие в эвакуацию жители продолжали работать и принимали участие в строительстве оборонительных сооружений.

Осенью 1941 года с полей собрали не весь урожай, и он пригодился зимой, когда жители ходили за не убранный мёрзлой капустой и картошкой на поля. Всё это пополняло продовольственные запасы. Иногда ездили по деревням и меняли вещи на картошку и другие продукты.

Кто-то ходил на рынок, но цены «кусались». На станции, на привокзальной площади недалеко от рынка стоял киоск, где на разлив продавалась брага. Её покупали и варили из неё кисель, что немного способствовало поднятию настроения. Конец зимы – весна 1942 года – самое голодное время, не регулярно выдавали даже хлеб по карточкам.

Весной на разминированной территории завода № 84 начал работу ремонтный завод № 456, туда пошли работать жители, не уехавшие в эвакуацию, в том числе мама с сёстрами.

В этот момент у неё появилась рабочая карточка. Она рассказывала, когда после большого перерыва вновь пришла на территорию завода и увидела на стене одного из цехов надпись огромными буквами: «Прощай, родной завод», то просто не смогла сдержать слёз.

После начала работы завода иждивенцы могли брать обед по карточке в заводской столовой. Кто-то так и делал – брал обед и нёс его домой. Но голод был силен, и обед не всегда попадал в руки того, кому он был предназначен. Этой же весной работникам предприятия, жившим в каменных домах, выделили место под огороды – сквер Чкаловского клуба.

Картофельные очистки с глазками пошли как посевной материал. Были перекопаны все клумбы, но вместо цветов на них красовалась картофельная ботва, вымахавшая из-за того, что

В конце зимы мама и сёстры вернулись в Химки, в дом 2 «Б» Чкаловского посёлка. Продовольственных запасов у них не было, завод не работал. Сохранились только карточки – детские и для иждивенцев. Работа коммунальных служб Чкаловского посёлка целиком зависела от работы завода № 84 (сейчас – «Энергомаш»).

После эвакуации завода в город Ташкент его территория была заминирована.

Коммунальные службы прекратили работу: электричества не было, из-за бомбёжек нарушено водоснабжение, центральное отопление не работало, двери туалетов – заколочены.

Фото 4. Запись в трудовой книжке мамы о поступлении на завод № 456 6 мая 1942 года.

клумбы ранее удобрялись под цветы. Весной 1942 года, когда из земли показалась молодая зелень, в городе съели всю крапиву и даже ездили за ней на Сходню.

В питание шла лебеда, сныть, лопухи. Летом помогали дары леса: утром до работы собирали грибы (в дубовой роще росло много белых), а бабушка варила грибной суп.

Осенью, когда урожай овощей был собран, мамин отдел собрался в деревенском доме в Лобанове. Всё что-то принесли с огородов для праздничного стола. В итоге – сделали ведро винегрета и ... наелись досыта, вот счастье-то!

Когда сотрудники завода уехали в эвакуацию, в Чкаловском посёлке остались жильцы, разбросанные по разным домам, этажам и подъездам. Они стали съезжаться, опасаясь мародёрства и угроз, вместе жить – безопаснее. Из-за отсутствия топлива центральное отопление не работало.

В конце 1942 года в квартирах поставили железные печки, их надо было топить, да и печи в частных домах нуждались в дровах. А дров в городе не хватало.

В итоге – сожгли все деревянные ограждения, деревянные тротуары по улице Берёзовая аллея, а в Грабаровском посёлке – и переходные мостки. В городе спилили многие деревья. Бывало, чурки для растопки печек приносили с территории завода, используя сумки противогазов.

Охрана на проходной иногда просила показать содержимое сумок, и, если оттуда вместо противогаза торчали деревяшки, спасали от «строгача» только быстрые ноги.

Готовили на керосинках. Топливо для них покупали в магазинчике недалеко от дома 2А, около Лобановского оврага.

В южной части города керосин продавался в магазинчике около железнодорожной насыпи недалеко от железнодорожного моста. Воду брали из колонок.

В холодное время жизнь в комнатах теплилась возле печки. Когда печку топили, то дым поднимался вверх, постепенно заполняя комнату. Дети ложились на пол, где ещё можно было дышать. Чтобы согреться, приходилось поворачиваться к печке то одним, то другим боком.

4 ноября 1941 года был налёт немецкой авиации, один из объектов которого – зенитная батарея, стоящая недалеко от железнодорожного моста, а попутно разрушили дом № 4 на улице Линейный проезд (сейчас – Железнодорожная).

В стене стоящей недалеко от него железнодорожной бани появилась большая трещина, в неё стала видна улица и сильно дуло, но химчане продолжали туда ходить. Жильцам разрушенного дома выделили помещение по улице Главное шоссе (сейчас это Московская). После снятия осадного положения жители ездили мыться в Москву, в железнодорожные бани около Казанского вокзала.

С 1943 года начали работать ясли № 2 завода № 456. Это было спасение. Детские карточки отдавались в ясли. В результате детишки имели хоть какое-то подобие детского питания. Когда же они вечером приходили из яслей домой, то порой для них не находилось и крошки хлебушка.

Фото 5. Дети из городского пионерского лагеря идут по улице Берёзовая аллея в столовую. 1943 год. Из архива Лытовых-Кирияновых.

И в это же лето при Чкаловском клубе открыли городской пионерский лагерь. На фотографии – группа детей из этого лагеря идёт по улице, по деревянным тротуарам (помостам), в сопровождении пионервожатых.

К концу войны эти помосты исчезнут, их используют в качестве дров. Несмотря на тяжёлую обстановку на фронте в 1941 году, школы готовились к началу учебного года, но – не вышло.

Возобновились занятия уже в 1942 году. И если в начале войны у кого-то ещё были тетради, то в конце войны ученики писали на

чем попало (включая поля у газет), где находили свободные места.

В годы войны территория Химкинского района простиралась от Крюкова до окружной железной дороги возле Войковского чугунолитейного завода. Больных отправляли лечиться либо в Белые столбы, либо в Никольскую больницу на Ленинградском шоссе в районе Северного речного порта.

Там же до начала 1950-х годов располагалось родильное отделение, и «дети войны» появлялись на свет именно там. В Никольскую больницу ходили пешком по мосту через канал Москва – Волга, даже при введении осадного положения, так как там была ещё территория Химкинского района.

Работа на ремонтном заводе шла полным ходом в тяжёлых условиях. Производственные помещения не отапливались, коммуникации – полуразрушены.

Среди конструкторов нашлись умельцы, соорудившие печку на чердаке корпуса, где они работали, и со всего завода сотрудники приходили туда греться. У завода был аэродром, туда прилетали самолёты, требующие ремонта. Если требовалось только ликвидировать пробоины, то конструктор должен был снять размеры пробоины и по ним сделать её чертёж. По чертежу из требуемого материала изготавливалась заплатка, и с помощью заклёпок крепилась на самолёт, закрывая пробоину.

Эту работу выполняли клепальщицы. Серьёзным ремонтом и сборкой самолётов из доставляемых деталей занимались механики, сборщики. После завершения ремонта и переоборудования самолёты улетали на фронт.

Весной 1942 года был открыт первый военный заём.

Вот отрывок из агитационной листовки по распространению облигаций: «...Государственный Военный Заём 1942 года выпускается в дни, когда наша Родина не на жизнь, а на смерть сражается против лютого врага — немецко-фашистских захватчиков... Единодушной и дружной подпиской на Государственный Военный Заём 1942 года поможем государству в борьбе с врагом! Обеспечим полный успех Военному Займу 1942 года!».

Он был размещён среди населения за несколько дней. За первым военным займом последовали другие, по одному в год, на всё большие суммы. Срок займов составлял 20 лет. Формально подписка носила добровольный характер, но фактически стала принудительной. Начиная с 1942 года, рабочие и служащие ежегодно подписывались на сумму, равную их месячному заработку, которую должны были выплатить в течение десяти месяцев. Удержания по подписке производились ежемесячно. Конечно, многие вкладывались в военные займы и добровольно.

В конструкторском отделе завода № 456 подписывались на оклад. Вопросы о сборе средств по займам среди неорганизованного населения (домохозяек) рассматривались на заседаниях Исполкома Химкинского горсовета.

В 1943 году на заседании Исполкома химкинского горсовета 23 июля жилотделами рассматривалось состояние местной противовоздушной обороны (МПВО) заводов № 456, № 301 и № 293.

Было отмечено: не организовано ночное дежурство у домов, плохо со светомаскировкой в домах 2, 2А, 2Б, нет песка, а бочки с водой отсутствуют. Бомбоубежища в домах 2А и 2Б залиты водой. Щели полевого типа разрушены и закопаны огородами (в сквере у Чкаловского клуба). К этому времени налёты немецкой авиации на Москву прекратились, и жители уже могли их не бояться (6 июня 1942 года был совершён последний). Но население продолжали обучать нормам противохимической обороны. Занимались с неорганизованным населением (домохозяйками), обеспечивали бомбоубежищами (щелями) и противогазами (за счёт личных средств).

В 1944 году начали благоустраивать город, чистить его, обращать внимание на водопроводные работы и озеленение, на ремонт жилого фонда и дорог. Назначались пособия одиноким и многодетным матерям, решались вопросы заготовки дров населением – подбор сучьев у деревень.

Фото 6. Девушки конструкторского отдела завода им. Чкалова в подарок XVII съезду ВКП(б) изучили пулемёт Дегтярёва. Слева направо: Терентьева, Устрицева Т., Лаврова К., Гординская В., Артамонова Е., Шокина О. – руководитель кружка, Шарашкина В., Прокопенко А., Чаплина Е., Баранова.
Газета «Сталинский путь», №45, март 1939 г.

15 марта на заседании Исполкома Химкинского горсовета отмечалось: из-за недостатка дров в городе сожжены почти все деревянные тротуары и переходные мостики. За зиму спилены многие деревья, и Химки могут превратиться в пустыню. Необходимо в каждом доме заниматься озеленением. В протоколе заседания Исполкома химкинского горсовета от 27 декабря 1941 года написано: в посёлках заводов № 84, № 01, Химгородка открыты почтовые отделения связи. Девушки писали незнакомым бойцам письма на фронт. И у мамы в конструкторском отделе тоже писали эти письма, бывало, что и коллективно. Так завязывались переписка и знакомства.

Вспоминая эти годы, мама цитировала одно стихотворение – оно было близко многим женщинам, ждавших мужей и любимых с войны.

Сейчас, поискав в интернете по первым строчкам, я узнала: оно написано в 1943 году Сергеем Михалковым.

Буду ждать...

Ребёнок спит. Колышет ветер шторы.
Я у окна сажусь писать письмо.
Оно пусть будет нашим разговором,
Оно сегодня пишется само.

Я слышу рядом тёплое дыхание.
Передо мной твои черты лица,
Наш мальчик спит. Весёлое создание,
Смешной малыш, не видевший отца.

Он стоил мне томительных, бессонных,
Разрывами наполненных ночей
В товарных, наспех собранных вагонах
Среди разбитых бомбами путей.

Он стоил мне и слёз, и сил, и воли —
Упорная, она нашлась во мне.
Поэтому люблю его до боли,
А без тебя – люблю его вдвойне...

Ложусь ли спать, встаю ли на рассвете,
Иду ли в ясли, на завод иду —
Всё думаю о том, что есть на свете
Тот человек, которого я жду.

А если вдруг тревожное сомненье
Мне в душу заползёт на миг,

Что всё это – моё воображенье,
И на войне ты от меня отвык,

И есть уже какая-то другая,
С которой вместе делишь ты войну,
Которой говоришь ты: «Дорогая!»,
На время забывая про жену, —

Тогда я вспоминаю Приднепровье
И вечера на тихом берегу,
Всё то, что с нашей связано любовью,
Всё то, что свято в сердце берегу.

И первый кубик на твоих петлицах,
И первый орден на твоей груди...
Всё то, что в памяти моей хранится,
Что мне сейчас подсказывает: «Жди!»

И на душе моей опять спокойно —
Любовь со мной, она крепка во мне.
Она переживёт любые войны,
Она тебе поможет на войне.

Хочу тебя увидеть победившим,
Не отступившим, с гордою душой,
За Приднепровье наше отомстившим
И за разлуки нашей срок большой.

За тех из нас, оставшихся в разлуке,
Которым ждать уже не суждено,
За их тоску, за горе их, за муки,
За сердце их, что болью сожжено.

Я верю в то, что ты ко мне вернёшься,
Придёшь таким, каким во мне живёшь,
И по-отцовски к мальчику нагнёшься,
И до утра со мною не уснёшь.

Скажу я так в минуты нашей встречи:
«Всё вынести я, кажется, смогла,
Чтоб руки положить тебе на плечи
И рассказать, как я тебя ждала...».

Источники:

1. По воспоминаниям Евдокии Гавриловны Лытовой.
2. ЦГАМО, Ф.7804, о.2, д.4 Протоколы заседаний и решений Исполкома химкинского горсовета 1941 г.
3. ЦГАМО, Ф.7804, о.2, д.5 Протоколы заседаний и решений Исполкома химкинского горсовета 1942 - 1944г.г.
4. <https://vlfm.ru/nashi-stati/eto-interesno/zaymy-dlya-pobedy/>

Завод № 293 в годы Великой Отечественной войны

Ольга Кирьянова

член Химкинского краеведческого общества

Опытный самолетостроительный завод № 293 (сначала – это опытный завод «Фото-лет») образован по пр. № 346с от 10.07.1940 г. в 7ГУ НКАП на базе мастерских «Фотолет» и ОКБ-2 завода № 84 НКАП. В скромных деревянных зданиях с трудом разместились конструкторские бригады. Рядом началось строительство большого опытного завода.

В конце 1940 г. на завод № 293 с завода № 84 НКАП переведен В.Ф. Болховитинов, где возглавил собственное КБ. На заводе велась постройка опытных самолетов ОКБ Болховитинова.

Массированные налеты люфтваффе на британские города и отсутствие в Советском Союзе достаточного количества радиолокационных станций выявили необходимость создания истребителя-перехватчика для прикрытия особо важных объектов, над проектом которого с весны 1941 г. начали работать молодые инженеры А. Я. Березняк и А. М. Исаев из ОКБ В. Ф. Болховитинова.

Концепция полета их реактивного перехватчика или «ближнего истребителя» опиралась на предложение Королева, выдвинутого еще в 1938 г. «Ближний истребитель» при появлении самолета противника должен был быстро взлететь и, обладая высокой скоростью и подъемностью, догнать и уничтожить врага в первой атаке, затем после выработки топлива, используя запас высоты и скорости, спланировать на посадку.

Разработка конструкции самолета велась по двум направлениям: создание планера и двигательной реактивной силовой установки. Проектирование и сборка планера была поручена А.Я. Березняку, а создание реактивной силовой установки А.М. Исаеву. Конструирование новых приборов по обнаружению противника было поручено Б.Е. Чертоку.

Эскизное проектирование закончилось за 12 дней. Самолёт имел размах крыла 6,5 метра, длину 6,4 метра, шасси убиралось, взлётный вес 1650 кг, из них 710 кг азотная кислота и керосин. Конструкция планера предполагалась цельнодеревянной.

В июле 1941 г. эскизный проект с пояснительной запиской был отправлен Сталину, и уже в августе Государственный комитет обороны принял решение о срочной постройке перехватчика, который был жизненно необходим частям ПВО Москвы. Согласно приказу по Наркомату авиапромышленности на изготовление машины отводилось 35 дней.

В это время фашисты уже яростно рвались к Москве, поэтому дальше продолжать работы на территории опытного завода было просто опасно.

16 октября 1941 года началась массовая эвакуация предприятий из Москвы.

По приказу № 1072 сс от 15.10.1941 г. завод № 293 эвакуирован в пос. Билимбай (60 км. от г. Свердловска) на площадку филиала завода № 468 НКАП (литейный завод). 25 октября завод № 293 покинул г. Химки и только 7 ноября прибыл в посёлок Билимбай.

ОКБ продолжило работы по созданию самолёта в трудных, малоприспособленных для производства условиях. Для ускорения работ в помощь конструкторам из отдела ЖРД НИИ-3 в Билимбай был командирован ведущий инженер А.В. Палло. Он вспоминал: «Завод Болховитинова расположился в посёлке Билимбай в здании екатерининских времён, в здании разрушенного завода, но который был восстановлен в меру возможности для проведения работ, и потом мы в дальнейшем продолжали испытание двигателя, новой двигательной установки. Работали мы в очень трудных условиях. Прежде всего, это были сильные морозы, а мы в такой лёгкой загородке, только чтобы от ветра скрыться. Но задача была поставлена и её надо было выполнять».

Условия для работы и проживания прибывших конструкторов были очень тяжелыми. Семьи теряли заболевших родных, детей. В качестве еды каждому человеку в день полагались 600 граммов хлеба и горячая «билимбаиха». Так прозвали черную лапшу, сваренную в кипятке, без добавления жиров. Тарелка на «первое» и такая же – на «второе»

подавались на обед в бараке, в шутку называвшемся рестораном «Большой Урал». Выручал спирт, который понемногу распределяли между сотрудниками – его можно было обменять на молоко или мясо. Несмотря на трудности, работа велась активно.

В конце января 1942 года был введен в строй стенд для основных испытаний двигателя. Очередные испытания 20 февраля 1942 года едва не закончились трагедией в день рождения лётчика – испытателя Г.Я. Бахчиванджи. Произошла серьёзная авария в момент отработки запуска двигателя, в которой больше всех пострадал А.В. Палло.

Специальная комиссия, расследовавшая происшествие, установила, что взрыв произошёл по причине усталостного разрушения камеры сгорания двигателя, который, к тому времени, уже отработал положенный ему ресурс.

Вопрос о продолжении работ стоял очень остро. Два месяца ушло на подготовку к испытаниям второго ЖРД. Стенд был восстановлен и на нём установили новый двигатель. Наземные испытания двигателя прошли успешно.

25 апреля БИ-1 был переправлен из Билимбая на аэродром в Кольцово (Свердловск). Первый полёт с включённым двигателем Григорий Бахчиванджи выполнил 15 мая. При этом вес машины был ограничен 1300 кг, а двигатель отрегулирован на тягу 800 кг. Испытания продолжались чуть более трёх минут.

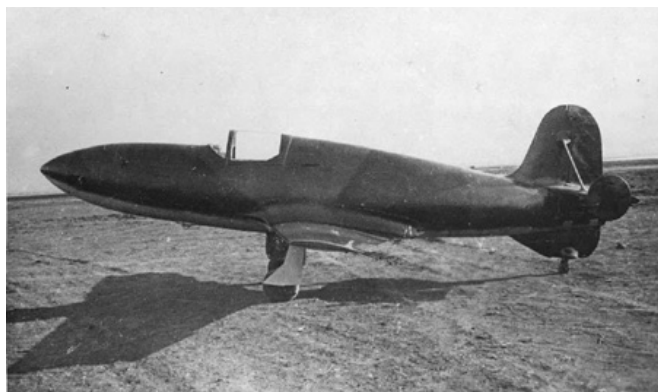

Рис. 1. Самолёт БИ-1 на аэродроме Кольцово (город Свердловск) в мае 1942 года.
РГАНТД. Ф. 107, оп.2, д.6 [4]

Рис. 2. БИ-1 во время полёта с включённым ракетным двигателем 15 мая 1942 года.
РГАНТД. Ф. 107, оп.2, д. 10[4]

Борис Черток вспоминал: «Рёв двигателя над затихшим аэродромом и яркий факел возвестили начало новой эры. Сотни людей 15 мая 1942 года наблюдали, как самолёт стал быстро разбегаться по взлётной полосе. Он легко оторвался от земли и взлетел с резким набором высоты. С работающим двигателем самолёт развернулся в одну сторону на 90 градусов, потом в другую, только успел перейти с крутого подъёма на горизонтальный полёт — и факел исчез».

БИ снижался с неработающим двигателем, как и предписывалось планом, и посадка получилась жёсткой. Одна стойка шасси подломилась, колесо отскочило и покатилося по аэродрому. Бахчиванджи был очень огорчён неудачным приземлением. Но ликующая толпа, несмотря на протесты, тут же подхватила испытателя на руки и начала качать.

Самописцы зафиксировали максимальную высоту полёта 840 м, скорость — 400 км/ч, скороподъёмность — 23 м/с. Испытания в небе продолжались 3 минуты 9 секунд. В своём докладе Бахчиванджи отмечал, что полёт на БИ в сравнении с обычными типами самолётов исключительно приятен: перед пилотом нет винта и мотора,

Рис. 3. БИ-1 после аварийной посадки 15 мая 1942 года. topwar.ru

Рис. 4. Главный конструктор Виктор Болховитинов выступает на митинге, устроенном в честь первого ракетного полёта БИ-1. Фото из книги А. Исаева «Первые шаги к космическим двигателям» (1978) [4]

не слышно шума, выхлопные газы в кабину не попадают, обзор передней и задней полусфер лучше, расположение приборов и рычагов управления удачное, видимость их хорошая, кабина не загромождена.

Государственная комиссия, призванная оценить результаты испытаний, записала:

«Взлёт и полёт самолёта «БИ-1» с ракетным двигателем, впервые применённым в качестве основного двигателя самолёта, доказал возможность

практического осуществления полёта на новом принципе, что открывает новое направление развития авиации».

После лётных испытаний все почувствовали, что совершён полет в новое, проложен путь в ещё неизведанные области, положено начало новому этапу развития летательных аппаратов – эре реактивных полётов.

Полёты БИ-2 состоялись 10 и 12 января, БИ-3 — 11, 14 и 21 марта. При этих испытаниях были зафиксированы наивысшие лётные показатели БИ: максимальная скорость — до 675 км/ч, вертикальная скороподъёмность — 160 м/с, высота полёта — 4000 м, продолжительность работы двигателя — 84 секунды.

Задание на седьмой полёт, состоявшийся 27 марта 1943 года, предусматривало доведение скорости до 800 км/ч по прибору на высоте 2 км (стоит напомнить, что к тому времени официальный мировой рекорд скорости составлял 709,2 км/ч). Поначалу испытания проходили нормально, но после окончания работы двигателя БИ-3 резко опустил нос, вошёл в пикирование и под углом около 50° врезался землю. Лётчик-испытатель Григорий Бахчиванджи погиб.

Рис. 5. Лётчик-испытатель Григорий Бахчиванджи у самолёта БИ-2. сайт aviar.ru

Гибель Бахчиванджи и результаты моделирования в ЦАГИ нанесли серьёзный удар по проекту: тридцать недостроенных машин БИ-ВС были демонтированы. Специальная комиссия, расследовавшая катастрофу БИ, не смогла определить истинную причину трагедии. Гибель лётчика повлияла на дальнейшую судьбу испытаний самолёта. Военная обстановка на фронтах под Москвой изменилась, и завод № 293 вернулся в Москву. Коллектив ОКБ продолжил работы над истребителем с усовершенствованным двигателем Исаева.

На площадке эвакуированного завода в Химках в 1942г. началось восстановление производства. По приказу № 239 с от 30.03.1942 г. здесь образован Ремонтный завод в системе Главремуправления НКАП для ремонта трофейных самолетов. И.О. директора А.И. Мамучашвили. Планировалось с 01.1942г. наладить производство фюзеляжей «БИ».

В 1942 г. группой инженеров велась разработка экспериментальной пушки и пулемёта

на базе 14,5 мм ПТР, действующих по принципу ЖРД (в заснарядное пространство непрерывно впрыскивалась смесь керосина и азотной кислоты). Испытания проведены в марте 1943 г., но были неудачными.

После возвращения коллектива ОКБ в Химки в 1943 году в структуре завода образован опытный отдел А.М. Исаева по ЖРД и начаты работы по двигателю РД-1.

28.02.1944г. завод № 293 вошел в состав НИИ-1 (Научно-исследовательский институт, отвечавший за решение практических задач ракетостроения) НКАП, а по приказу № 370 сс от 30.05.1944 г. стал его филиалом № 1. Были продолжены работы по «БИ».

В 1946г. завод № 293 вновь стал самостоятельным.

Вначале КБ занималось проектированием экспериментальных самолетов, в 1948 г. перепрофилировано на разработку управляемых ракет.

20 ноября 1953 г. было создано ОКБ-2 (ныне АО «МКБ «Факел»), которому были поручены разработки зенитных управляемых ракет для систем противовоздушной обороны (ПВО) страны.

Источники:

1. <https://oboron-prom.ru/nomernye-predpriyatiya.html>
2. https://testpilot.ru/az_map/avia/zavod-293/ Испытатели © www.testpilot.ru
3. <http://rsva-ural.ru/2020/02/v-konstruktorskom-bjuro-bolokhvitinova-proektirujut-pervyyj-sovetskijj-reaktivnyjj-samoljot/>
4. <http://alternathistory.com/raketnye-sokoly-stalina-eksperimentalnye-raketnye-istrebiteli-perehvatchiki-bereznyaka-isaeva/>
5. Иллюстративный материал (кроме указанного) заимствован из общедоступных ресурсов интернета, не содержащих указаний на авторов этих материалов и каких-либо ограничений для их заимствования.

Канал Москва – Волга в «СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ»

Нина Валентиновна Мочалова

член Химкинского краеведческого общества

*Ничто на земле не проходит бесследно,
И память ушедшая тоже бессмертна...*

А. Градский

Канал построен за 4 года и 8 месяцев. Он был введён в эксплуатацию за 4 года до войны, в 1937 году и соединил Волгу с рекой Москвой, решив сразу несколько проблем: водоснабжения, электроснабжения, транспортную, народно-хозяйственную (кратчайший путь из столицы в Поволжье и на северо-запад) и стратегически-оборонную, о которой редко упоминают.

В годы войны по каналу велись эвакуационные, воинские и народно-хозяйственные перевозки, перемещали из Москвы в Поволжье госпитали, военные грузы, воинские подразделения, ввозили продукты, дрова...

Часть судов Московского пароходства передали Красной Армии. Значение канала выросло с завершением осенью 1941 года ввода Угличского гидроузла. Цифры говорят за себя: за первую военную навигацию по каналу провезли около 235 тысяч тонн грузов, что на 63% больше, чем в предвоенную. Для перевозки такого количества грузов потребовалось бы 2000 железнодорожных вагонов.

С началом войны изменился облик канала. Погасли огни, замаскировали окна прибрежные сёла, умолкли гудки судов. Работы велись только ночью. Маскировались шлюзы. Каравеллы Санта-Мария сняли и, переложив соломой, зарыли в яму (их удалось сохранить). Но, когда осмотрели маскировку канала с самолёта, опечалились. Как можно скрыть многокилометровую водную поверхность?

В первый день бомбардировки столицы (22 июля 1941 года) речникам пришлось тушить пожары в Северном и Западном портах.

Особенно тяжело стало в последние дни ноября — начале декабря 1941 года, когда враг от Калинина резко повернул по трём направлениям к Москве: на Клин, Рогачёв, Дмитров.

28 ноября фашисты оказались на восточном берегу канала в деревнях Перемилово и Семешки, недалеко от Дмитрова, захватив мост-переправу, прибегнув к хитрости.

В состав Бранденбургского полка входили люди, когда-то жившие в СССР, знавшие язык и обычаи. Их превращали в диверсантов, переодевая в советскую форму и снабжая оружием советского образца.

Группа таких «русских» проникла к Яхромскому мосту и уничтожила наших бойцов-охранников, оставленных для его взрыва, и принявших врагов за своих.

Подошедшая Первая Ударная армия генерал-майора В. И. Кузнецова, в 9 часов утра 29 ноября «с колёс» нанесла удар и отбросила врага на западный берег канала. 13 бойцов под огнём противника взорвали мост, преградив путь неприятелю к Дмитрову. В живых остался лишь один боец, истекающий кровью. Врачи спасли его.

Рис. 1 Яхромский мост. 1941-1942

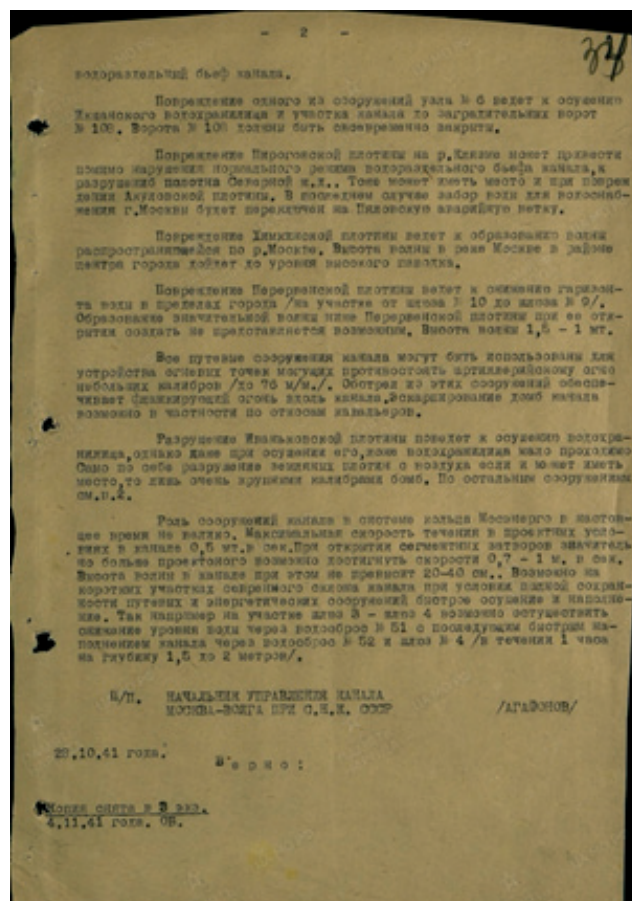
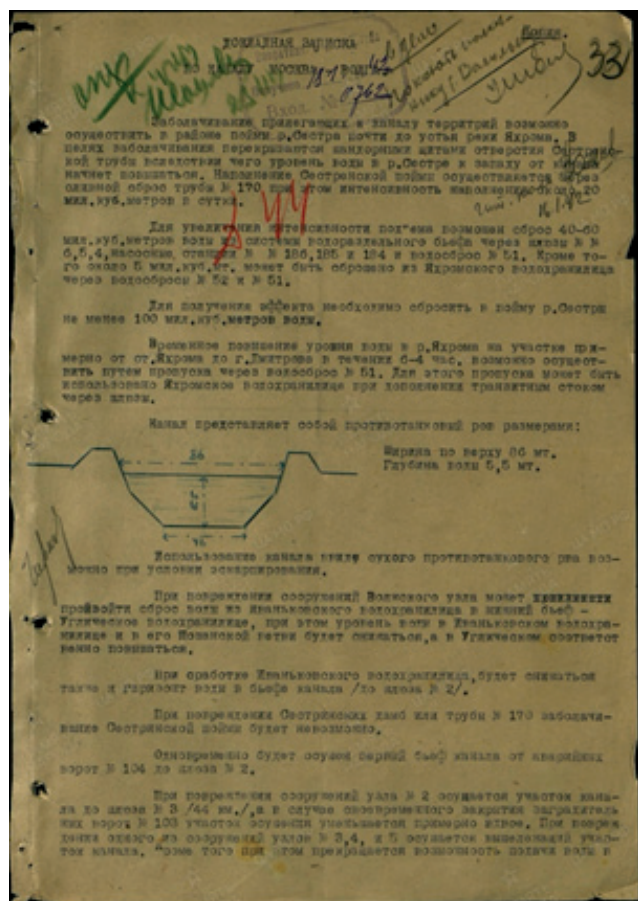

Рис. 2 Докладная записка по каналу «Москва-Волга» от 28.10.1941 г.

Положение на канале (гладкая зимняя, твёрдая, почти незащищённая дорога прямо к Кремлю) оставалось сложнейшим.

По совету группы инженеров-речников канала (Д. Ф. Агафонова, Л. С. Кускова, Б. М. Фрадкина, А. А. Прустовского, И. Н. Дымина, В. С. Жданова), создали водную преграду на пути врага с использованием гидротехнических сооружений канала – интенсивного водосброса через плотины и шлюзы в реки Яхрому и Сестра.

В результате оказалось затоплено свыше 300 гектаров пойм этих рек, что позволило поставить мощный водный заслон перед столицей.

Врага остановили і деморалізували.

Есть предположение: в низинах речных пойм скопилось до 300 немецких танков, готовых ринуться через канал в Дмитров. Их уничтожила волжская вода.

Этот факт подтверждает ветеран войны Г. Ф. Захаров в статье «К 70-летию битвы за

Рис. 3 Сброс воды через Иванововскую плотину
20 ноября 1941 г.

Рис. 4 Ледяной покров после сброса воды
через плотину

Москву» («Химкинские новости» от 14.12.2012 года).

Сейчас в интернете «Московскому потопу» посвящено несколько исследовательских работ, которые, подчёркивая стратегическую значимость этого события в защите столицы, показывают и серьёзные негативные стороны его. Взломав лёд, вода накрыла, по их подсчётам, около 30-40 деревень на своём пути.

Подготовка операции велась в строжайшем секрете. Тимур Сагдиев отмечает: часть жителей уехала из прифронтовой полосы (например, город Яхрома был пуст), часть – жила в домах на возвышенностях.

Жительница Химок З. Д. Нестерова в эти дни жила в многодетной семье в деревне Астрецово около Яхромы. Их деревню поток не затронул.

При затоплении поймы реки Сестра, по мнению Т. Сагдиева, вода прибывала медленно. Был шанс спастись.

Хуже обстояли дела жителей в пойме реки Яхромы, где вода быстро наступала, а многие дома оказывались в низине или на берегу.

«Число жертв потопа не может быть названо даже приблизительно», — пишет автор.

Сапёрные специалисты инженерных войск вместе с работниками канала превратили

Рис. 5 Взорванный шлюз №3 с каравеллой Колумба

его в надёжный оборонительный рубеж. Вдоль канала вырыли траншеи и гнёзда для пулемётов и малых орудий.

Наш родственник, Степан Петрович Талишнев, работал в годы войны в системе Тушинского района гидротехнических сооружений (РГС), позже возглавил его.

В 1941 году его назначили ответственным за устройство склада взрывчатки под шлюзами №7 и №8 в случае оставления Москвы.

В годы Великой Отечественной войны канал ни на один день не прекращал деятельности, подавая 80% питьевой воды, гидростанции вырабатывали существенную долю от

мощности энергосистемы, помогая в энергоснабжении региона.

Однако в результате военных действий сооружения канала сильно пострадали, особенно шлюзы, но к маю 1942 года все разрушения удалось устранить.

В том же году в столицу, где остро стоял вопрос о снабжении её топливом, по каналу доставили 1,6 миллионов кубометров дров.

В 1944 году по каналу Москва – Волга открылось пассажирское движение на линиях Москва-Астрахань, Москва-Пермь.

В годы войны речники канала неоднократно завоёвывали Переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны.

Канал за военные и трудовые подвиги получил в 1977 году орден Трудового Красного Знамени. Солдатский подвиг канала и его

Рис. 6. Так выглядит шлюз №3 сегодня

защитников воплотился в памятнике у деревни Перемилова.

На высоком 28-метровом постаменте в стремительном движении вперёд застыла 13-метровая фигура советского солдата с винтовкой в руке, с обращённым на запад лицом.

У подножия барельефа – воины различных родов войск, идущие в бой. От памятника вниз, до самого шоссе, спускается лестница с просторными террасами (авторы – группа скульпторов во главе с В. Фёдоровым).

Канал имени Москвы (он получил это название в 1947 году) остаётся одним из главных свидетелей грозных дней Великой Отечественной войны.

Источники:

1. Альбом «Канал имени Москвы, 70 лет» (подготовлен ООО «Фонд праздник») – М., 2007.
2. Архив: ЦАМО, Фонд: 208, Опись: 2511, Дело: 1186, Лист начала документа в деле: 33. Докладная записка по каналу Москва-Волга. Авторы документа: начальник Управления канала Москва – Волга при СНК СССР. Описывает период с 28.10.1941 по 28.10.1941 г. Дата создания документа: 28.10.1941 г.

*Рис. 7. Памятник
на Перемиловской высоте*

Осень 41-го

Владимир Сергеевич Попов-Раич
член Союза писателей Москвы

Ту осень бабка Марья из подмосковной деревни Машкино, близ Химок, запомнила на всю оставшуюся жизнь. Но много лет никому не рассказывала о двух днях сентября 41-го, когда пережила такой страх, о каком вспоминать совсем не хотелось.

Война приближалась к Москве с каждым днём. Сначала отдалённые раскаты залпов и взрывов звучали совсем тихо, потом все громче, а затем канонада стала грохотать совсем рядом, ежедневно, по многу часов. Немногочисленные жители деревни сначала вздрагивали от каждого залпа, потом попривыкли и почти не замечали грохота залпов и бомбёжек, занимаясь ежедневно многотрудным сельским делом. С утра доили коров и выгоняли их на пастбище, потом поливали и пололи грядки, после обеда допоздна окучивали картошку – главную кормилицу всех семей.

Помогали Марье только дочери, причём добровольно и старательно.

В прошлом году их на огород выгонял отец Иван, не особо церемонясь и не подбирая выражений. Мог и толкнуть, и шлёпнуть без учёта последствий для нежной девичьей психики. Дочки его побаивались, но не слишком. По первому понуканию слезать с широкой, тёплой печи, на которой в обнимку легко уместались все четверо, в неприятную, утреннюю прохладу – отнюдь не спешили.

Теперь Ивана Герасимова не было дома уже третий месяц, писем от него тоже не было, да и быть не могло. Марья их и не ждала, знала, что писать её Ванька и в детстве почти не умел, а во взрослой жизни – совсем разучился.

В начале сентября война пришла буквально в каждый дом. В дом солдатки Марьи пришли на постой пятеро солдат Красной Армии и их начальник, давно небритый командир артиллерийского взвода.

– Лейтенант Пеструхин! – сухо представился, небрежно откозыряв, молодой офицер без всякого «здравствуйте» или «разрешите». – Принимай мой взвод на постой, бабка.

По его команде солдаты вкатили во двор и поставили впритык к стене довольно большую пушку и несколько ящиков со снарядами.

– Какая я тебе бабка... – вырвалось у застывшей Марьи.

Суровый лейтенант взглянул на женщину повнимательней. Сухонькая, сутулая фигурка в старой, латаной-перелатаной кофте и длинной, давно вылинявшей юбке почти до пят, выглядела с пяти шагов совсем по-старушечьи. На голове у хозяйки двора была повязана тёмная, старенькая косынка. Правда, лицо...

Приглядевшись к чертам деревенской жительницы, лейтенант морщины увидел, но явно ещё не старушечьи. Глаза у хозяйки и вовсе молодые – голубые, ясные – смотрят на непрошенных гостей настороженно, с опаской, вроде и смиренно, но с некоторым внутренним вызовом: «С чем пожаловали, дорогие защитники?»

Пеструхин озадаченно хмыкнул, извиняться, однако, не стал.

Марья, в свою очередь, украдкой рассматривала бравого командира. Совсем ведь молодой парень, двадцать годков, поди, только недавно перевалило. Симпатичный с виду, но уж больно строг, каким-то холодком от него веет.

– Сколько ж тебе лет... хозяйка? – нарушил молчание лейтенант.

– Тридцать пять сровнялось... 7 мая, – вздохнула Марья. – Войны этой проклятущей тогда ещё не было.

– Кто у тебя сейчас в доме живёт? – прозвучал чуть мягче второй вопрос боевого офицера.

– А четыре дочери у меня. Старшей, Надежде – четырнадцать, младшей Катюшке – только семь. Между ними Валя и Лида. Мужа Ивана на фронт забрали, не знаю даже, где

воюет. Может, убили уже. Похороны, правда, не было, – без особых эмоций добавила женщина.

– Типун тебе на язык, почему сразу убили... как тебя-то звать?

– Меня... Марья меня звать. По отцу Васильевна. А тебя как прикажешь?

– Меня – тоже Василий, – чуть улыбнулся лейтенант. – Мне двадцать два пока.

Потом продолжил без улыбки.

– Ты раньше времени не каркай, женщина. Я тоже матери не пишу, не до писем пока.

Помолчал, добавил.

– В общем, так. Ты нас не бойся, Марья Васильевна. Мы не какие-нибудь фашисты. Девчонки твоих мои мужики не обидят. Это я гарантирую. Старший боевого расчёта у меня – твой ровесник, старшина Сергей Степаныч. Вон он, видишь, пушку закатывает. А если кто... посягнёт, так сказать, на твою Надю, только скажи. Пристрелю на месте.

Тут лейтенант хлопнул правой рукой по кобуре, висевшей поверх гимнастёрки. Потом добавил миролюбиво.

– Но потесниться придётся, Марья Васильевна. И в доме, и в сарае твоём ночевать будем.

– В сарае-то корова, – охнула Марья.

– Не бойсь, и корову не обидим, – опять улыбнулся Василий. – А вот молочком, если угостишь, спасибо скажем.

– Вечером и угощу, – отлегло от сердца у Марьи при виде мирной улыбки сурового командира. – И картошки сварю твоим бойцам.

И не удержалась, похвасталась.

– Только и радости, что картошка хорошая уродилась. Двенадцать мешков в сарае стоят. С девчонками больше недели убирали, таскали. До нового урожая хватит.

– Картошка, говоришь... Это здорово! По картошке мы соскучились. У нас каша да тушёнка каждый день. Давай так: ты нам картошки, мы тебе тушёнки. Годится?

– Конечно, годится, Василий, – совсем обрадовалась Марья. – Девчонки мои мяса с мая не ели.

Вечером в доме был праздник. Марья наварила большую кастрюлю картошки, заправив её двумя банками тушёнки. Ещё две банки, полученные от старшины взвода Степаныча, припрятала в подполе. А взамен достала оттуда литровую банку огурцов. При виде такого роскошества у солдат загорелись глаза, взрослые мужики радовались, как дети, откусывая и смачно хрустя твёрдыми малосольными огурчиками с огорода Марьи.

– Эх, сейчас бы сто граммчиков, – мечтательно протянул крепкий, черноволосый солдат, почесав шею крупными, огрубевшими пальцами.

Марья собралась было сообщить, что и эта радость найдётся, но не успела.

– Отставить, ефрейтор Гусев! – незлобно, но безальтернативно подал голос лейтенант. – Выпьем, когда фрица за сто километров от Москвы отбросим.

Засиживаться за царским ужином Пеструхин не позволил. Распределив ночное дежурство, в десять вечера комвзвода скомандовал:

– Старшина, остаёшься за старшего. Я в штаб. Ночью зайду, проверю, как вы здесь ночуете.

На этом суровый лейтенант покинул дом, вскоре щёлкнула железная щеколда входной калитки.

– Куда это он? – спросила Марья старшину в наступившей тишине.

– Все офицеры в сельсовете расположились, – спокойно пояснил Степаныч. – Там и штаб, и ротный командир наш, капитан Морозов, на связи с полком. Толковый мужик, дело знает.

И добавил уже крепким, но доброжелательным голосом.

– Закругляемся, хлопцы. Пять минут на перекур, в лесок на минуту, кому надо, и – отбой. Хозяйка покажет, где кому ложиться.

– А если я не курящий, Степаныч? – громко переспросил самый молоденький солдат. Марья и старшая дочка, четырнадцатилетняя Надюха, повернули головы на весёлый голос. Молодой, скуластый парень с аппетитом уплетал картошку с тушёнкой. Его светлая, кудрявая голова заметно возвышалась над соседскими. Красавчик был не только самый молодой, но и самый высокий из военных постояльцев.

– А не куришь, Витя, бегом в лесок и сразу в сарай, там справа сено лежит, на нём и устраивайся. Корова-то не бодается? – полушутя обратился он к Марье.

– А по-разному бывает, – серьёзно ответила Марья. – Зорька моя – животное разборчивая. Кто не понравится, может и рог нацелить.

– Я провожу, мама, познакомлю их с Зорькой, – неожиданно встала Надя. Ей единственной мать позволила посидеть с солдатами за ужином.

– Ишь ты, провожу..., – удивилась дочкиному порыву Марья. – Ладно, проводи. Только не одна. Валентина, слезай с печки, ступай с сестрой. Зорьку загоните в загородку, сенца ей подбросьте. И обе – сразу обратно.

Высокий блондин с девчонками вышли из дома.

Следом и Степаныч с остальными бойцами двинулись на перекур. Марья начала прибирать со стола. Через минуту Степаныч, вдруг, вернулся.

– Ты что-то быстро, Степаныч, – уже по-свойски обратилась к нему Марья.

– Дык, что-то на таком воздухе и курить расхотелось... Хорошо у вас тут дышится, сухой воздух, здоровый. Куда лучше, чем под моим Ленинградом. Там у нас дожди неделями поливают, – охотно поддержал разговор Степаныч. – Хлопцам я дал ещё десять минут на подготовку ко сну. А сам, видишь, к тебе...

Марья бросила возиться с посудой, присела на лавку.

– Там у тебя и семья осталась?

– Семьи нет, Марья.

– Что так? Такой видный мужик...

– Да как-то не повезло с вашим женским полом, Марья. Одна из армии не дождалась. Со второй, вроде, сошлись, пожили три года – детей почему-то не получалось. А в прошлом году поехала моя Зинаида на курорт отдохнуть, да и не вернулась. Письмо прислала: «Прости, Сережа, встретила я тут мужчину своей мечты... врать тебе не хочу...». И на Урал с этим Георгием укатила. У тебя-то всё хорошо с мужем?

– Всяко бывало, – не сразу ответила Марья. – Он меня совсем девчонкой взял, тоже три года детей не было, хотела уже уходить от него к родителям... Вдруг – Надя постучалась... Потом, видишь, ещё три дочки родились...

Дверь в сенях заскрипела, и в кухню вошёл ефрейтор Гусев.

Старшина поднялся и вышел подышать «пару минут», попросив Марью указать солдатам места для ночлега. Рано утром лейтенант пришёл хмурый и озабоченный. Завтракали молча. После завтрака по его приказу солдаты во главе со Степанычем готовили пушку к бою. Командир роты приказал быть в полной боевой готовности к десяти утра.

Немцы, по данным разведки, подошли совсем близко и готовились к решающему наступлению на Москву именно на их участке.

Бой начался ближе к обеду. Со стороны северо-запада посыпались снаряды и мины. Лейтенант приказал развернуть пушку в сторону врага и открыть ответный огонь.

Послышались пушечные выстрелы других расчётов из соседних дворов. Громче всех ухала самая большая пушка, стоявшая во дворе сельсовета, где базировался командир роты. Марья увела всех дочек в подполье, строго наказала сидеть там, пока не стихнут выстрелы. Сама стала подниматься на поверхность.

Надя дёрнулась следом:

– Я с тобой, мама.

– Ещё не хватало! – резко тормознула девичий порыв Марья. – Сиди здесь, за сестрёнками смотри. Катюха, вон, уже реветь приготовилась.

Во дворе вовсю шла боевая работа. Солдаты подтаскивали снаряды, быстро перезаряжали пушку. Степаныч по наводкам лейтенанта мастерски устанавливал прицел и стрелял по команде: «Огонь».

После нескольких выстрелов пушка на откатах совсем прижалась к дому, и при очередной отдаче фундамент начал сильно вздрагивать, а весь старый дом – сотрясаться и скрипеть. Испугавшись: старый дом, того и гляди, развалится, женщина подбежала к лейтенанту.

– Командир... Василий! Вишь, что с домом делается, откати пушку, прикажи своим...

– Некогда, Марья, уйди! Фашист уже рядом, – крикнул лейтенант между боевыми командами.

Через два выстрела Марья сильно запричитала, ухватив Василия за руку:

– Ты посмотри, совсем шатается... Прекрати стрелять! Там у меня дети в подполе сидят.

– Отойди, тётка, не мешай работать.

С этими словами лейтенант в боевом кураже сильно оттолкнул хозяйку двора от дома. Марья полетела и упала на огород.

Стрельба продолжалась с возрастающей частотой, дом сотрясался все сильнее.

И Марья не выдержала. Сидя на земле, она громко завывала.

– Что же вы делаете, сволочи...И это – наши бойцы... Красная армия... защитники... Да вы же... вы же хуже фашистов!..

Последняя фраза пришлась на паузу между выстрелами, и лейтенант её хорошо услышал.

Когда бой закончился, лейтенант с белым лицом и сжатыми в нитку губами подошёл к Марье.

– Ты что сказала, тётка!.. Как посмела сравнивать нас с фашистами... Мы, значит, даже хуже... Что ты знаешь про фашистов, гадина?... Отвечай, когда тебя боевой офицер Красной Армии спрашивает. Кто тебя так настроил? Немецкие разведчики приходили?

– Нет. Никто не приходил.

– Сама, значит, нас ниже фашистов поставила?

– Они листовки сбрасывали... Там про дома... Что они не трогают, никакого вреда... А вы вон чего...

– Ясно.

Голос лейтенанта из гневного и громкого стал холодным и беспощадным.

– Вставай, вражина, сейчас за всё ответишь... Старшина, помоги!

Степаныч подошёл, помог женщине подняться.

– Веди её к забору!

Степаныч отвёл Марью к изгороди. Оглянулся.

Лейтенант медленно приближался, расстёгивая кобуру, и подошёл уже с пистолетом в руке.

– По законам военного времени... За оскорбление доблестных бойцов Красной Армии... за измену Родине под влиянием фашистской пропаганды жительница деревни Машкино Мария Васильевна Герасимова приговаривается к расстрелу.

Провозгласив приговор, лейтенант, оглянулся.

Солдаты в растерянности стояли около дома.

– Походите ближе, бойцы, – уже не приказным, а приглашающим тоном скомандовал командир.

Солдаты подошли. Степаныч высунулся за изгородь и смотрел куда-то вдаль.

– Старшина! Ты чего там... куда смотришь?

– Кажется, Морозов идёт, – громко известил Степаныч.

Командир опустил пистолет, подошёл к забору, встал рядом.

– Где ты видишь командира?

– Да вон фигура военная шагает?

Лейтенант поднял свободной рукой бинокль, висевший на груди.

– Это не Морозов... старлей Погодаев... В штаб направился.

– Заседать видно... Поди, и тебя Морозов ждёт.

– Успею.

Лейтенант опять встал перед Марьей с пистолетом в руке.

– Бойцы! Слышали приговор? Все согласны?

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться, – подал голос высокий блондин.

– Слушаю тебя, Виктор Дятлов.

– У неё же дочери в подполе... как же они без матери...

– Ничего, не пропадут. Добрые люди помогут. Лучше без такой матери-предательницы... Старшая уже невеста, замуж скоро выйдет, мужик в доме появится. Все ясно?.. Тебе ясно, рядовой Дятлов? – повысил голос лейтенант.

– Никак нет, товарищ лейтенант. Я не согласен. Марья Герасимова – никакой не враг.

– Что-о? Смотри, какой защитник, выявился. Мы с тобой позже разберемся, Дятлов. Кто ещё не согласен?

– Не дело ты затеял, командир, – спокойно и громко сказал старшина.

– Степаныч! – ахнул лейтенант, – и ты туда же. Пособницу фашистов жалеешь?

– Какая она пособница, лейтенант. – Одна тянет и дочек, и хозяйство, и корову... Нас накормила до отвала.

С минуту во дворе старого дома в подмосковной деревне Машкино стояла мёртвая тишина.

– Ладно, – махнул рукой лейтенант. – Скажи спасибо защитникам, Марья, аж двое заступились. Степаныча я уважаю.

Он сунул пистолет в кобуру, застегнул кнопку.

– Приготовиться к отходу. Приказано через час после боя выдвигаться. К вечеру сюда зайдут фашисты. Никаких продуктов не оставлять. Картошку в сарае залить соляжкой. Всю. Не хватало ещё фрицев кормить. Вернусь через полчаса, проверю.

Солдаты без всякого энтузиазма исполнили приказ лейтенанта. Степаныч, однако, насыпал большую сумку, отнёс её в подпол и умело замаскировал кормилицу в дальнем углу. Когда пушку выкатили, и лейтенант вывел весь взвод за ворота, Степаныч вдруг остановился.

– Извини, командир, я в избе кисет забыл, разреши сбегать.

– Давай быстро.

– А я в сарае записную книжку выронил, товарищ лейтенант, когда ночевал. Я быстрее Степаныча.

Не дожидаясь разрешения, Виктор рванул к сараю. Скрылся. За ним тут же метнулась стоявшая неподалёку Надя.

В доме старшина подошёл к Марье. Она обняла старшину, прижалась, заплакала:

– Спас ты меня, Серёжа... Мне бы такого мужа...

– Вот что, Марья... Если выживу, приду сюда. Вдруг твоего Ивана убьют, я с тобой останусь.

– Приди, милый. Если останусь одна, ждать буду...

В сарае Надя припала к Виктору. Парень быстро и сильно поцеловал девушку. Она охнула, слегка задохнувшись, от первого в жизни мужского поцелуя.

Потом зазвучал нежный девичий голосок, показавшийся кудрявому блондину главной боевой наградой:

– Я тебя буду ждать, Витя, после войны. Придёшь ко мне?

– Обязательно, Надюха. Только дождись. Ты такая красивая!..

Ни Степаныч, ни Виктор после войны не пришли. Возможно, остались в близких полях подо Ржевом... а, возможно – дошли почти до самого Берлина...

Смертельных боев на четырёхлетнем пути до Победы в мае 45-го было слишком много.

Сходня прифронтовая

Лариса Анатольевна Рудакова
краевед

30 сентября 1941 года немецко-фашистские войска предприняли генеральное наступление на Москву. Несмотря на то, что была организована оборона Москвы на дальних подступах, на Калининском направлении пали Клин и Солнечногорск.

Немецкие войска подошли к Крюкову. Дачный посёлок Сходня стал прифронтовым.

Враг был близко, Сходню обстреливали с самолётов, сбрасывали фугасные бомбы, была объявлена принудительная эвакуация.

В домашнем архиве жительницы Сходни Раисы Васильевны Гусаревой обнаружен дневник тех страшных дней. Раиса Васильевна и её семья поселились на Сходне в 1914 году, купив земельный участок у душеприказчиков Х.С. Леденцова, владевшего сходненскими землями, и построили дом. Муж Раисы Васильевны умер в 1940 году, и Раиса Васильевна проживала с сыном, преподавателем английского языка Николаем Гусаревым, и племянниками Анатолием и Валентиной Андреевыми.

В ноябре 1941 года, по призыву ЦК ВЛКСМ, Николай и Анатолий ушли добровольцами на защиту Москвы на дальних подступах. О том, что пришлось пережить оставшимся в своих домах жителям, Раиса Васильевна написала на листках старого настольного календаря для сына Коли в надежде: он останется жив и возвратится в родной дом. Но сын не вернулся...

Племянник Раисы Васильевны, Анатолий Андреев (мой отец), обнаружил её записки и отнёс их в редакцию химкинской газеты «Вперёд», где они частично опубликованы 16 ноября 1991 года, когда страна отмечала 50-летие разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

Думаю, и сейчас, когда отмечается 80-летие этой даты, не лишне вспомнить и прочувствовать события тех страшных дней из уст свидетеля событий.

Страницы из дневника Раисы Васильевны Гусарёвой*Записки Р. В. Гусарёвой, октябрь 1941 – январь 1942 г.г.*

18 октября. Положение тревожное. Через Сходню идёт большое войско из-под Можайска. Очень много добровольцев, которые ходят по домам и просят хлеба, денег, одежды. Они измучены и голодны, публика плачет, глядя на них.

19 октября. Войска много-много. Было то, что и вчера.

20 октября. Введено осадное положение. С 4 часов до 4 часов 30 минут стреляли зенитки. Ночь прошла спокойно.

31 октября. В девять часов утра над нашим домом бреющим полётом пролетел немецкий самолет, который навёл на нас ужас. Он обстрелял из пулемёта отошедший от платформы пассажирский поезд. Поезд был переполнен, люди ехали даже на крышах вагонов. Есть убитые и раненые. В 13.30 была объявлена воздушная тревога. Неподалёку продолжительное время шёл воздушный бой.

3 ноября. Кокочку назначили на 5 ноября к 9 часам в военкомат с вещами. Толю назначили на 4 ноября в распоряжение Стройтрестобороны. Валя завтра идёт к 9 часам с лопатой в распоряжение военной обороны, как сказали, на 10 дней в Черкизово.

14 - 17 ноября. Тревога днём и ночью.

18 ноября. Весь день с раннего утра очень беспокойно. В Саврасове сброшены фугасные бомбы.

21 ноября. (8-е по ст. стилю). Михайлов день. Разговоры жуткие. Горят Клин, Решетниково, Высоковская. Поезда идут только до Крюкова.

22 ноября. Валя с сестрой Натой ходили пешком в Химки за хлебом, но не получили.

23 ноября. Настроение у всех подавленное. Только и разговору всюду о десанте в Подсолнечном, который высадили вчера вечером. Всё время слышится стрельба из дальноточных орудий и пулемётная стрельба.

24 ноября. Встала в 4 часа утра, собралась в Москву, но попасть на поезд не удалось. Все вагоны и крыши поезда увешаны людским виноградом. Люди бегут со Сходни и из других мест.

25 ноября. Рождественский пост. Поезда идут только до Сходни. Много войска. Ночевали по дачам. Целый день летали наши самолёты по случаю передвижения войска. Ночь спали спокойно.

26 ноября. С 9 часов началось ужасное. Дом дрожал, крыша трещала... Сброшено много фугасных бомб. В Чёрной Грязи, Кирилловке, Черкизове есть человеческие жертвы

15 ноября – 5 декабря

В ночь с 29 по 30 ноября на станцию Сходня прибыли первые эшелоны 354-й стрелковой дивизии (командир-полковник Д.Ф. Алексеев). Командующий 16-й армией генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский поставил 354-й дивизии первую для нее задачу: занять оборону на рубеже Пикино-Назарьево и не допустить прорыва противника вдоль Ленинградского шоссе.

1 декабря 1941 г. В 13 часов 00 минут 354-я стрелковая дивизия силами двух полков после пятиминутного огневого налета перешла в контратаку.

и разрушения жилищ. С семи часов вечера тихо. С двух часов ночи и до рассвета страшная орудейная пальба вокруг Сходни. Электричество закончилось совсем 25 ноября.

27 ноября. Целый день пальба из орудий, пулемётов. Летали самолёты. Говорят – немцы в Верескино, в Чашникове, то есть в 10-12 верстах от нас. Все в ужасе, говорят – идут финны. Весь вечер стрельба продолжается. Третий раз брали обед из столовой, пустой гороховый суп. Голодаем уже 10 дней. С 22-го молоко на рынке

не появляется. Всю ночь не смолкала стрельба. Сберегательная касса и почта выехали. Итак, мы отрезаны от всего мира.

28 ноября. Опять ужас целый день. В девять утра была сброшена фугаска на участок Богословских. В 2 часа 30 минут была сброшена фугаска на нашей станции. Разгромлена платформа. Есть жертвы. Дом наш так затрясся, что я со страху выбежала в погреб раздетая. И тут же был над нами воздушный бой. Через час – второй. Через полчаса – третий. Около нашего угла остановилась машина с военными, они наблюдали за самолётами, потом уехали. Дружок очень перепуган и не отходит от нас, всё время в сених. С шести вечера наступило затишье. В 8 часов пришла Ната, и мы пошли к пруду, в лесничество, за случайным мясом. Началась сильная орудийная стрельба по Ленинградскому шоссе. По дороге встретились нам беженцы из Крюкова – идут пешком до Москвы, у всех дети на руках и в саночках. Очень тяжёлая картина, Ната разрыдалась, глядя на плачущих детей. Домой вернулись в девять часов и вновь пошли с Валею. Вернулись к десяти часам. Погода чудесная, светит молодая луна, падает снежок. На улице всё вымерло. Сейчас уже 12 часов, думаю лечь спать, очень устала от пережитого днем. Где мой Колюшечка? Если жив, то очень волнуется за нас. Орудийная пальба продолжалась всю ночь. Спали плохо.

29 ноября. День и вечер орудийная пальба. Отступают войска от Крюкова. Горит вокзал в Крюкове. Враг находится в Пояркове, Владыкине и Алабушеве. Слухами пользуемся только от беженцев. В 5 часов вечера была ужасная орудийная пальба, меня застала на участке Коновых. Пришлось лежать на снегу минут десять. Ходила смотреть разрушенный дом Лидии Петровны. Бомба упала во время обеда, чудом они спаслись от неминуемой смерти. Ещё дом разрушен за переездом. Сброшено всего на Сходню 18 фугасных бомб. Сельпо распустило своих сотрудников и окончило своё существование. Люди в отчаянии: куда деваться, куда бежать? Где мой Колюшка? Теперь мне не получить от него весточки. Чувствую себя нездоровой. Всю ночь артиллерийская стрельба.

30 ноября. Всё утро артиллерийская и пулеметная стрельба. В 12 часов дня на нашу улицу и Ленинскую сброшено много немецких листовок, почти над каждым участком. И после этого до самой темноты шёл воздушный бой над Сходней. Это был ад. Мы почти всё время просидели в погребе. Несмотря на сильные сотрясения, в доме всё цело, а в сторожке выбило один лист в окне. Страху было много. Весь вечер стрельба из орудий, поставленных в Сходне. Всё вокруг Сходни объято пожаром, горят окрестности. Через линию по мосту никого не пускала военная охрана. Переживаем самые тяжёлые минуты. В 10 часов вечера прошли военные обозы, гнали скот.

1 декабря. Все утро орудийная пальба. В 1 час дня были сброшены фугаски. Дом затрещал, печка задрожала. Я была одна, всё время молилась Богу, и Господь услышал мою мольбу – у нас всё благополучно. Ходила за пшеницей в очередь. Стояла в очереди за продовольственной карточкой. Валя ходила на Гучковку за картошкой. У нас были днём и вечером красноармейцы с кухней. Набирали для обеда воды из колодца. Вчера было сброшено много фугасных бомб, много разрушений, много человеческих жертв. До сих пор трупы не убраны. Сегодня бомба попала в аптеку, которая, к счастью, выехала раньше. Всюду чувствуется жестокая война. Хаос. Платформы взорваны. Валяется военное имущество. В поссовете стёкла выбиты. Клубные вещи валяются около бывшей церкви, мебель растаскивается. Полная растерянность, и нет руководителя. Всю ночь напролёт орудийная стрельба.

2 декабря. В 8 часов 30 минут начались сильные действия авиации, самолёты летали с шумом в большом количестве. Валя ушла на Гучковку за картошкой, пришла домой в 11 часов: картошки не дали никому. Мы сели завтракать. Не успели рта раскрыть, как поднялся ад. К нам на стол посыпался ураганный стеклянный дождь, перемешанный с землей. Мы, обезумевшие, бросились к печам, чтобы между ними спастись. Дверь в коридор оказалась раскрытой, и я увидела, как мелкий стеклянный дождь, перемешанный с землей, ввалился с молниеносной быстротой в комнату. Было темно, несмотря

на то, что день был солнечный, морозный (вообще, день был лётный, Валя, встав поутру, меня об этом предупредила). Мы хотели было выбежать во двор с чёрного хода, но, увы: путь преграждён, хоть двери все открыты и стекла выбиты. Начался ураганный обстрел нашего входа пулеметным огнем. Валя крикнула: «Опасно! Ложитесь! Нас обстреливают из пулемёта!» Мы, обнявшись, легли на пороге около водопроводного бака. Мгновенно всё кончилось. Не растерявшись, мы сию же минуту поднялись и стали осматривать - что же случилось? Оказалось, около нашей веранды, с южной стороны, была сброшена фугаска, которая изуродовала нашу милую террасу, вывернула балясник и испортила нижнюю основу террасы, весь потолок. Все стекла в окнах, как зимние, так и летние, выбиты, уцелели лишь в кладовых, посуда с полок побилась. В сараях замки выскочили вместе с их креплениями, выбиты стекла, стены пробиты осколками бомбы. Сейчас 11 часов вечера. Дружка нет во дворе, куда он девался – неизвестно. Он так боялся бомбёжек, да жив ли он?

Когда мы опомнились, я пошла к Ванечке, и по дороге мне представились ужасные разрушения в соседних дачах, где с корнем выворочены деревья, провода валяются на земле. У Анастасии Ефимовны Ефимовой такие же разрушения, и у Веры Петровны, у Волнухиных сильно ранена Верочка. У Васильевых, Мелентьевых, Батуриных, Буш, Рыжковых – у всех разрушения. У Богословских бомбой убит 14-летний мальчик, который пилил дрова, неизвестно чей. Дай Бог здоровья Ванечке, он нам очень помог забить окно в моей комнате досками, которые взяли из стен сторожки. В 10 часов вечера мы с Валюшей только первый раз покушали и попили чаю. Она уже спит сладким сном. Температура у нас, слава Богу, 2 градуса тепла. Печь вытопили хорошо, но отовсюду дует. За помощью обратиться не к кому. Всё начальство разъехалось, защитить нас некому. Я пошла в милицию, но там никого нет и стекла выбиты. Сегодня карточки выданы, а магазины закрыты, и хлеба нет. Где мой милый мальчик? Да здоров ли, да жив ли он? Теперь мы долго не узнаем...

Рис. 1. Дом Гусаревых после бомбежки,
фото 1942 года

3 декабря. (20-е ноября по ст. стилю). День Ангела Толечки Талдыкина, моего крестника. Всю ночь не спала. Очень холодно. Орудийная стрельба во главе с «Марьей Ивановной» не прекращалась всю ночь. Летали самолёты. Стреляли из пулеметов, но слабо. Чувствую себя скверно. Вся надорванная и больная. «Архитектурный» Коля осматривал разрушения. Милый Ванечка утеплил нам окна. Приходили два командира, просили освободить комнату сына Коли, но больше не появлялись, вероятно, испугались холода. Мои

соседи уехали из своих домов. Жить в них нельзя. Я же буду жить на кухне. Сейчас вытопили хорошо. Но где брать дрова? Получили 24 кило ржи за 55 рублей. Выдали случайно, конечно, досталось немногим. Такого ужаса, какой выпал вчера на мою долю, я не видела и не переживала никогда за всю мою жизнь. Какая несправедливая война, как страдают ни в чём не повинные люди!

4 декабря. Введение. Весь день и всю ночь не смолкала орудийная пальба. Ночью летали немцы. Очень много было разговоров об эвакуации Сходни. Всю ночь не спала. У нас очень холодно.

5 декабря. Целый день летали самолеты, орудийная пальба. С Введения и до сих пор стоят небывалые в это время морозы, которые напоминают Рождественские.

6 декабря. Всю ночь, весь день – орудийная пальба. Говорят, что немцы в Хлебникове, в Красной Поляне, Пояркове, Владычине. От Крюкова отогнали – ушли в Поварово. Все мы, жители посёлка, мучаемся – куда бежать? Все партийные и начальники уехали уже давно. Ночь на 6-е спала. Сброшено на Сходню 4 фугаски.

7 декабря. Мчн. Екатерины. Всю ночь не спали от сильной стрельбы из орудий. Снаряды со свистом пролетали около нашего окна. Было жутко. Весь день шли орудийная пальба и воздушный бой. Вчера в 2 часа дня были сброшены фугаски на бронепоезд, на лыжную станцию. Занята Лобня. Жителям предложено в 2-х дневный срок покинуть жилища. Волнения в посёлке большие. Все мы не знаем, куда деваться от страха. Сидела днем в убежище у соседей. С утра сидели с Валею у себя в погребе. Очень многие переехали в Москву.

8 декабря. Встретила очень много раненых. Они очень измучены, ранения получила и 12 верстах от Сходни при селе Матушкино. Воспользовалась нелётным днём и прошла на станцию, где увидела ужасы разрушения станции со всеми её постройками. Всё искалечено: и наш мост перекидной, и платформы, и всё на них. Милиция, сберкасса, поссовет – всё искалечено, все стекла выбиты. Иskalечены магазины, палатки. Всюду валяется военное имущество. На улицах все вымерло – идут и едут исключительно военные. Прошла к стекольному заводу, где нам начали выдавать муку. Там дачи не пострадали. Военных здесь особенно много. По дороге здесь встретила кареты Красного Креста с тяжелоранеными. Разговоры самые убийственные. Люди очень нервные. Я отношусь ко всему очень спокойно, и никаким слухам не доверяю. Вечером пальба была реже: немцев, очевидно, отогнали.

9 декабря. Пальба была очень редкая, тихо. В 11 часов дня явились два милиционера и заявили о том, что мы должны через два дня прибыть в Химки для эвакуации. Через полтора часа явились трое вооружённых винтовками, в штатском, осмотреть занимаемое нами помещение. Затем один из них, видимо, уполномоченный объясняться с гражданами, очень резко и ультимативно заявил, что я должна оставить своё помещение и завтра к 6 часам явится в Химки, где мы должны ожидать эвакуации и состава для отправки нас по назначению, нам неизвестному. По дороге к калитке он застрелил нашего дорогого и милого Дружка, который так охранял нас от злых людей. Смерть Дружка была мгновенной. Всё это происходило на глазах Коли Архитектора. Валюша второй день стоит в очереди за мукой. По возвращении из очереди она увидела мёртвую собаку, очень перепугалась и подумала, что и я убита какой-нибудь бандой. Все мы, наши соседи и те, кто знал Дружка, оплакивали его горько-горько. Сорок минут тому назад на улицах я встретила массу людей, которые метались в ужасе от насильственной эвакуации. Все собрались в поссовет и здесь из уст Орлова – заместителя председателя РИКа – услышали, что приказ об эвакуации отменён. Я вздохнула легко. В Химках же собралось много народа, замученных, голодных, заболевших, которые ожидали эшелонов. Много раненых шло с перевязочного пункта пешком из Крюкова в Никольское.

10 декабря. Говорят, что Сходня никогда ещё не была в такой безопасности, как сегодня. Врага от Крюкова отогнали, и он пошёл в обход Сходни. Сколько пережито всеми жителями, одному Всемогущему известно. Всё это я пишу для Кокочки, если он будет жив и возвратится в родной кров. Всё время живём нервами, и сердце, того гляди, разорвётся на части. Очень держу себя в руках. Не расстраиваюсь, боюсь заболеть и стеснить родных. Все мы одинаково переживаем тяжёлые испытания.

11-12 декабря. Эти два дня были очень спокойными. Враг отогнан, как говорят, к Клину. Эти две ночи мы спали. Много грабежей в дачах, оставленных владельцами. Почти все они заняты беженцами из окрестных деревень и местными жителями, лишившимися крова от бомбёжек. Сегодня в ночь спалили наш магазин с мукой. Мы до сих пор не можем

получить ни муки, ни хлеба. Вдалеке слышна стрельба.

13 декабря. Утром летали самолёты, издалика всё время слышится орудийная стрельба. Вчера был дождь, а сегодня очень большой мороз, со снегом и пронизывающим ветром. В ночь военные уехали, а сегодня к вечеру прибыло снова очень много военных с лошадьми, с имуществом на телегах, которое подвозили на платформу и грузили. Я так и не смогла пробраться к почте. Военные говорили, что мы окружаем г. Калинин. Подсолнечная в наших руках. Мы легко теперь дышим. За полгода сегодня в первый раз получили 100 г сахарного песку, и сегодня с удовольствием пили чай. Сейчас 11 часов вечера, идёт сильная пальба. Очевидно, «Марья Ивановна». Сегодня общественницы регистрировали пострадавшие дачи и вновь прибывших.

14 декабря. Вдали всё время идёт стрельба из орудий. Как говорят, на Волоколамском шоссе. Летают неприятельские самолёты. Ходила на почту, получила 2 письма от Коки и Толи Талдыкина. Немцы бегут без оглядки, как говорят, отогнаны к Калинин. Крестьяне со Сходни возвращаются в свои деревни, гонят бурёнушек обратно домой. Нам обещают открыть сельмаг, почту, восстановить электричество и радио.

15 декабря. Поезда пока не ходят. Жизнь очень плохо налаживается. Видела много разбитых дач. Догорает дача быв. Вильке, сожгли красноармейцы. Сильно натопили печи, очевидно, от бомбёжек печи попортились.

19 декабря (6 декабря по старому стилю). Николин день. Днём изредка летали немецкие самолёты и постреливали где-то вдали. Сегодня получили телеграмму и письмо от Коки. Валя пешком ходила в Химки за хлебом и опустила большое письмо Коке.

21 декабря. В 12 часов дня было сброшено несколько бомб. Говорят, разрушено здание Черногрозской больницы. Есть жертвы. Ещё бомбили Черкизово. Валя ходила в Химки за хлебом. Отовсюду идут неприятные вести.

22 декабря. Через Марию Васильевну получила известие от Коки от 14.12.41 года. Бедный мальчик не получает моих писем, очень мучается за моё здоровье и положение. В 7 часов вечера к нам постучали, назвали военными – я не открыла. В 8 часов вновь постучались – назвали милицией. Я сказала, что боюсь открывать без знакомых мне людей. Через 5-7 минут опять стук, сказали, что это Н.К.В.Д. Мы с Валею очень испугались, но всё-таки решились открыть дверь. Это была проверка документов. Все сомнения первого визита рассеялись, а мы уже решили, что этот визит был с целью убить и ограбить нас. Очень горько, что у нас нет мужчин.

23 декабря. День и ночь спокойно. Была в Химках по делу, купила хлеба, возвратилась со случайным товарным поездом. Ехали все на открытых платформах, гружённых рельсами. Доехали быстро, без остановок. На Сходню прибыло 5 тысяч бойцов. В ночь все

Рис. 2. Солдаты Красной Армии под Москвой, октябрь-декабрь 1941г.

они уехали на лыжах на фронт. Войска у нас очень много.

24-25 декабря. Послала Коке 5-е письмо. Сегодня первый раз получили хлеб на Сходне. Охрана до сих пор выставлена на всех главных проспектах. Была у Юлии Карловны. Приходили общественницы и сделали распоряжение - прочистить дорогу для проезда машин.

27 декабря. В 4 часа утра сильно стучались в дверь. Назвались военными и просили пустить в дом. Мы очень перепугались и не пустили.

30 декабря. День и ночь спокойно. Получила с трудом продовольственные карточки. Получили от Коли десятое письмо. Стоят очень сильные морозы. Снегу очень-очень много. Красота в посёлке неопиcуемая. Людей по улицам встретишь редко, ходим до темноты.

31 декабря. Постреливали зенитки. В 3 часа дня в сад вошёл красноармеец с топором, не спросив разрешения, срубил очень красивую ёлку и ушёл.

2 января 1942 года. Летали самолёты и сильно бомбили Москву. К нам приходили военные – смотрели паспорта для отправки на трудовой фронт.

5 января. У нас загорелось электричество. Мы в восторге, теперь имеем свет, который был у нас последний раз 25.11.41 г.

6 января. Спокойно, но постреливают, может быть, это учебная стрельба. Настроение тяжёлое, мрачное. Получила письмо от Кокочки, наконец-то он узнал, что мы живы.

7 января. Рождество Христово. Годовщина кончины Зиновки в 1927 году. Тоскливо. Ходила на кладбище, воспользовалась нелётным днём. Валя получила паёк и угостила меня, пила чай с монпансье. С хлебом у нас ужасно. Сегодня запись дошла до 800 человек. К нам прикрепили много деревень, а в Химках хлеб нам больше не дают.

11 января. Приходил военный и очень просил нас разместить к нам своего начальника, но, к большому огорчению, разместить его не удалось, т.к. у нас холодно.

12 января. Вчера в 6 часов вечера сгорело общежитие мебельной фабрики.

13 января. Приходили из поссовета взять помещение в порядке уплотнения, но, увидев, что здесь требуется большой ремонт, отказались взять. В посёлке много военных – они здесь на отдыхе. Встречали с Валеи Новый год. Сварили кислые щи с солёной воблой. Сейчас пьём китайский чай с монпансье «Рябинка» из пайка Вали.

14 января. Новый год по ст. стилю.

17 января. В третий раз, с большим трудом собралась в Москву. Встала в полпятого утра на поезд в 5.47, а уехала в одиннадцатом часу. В Москве на вокзале больше половины пассажиров задержала милиция, в том числе и меня. Забрали паспорта, и мы просидели в вокзальной милиции до трёх часов дня. Потом нам приказано было пройти к поезду, который отходит в 3.15 дня из Москвы. У поезда была перекличка задержанных, нам выдали паспорта и усадили в поезд. Итак, мы не имеем права поехать в Москву по личным необходимым делам. В милиции я увидела много людей плачущих, оскорблённых и угнетённых. Неимоверные человеческие страдания.

18 января. Сочельник. День спокойно. Сегодня Ванечка сбрасывал снег с крыши. Снегу никогда не бывало так много.

19 января. Крещение. Спокойно.

20 января. Иоанн Креститель. Спокойно. Тишина абсолютная. Военные все уехали. Патрули попадаютсЯ редко. Вообще на улице жизнь замерла.

22 января. В 4 часа к нам явились 6 красноармейцев осмотреть наше жилище. Ушли, но потом вернулись и просили меня их оставить. Они были очень голодны и измучены. Прошли 27 вёрст и очень прозябли. Мы истопили плитку, нагрели кипятку и напоили их. Ужина им не досталось, и они легли спать голодные. Ночь была беспокойная, к ним всю ночь приходили. Я не спала и простудилась. Легли все на голом полу, одному места на полу не хватило, и его у нас забрали. В 12 часов следующего дня их от нас забрали, потому что невыносимо тесно. После всего виденного я целый день плакала, т.к. мой разбомблённый угол для них был раем. Люди очень хорошие.

24 января. Была у красноармейцев. Вечером они были у нас, пили чай. Мы подружались.

26 января. Получили первое пособие за два месяца. Оплакиваю горько Колюшку, вот уже месяц как я ничего не знаю о нём. Жив ли он?

27 января. Спокойно. Стоят очень сильные морозы. Во всё время я насмотрелась и наслушалась, как тяжело в армии нашим деткам, и очень, очень оплакиваю всех их.

На этом записки Раисы Васильевны прерываются. Читая их, слышишь не официальные сводки новостей, а живой голос свидетеля страшных военных событий, которые происходили здесь, на нашей любимой Сходне.

Страшным ударом стала для Раисы Васильевны потеря единственного горячо любимого сына. Красноармеец 99-го стрелкового полка Николай Гусарев пропал без вести в апреле 1942 года. Эта рана кровоточила до конца её жизни. Несмотря ни на что, она надеялась... Ведь «пропал без вести» – это не «убит». В начале 50-х годов Раиса Васильевна ходила к проживавшей в это время на Сходне старице Матроне. Она хотела узнать только одно – о том, что было её болью, её пожизненным страданием, о Колюшке...

Здесь приведён рассказ об одной семье, о женщине, потерявшей единственного сына... А сколько таких переломанных судеб и оборвавшихся жизней принесли на нашу землю вторгшиеся варварские немецко-фашистские орды! Не забудем же ту боль и те страдания, которые перенесли наши родные, и не позволим нашим детям забыть о пролитой их предками крови!

Рис. 3, Танк-памятник защитникам Москвы на Сходне.

Химкинский район в 1941 году

Ольга Кирьянова

член Химкинского краеведческого общества

Каким был наш Химкинский район в годы войны? Какие населённые пункты в него входили? С какими районами он граничил?

В 1939 году рабочий посёлок Химки Красногорского района Московской области преобразовали в город Химки Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 марта 1939 года.

И уже в следующем году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июля 1940 года в Московской области был образован новый, Химкинский район – с центром в городе Химки. В состав вошли:

– город Химки, рабочие посёлки Краснооктябрьский, Никольский, сельские советы: Аксиньинский, Бусиновский, Куркинский, Ново-Лужинский, Ново-Ховринский, Петровско-Лобановский, Химкинский и Юрловский, выделенные из Красногорского района, а также:

– рабочие посёлки Сходня, Крюково, сельские советы: Алабушевский, Андреевский, Бреховский, Горетовский, Кутузовский, Молжаниновский, Подолинский, Ржавский, Усковский, Черкизовский, Черногряжский, Филинский и Фирсановский, выделенные из Солнечногорского района.

В результате появился район, в состав которого на 1 апреля 1941 года входили:

– город Химки;
– 4 рабочих посёлка - Краснооктябрьский, Никольский, Сходня, Крюково;
– 21 сельский совет - Алабушевский, Аксиньинский, Андреевский, Бусиновский, Бреховский, Горетовский, Куркинский, Кутузовский, Молжаниновский, Ново-Лужинский, Ново-Ховринский дп, Петровско-Лобановский, Подолинский, Ржавский, Усковский, Филинский, Фирсановский дп, Химкинский, Черкизовский, Черногряжский и Юрловский.

Эти сведения можно прочесть в справочнике «РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1941 года». Хотелось бы увидеть административную карту Московской области 1941 года, но найти её пока не удалось.

Есть административная карта Московской области 1947 года и справочник «РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1948 года». Данные по Химкинскому району, приведённые в справочниках, полностью совпадают. В 1947 году Химкинский район сохранялся в тех же границах, в каких он был в 1941 году.

Выделим отдельно Химкинский район и рассмотрим внимательно его границы. Район протянулся по направлению линии Октябрьской железной дороги на северо-запад от Москвы.

На территории района находились железнодорожные станции: «Ховрино», «Химки», «Сходня», «Крюково» и пять платформ: «Левобережье», «Планерная», «Подрезково», «Фирсановка», «Алабушево». Территория Химкинского района составляла 386 квадратных километров с населением 118 тысяч человек (платформа «Малино» появилась в 1964 году, платформа «Новоподрезково» – в 1958 году).

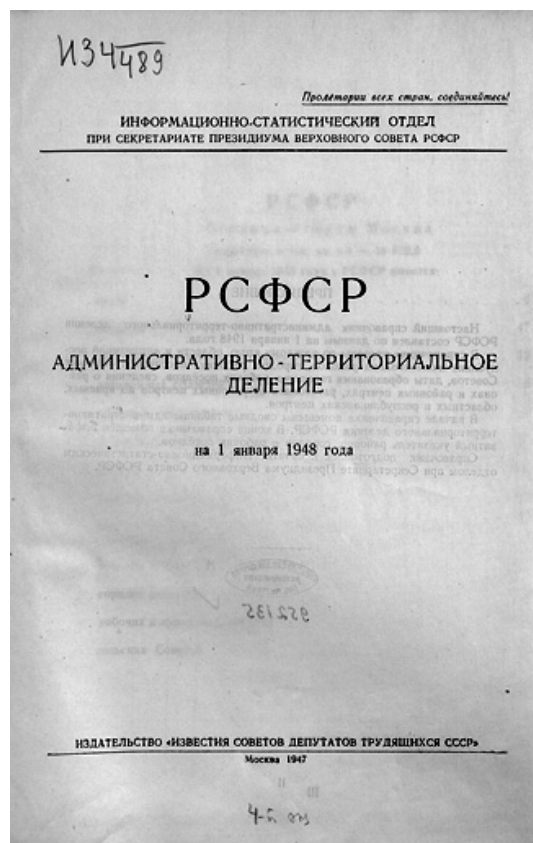

Рис. 1. Для примера приведены страницы из справочника за 1948 г. [3]

Города районного подчинения						
№ п/п	Наименование города	Дата образования	Адм. значение	В какой район входит	Наименование ближайшей ж.-д. станции	Расстояние до неё в км
1	Бабунки	1925 год	—	Митишинский	Лосиностр.-ский	Яр —
2	Балашиха	1939 »	рп	Балашихинский	Балашиха	М-Кур 13
3	Бронницы	1781 »	рп	Бронницкий	Бронницы	М-Ряз 27
4	Берея	1281 »	рп	Березинский	Дорохово	Зал —
5	Воскобойск	1159 »	рп	Воскобойский	Воскобойск	Калин —
6	Воскресенск	1938 »	рп	Воскресенский	Воскресенск	М-Ряз —
7	Высоковский	1940 »	рп	Высоковский	Высоковский	Окт —
8	Дедовск	1940 »	рп	Истринский	Гучково	Калин —
9	Дмитров	1154 »	рп	Дмитровский	Дмитров	Яр —
10	Домодеово	1947 »	рп	Палодский	Домодеово	М-Домб —
11	Довской	1939 »	рп	Довской	Войков. Дов.-ской	М-Домб —
12	Дрезна	1940 »	—	Орехово-Зуевский	Дрезна	М-Кур 2
13	Жуковский	1947 »	—	Рязанский	Крытово	М-Ряз —
14	Зарайск	1221 »	рп	Зарайский	Зарайск	М-Ряз 3
15	Звенигород	1328 »	рп	Звенигородский	Звенигород	Яр 8
16	Истринская	1938 »	—	Пущинский	Пущино	Яр —
17	Истра	1781 »	рп	Истринский	Истра	Калин 3
18	Калужская	1932 »	рп	Калужский	Калужа	М-Домб —
19	Калининград	1938 »	рп	Митишинский	Подолинский	Яр —
20	Клиппа	1356 »	рп	Подолинский	Клиппа	М-Кур 2
21	Климовск	1940 »	рп	Подолинский	Клиппа	М-Кур 2
22	Клязьма	1318 »	рп	Клязьминский	Клязьма	Окт —
23	Костинский	1940 »	рп	Митишинский	Болшево	Яр 1
24	Красноармейск	1947 »	рп	Пущинский	Соборино	Яр —
25	Красногорский	1940 »	рп	Красногорский	Павлово	Калин 15
26	Краснознаменск	1940 »	рп	Загорский	Загорск	Яр —
27	Кунцево	1925 »	рп	Кунцевский	Кунцево	Зал —
28	Лыково-Дуново	1937 »	рп	Орехово-Зуевский	Лыково	М-Ряз —
29	Люберцы	1925 »	рп	Угловский	Люберцы	Яр —
30	Малоярославский	1221 »	рп	Малоярославский	Малоярославск	Зал —
31	Матвеевский	1925 »	рп	Митишинский	Матвеевский	Яр —
32	Наро-Фоминский	1926 »	рп	Наро-Фоминский	Наро	М-Кур —
33	Озеры	1925 »	рп	Пущинский	Озеры	М-Ряз —
34	Пущино	1925 »	рп	Пущинский	Пущино	М-Ряз —
35	Раманское	1926 »	рп	Раманский	Раманское	М-Ряз —
36	Регулово	1940 »	рп	Балашихинский	Регулово	М-Кур —
37	Рязань	1940 »	рп	Рязанский	Черусти	Кал —
38	Солнечногорский	1938 »	рп	Солнечногорский	Подолинский	Окт —
39	Талдом	1925 »	рп	Талдомский	Талдом	Яр —
40	Химки	1939 »	рп	Химкинский	Химки	Окт —
41	Шелехово	1925 »	рп	Шелеховский	Шелехово	Яр —
42	Шурово	1947 »	—	Колоновский	Шурово	М-Ряз —
43	Заекторгорск	1946 »	—	Павлово-Посадский	Ногинск	М-Кур 14
44	Яхрома	1940 »	—	Дмитровский	Яхрома	Яр —

217

Рабочие посёлки						
№ п/п	Наименование рабочего посёлка	Дата образования	Адм. значение	В какой район входит	Наименование ближайшей ж.-д. станции	Расстояние до неё в км
29	Краснооктябрьский	1928 »	—	Химкинский	Хорошино	Окт —
30	Красный Строитель	1946 »	—	Ленинский	Красный Строитель	М-Кур 10
31	Красный Текуч	1935 »	—	Егорьевский	Егорьевск	М-Ряз —
32	Курское	1938 »	—	Химкинский	Курское	Окт —
33	Куровское	1931 »	рп	Куровский	Куровская	М-Кур —
34	Кучино	1935 »	—	Балашихинский	Кучино	М-Кур —
35	Ленино	1939 »	рп	Ленинский	Царицыно-Дачное	Яр —
36	Лобня	1947 »	—	Красно-Полянский	Лобня	Яр —
37	Лосино-Петровский	1928 »	—	Щелковский	Мошино	Яр —
38	Лыткарино	1938 »	—	Угловский	Люберцы	М-Ряз 4
39	Минеральный	1928 »	—	Крылатинский	Крылатово	Кал 18
40	Монино	1946 »	—	Ногинский	Монино	Яр —
41	Музатово	1943 »	—	Загорский	Загорск	Яр 30
42	Нахабино	1938 »	—	Истринский	Нахабино	Калин —
43	Никольский	1938 »	—	Химкинский	Химки	Окт 3
44	Новобратевский	1928 »	—	Красногорский	Тучино	Калин 43
218						
59	Сталинский	1928 »	—	Митишинский	Болшево	Яр —
60	Старая Купавна	1931 »	—	Ногинский	Купавна	М-Кур 10
61	Сходня	1938 »	—	Химкинский	Сходня	Окт —
62	Текстильщики	1928 »	—	Митишинский	Тарасовская	Яр 2

Химкинский район

1. Аксиньинский
2. Алабушевский
3. Алабушевский
4. Бреховский
5. Бусиновский
6. Горетовский
7. Куркинский
8. Кутузовский
9. Молжаниновский
10. Ново-Лужинский
11. Ново-Ховринский дп
12. Петровско-Лобановский
13. Подольский
14. Ржавский
15. Усковский
16. Филинский
17. Фирсановский дп
18. Химкинский
19. Черкизовский
20. Черногряжский
21. Юрловский

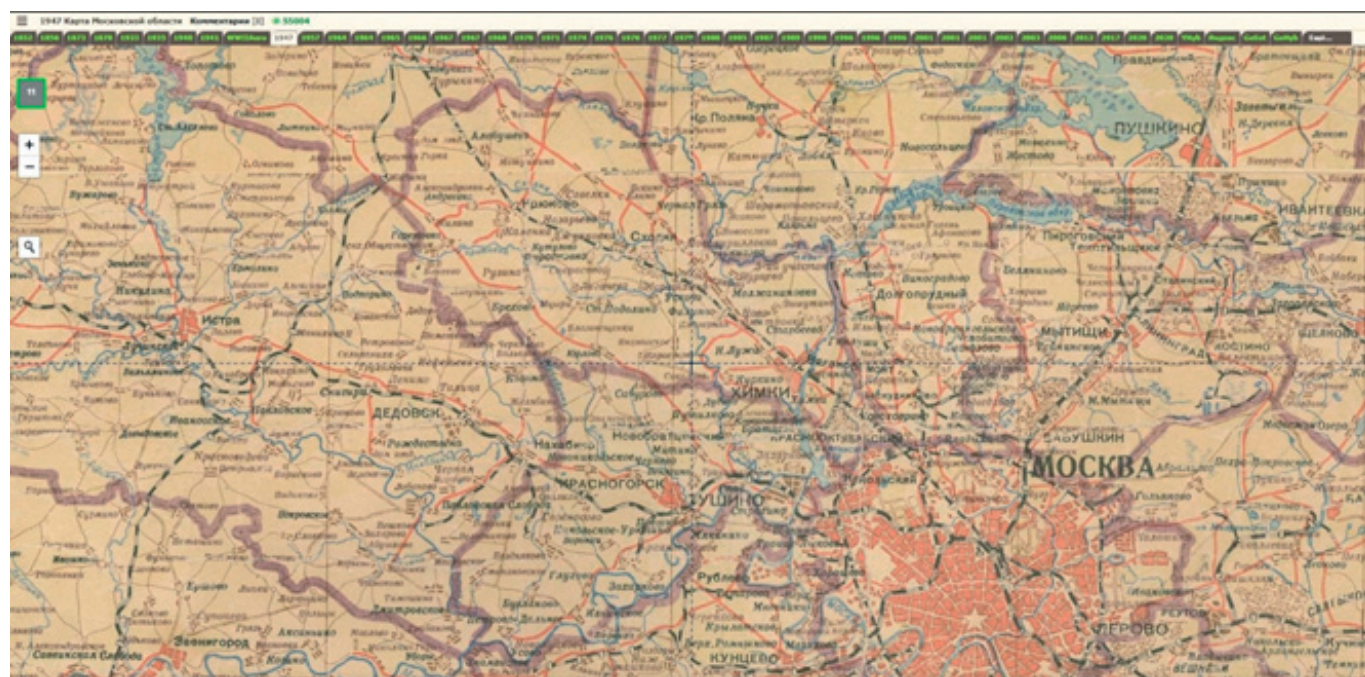

Рис. 2. Перед нами фрагмент карты 1947 года с сайта retromap.ru.

Границы Химкинского района в 1941 году можно описать следующим образом. По линии Октябрьской железной дороги граница проходила между станциями «Алабушево» и «Поваровка», далее она шла на восток, пресекала Ленинградское шоссе южнее Дурыкино, обходила Чашниково с севера до реки Клязьмы.

Далее шла по реке Клязьма, обходила Поярково с запада, затем – опять вдоль реки до Клязьминского водохранилища. Затем шла по руслу канала, обходила Гнилуши с запада и далее вдоль Рогачёвского шоссе до его пересечения с Окружной железной дорогой в районе станции «Лихоборы». Обходила Лихоборы с севера и шла на запад до пересечения с Ленинградским шоссе в районе Войковского чугунолитейного завода.

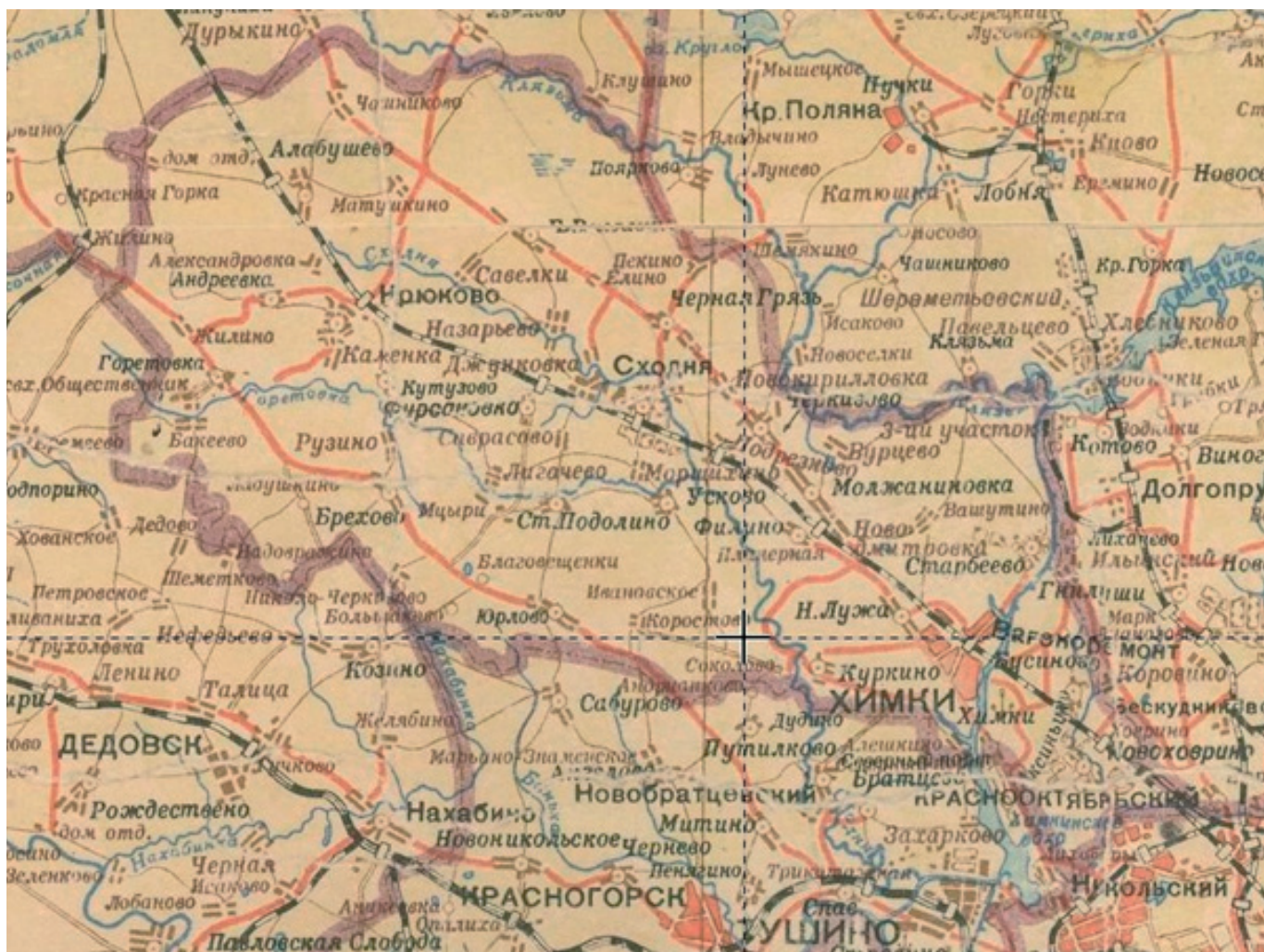

Рис. 3. Карта Московской области. 1947 год. Фрагмент. Выделен Химкинский район.

Затем шла на северо-запад вдоль Химкинского водохранилища.

В районе автомобильного моста переходила через канал западнее Бутаковского залива и шла в сторону реки Сходни, которую пересекала южнее села Куркино.

Шла по реке Нахабинке, уходила в сторону реки Горетовки, пересекала её западнее деревня Горетовка.

Далее шла на север западнее деревни Жилино, пересекала железную дорогу и уходила на восток севернее Чашникова.

Наш район граничил:

- на севере с Солнечногорским районом;
- на востоке с Красно-Полянским районом;
- на юго-востоке с Москвой;
- на юге с Красногорским районом;
- на западе с Истринским районом.

Приведём ещё фрагмент географической карты Московской области 1947 года с сайта etomesto.ru.

Если приглядеться, то можно разглядеть пунктирные линии, обозначающие границы районов.

Мы поместили карту Химкинского района в годы войны для того, чтобы было понятно, почему, говоря о войне, наши краеведы всегда рассказывают о боях в посёлке Крюково.

Всё происходило на территории нашего Химкинского района, на фронт уходили по повесткам Химкинского военкомата.

И фразу «немцы дошли до Химок» надо воспринимать следующим образом: немцы близко от Москвы – в Химкинском районе.

Рис. 4. 1947 Москва и ее окрестности 1:500K
Москва и ее окрестности. Карта из Атласа СССР.

Главное Управление Геодезии и Картографии при Совете Министров СССР. Издание 1947 года.
Масштаб 1:500 000, 5км в 1 см. Координатная сетка. Сечение рельефа через 50 метров. Фрагмент.

Источники:

1. Химки и окрестности. Очерки из истории. К 60-летию города Химки и Химкинского района. – Химки, 2000 - 354 с., 194 ил.
2. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1941 г. с приложением изменений, происшедших за время с 1/IV 1941 г. по 1/XI 1942 г.: [справочник] / Информ. - стат. отд. Президиума Верх. Совета РСФСР, М., 1942. - 532 с.
3. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1948 г.: [справочник] / Информ. - стат. отд. при Секретариате Президиума Верховного Совета РСФСР, М., 1947. - VIII, 496 с.

Моё военное детство

Валентин Васильевич Чигарёв

Древнее, многонациональное село Старбеево городского округа Химки удобно расположено на плато между реками Химка, Клязьма, Гнилуша и каналом имени Москвы.

В самое тяжёлое время для Москвы, в середине ноября 1941 года, здесь была создана зона обороны, обеспечившая защиту с севера города Химки и столицы нашей Родины.

Начало войны я встретил трёхлетним ребёнком, и мой рассказ о военной и послевоенной жизни в посёлке Старбеево подкреплён воспоминаниями моих родителей, родственников и старших товарищей: Анатолия Ивановича Ершова (участника Великой Отечественной войны, 95 лет), Сергея Михайловича Ершова (88 лет), Валентина Дмитриевича Яснова (86 лет), краеведа Юрия Басова (69 лет). Их рассказы, видео- и аудиозаписи хранятся в моём малом краеведческом музее.

К началу войны посёлок Старбеево оказался густонаселённым и многонациональным. Из разных областей страны много людей приехали с семьями, чтобы трудиться на химкинских военных заводах, в колхозе «Октябрь» и на других производствах.

Здесь остались с семьями строители канала имени Москвы: грабари Киркины, Кувшиновы, Семёновы, Денискины, переселенцы из затопленных районов канала – Ершовы, Ясновы, Куликовы.

Наладилась жизнь в посёлке Старбеево. Работали колхоз «Октябрь», фабрика игрушек и военные заводы в Химках.

В бывшем доме князей Долгоруковых открылась начальная школа под руководством директора Андрея Захаровича Попова, приехавшего из Марийской автономной республики, а в бывшей барской конюшне расположился сельский клуб.

Работали продовольственная и керосиновая лавки.

Но 22 июня 1941 года началась война.

В первые дни войны ушли на фронт мой отец Василий Иванович Чигарев, двоюродный брат Николай Сергеевич Иванов, мои дяди – Чигаревы и Пальцевы.

Из восьми ушедших на фронт родственников погибли трое: Николай Иванович Чигарев, Сергей Михайлович Пальцев и Иван Михайлович Пальцев (есть письма с фронта). Их имена увековечены на обелисках.

Мой отец, Василий Иванович Чигарев, после трёхмесячного отступления от западных границ страны (сохранились его письма с фронта), попал в окружение под Вязьмой, при прорыве был тяжело ранен, от ампутации

Рис. 1. Чигарёв Валентин Васильевич

Рис. 2. Отец - Чигарев
Василий Иванович

ног отказался и был отправлен в госпиталь в сибирский город Томск на долечивание. И только в сентябре 1942 года вернулся домой инвалидом. Работал в нашей школе учителем военного дела.

В посёлке Старбеево начались напряжённые трудовые будни военного времени. В каждом доме проводили на фронт отцов или сыновей. Ушли на фронт мои родственники: отец и сын Кольцовы, отец и сын Денискины, четыре брата Рачкиных. Все они погибли на этой страшной войне. Женщины и подростки работали на местной фабрике и в колхозе «Октябрь» – шили рукавицы, собирали урожай, отправляли на фронт посылки.

Особенно тревожные дни начались после 22 июля 1941 года, когда фронт приблизился к Смоленску и немецкие самолёты уже могли долетать до Москвы.

С этого момента начались постоянные массированные ночные налёты на Москву фашистских бомбардировщиков. Зенитные орудия, прожектора, ночные истребители ПВО Москвы, расположенные рядом с посёлком Старбеево, обеспечивали достойную защиту.

Прорывались к Москве редкие вражеские самолёты, а остальные, сбрасывая бомбы, куда попало, поворачивали обратно. Мы с братом Виктором наблюдали из землянки – нашего укрытия – за этими боями с разрывами снарядов и бомб почти каждую ночь.

Во время первого налёта на Москву наши матери с детьми в панике бежали к расположенному в посёлке Старбеево военному лагерю. Бомбоубежищ не было.

Военным с трудом удалось остановить испуганных людей, объяснив: бомбить, в первую очередь, будут именно военный лагерь. Только после этого семьи начали строить собственные укрытия от бомбёжки.

Следующим важным этапом стала подготовка зоны обороны Москвы в Старбеево.

С 12 октября 1941 года Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве зоны обороны по линии Хлебниково – Сходня – Нахабино – Красная Пахра – Домодедово, включив туда и Старбеево. В течение месяца рабочие и служащие, женщины, старики и юноши из Москвы и Химок, жители посёлка Старбеево, невзирая на дождь, слякоть и мороз, не щадя себя, возводили оборонительные укрепления, в том числе – от Химкинского леса до русла канала имени Москвы.

Рис. 3. Строительство линии обороны.
Женщины и дети вкапывают на метровую глубину
толстоствольные дубовые противотанковые надолбы.

Копали противотанковые рвы, рыли окопы. Устанавливали ежи, противотанковые надолбы из толстоствольного дуба, долговременные огневые точки (ДОТы), проволочные заграждения, минные поля, блиндажи. Немецкие самолёты сбрасывали листовки: «Не ройте ваши ямочки, в них вас зароят наши таночки».

Но к 15 ноября линия обороны была завершена. Три линии обороны: основная – Сходня – Хлебниково, ещё одна – по реке Клязьма до деревни Ивакино и линия обороны в посёлке Старбеево – стали серьёзным препятствием для немецких войск, продвигавшихся с северо-запада и с севера к двум мостам через канал в Химках на Москву.

Особую роль в защите столицы сыграл канал имени Москвы на всём протяжении: от Волги до Москва-реки, от Клязьминского до Химкинского водохранилища, расположенных неподалёку от Москвы. Крутые берега (высотой до 23 метров) и 85-метровая ши-

рина канала стали преградой для мобильных моторизованных армий немецких войск в районе Лобня – Химки.

Гигантский труд и жертвы строителей канала – каналармейцев – оказались не напрасны. Трудно было бы представить огромные людские и материальные потери и даже предсказать судьбу Москвы при отсутствии канала, когда пришлось бы бороться здесь за каждый метр.

Враг вынужден был повернуть войска в сторону двух других мостов в районе Хлебниково.

Но и здесь – в Красной Поляне, Лобне, Белом Расте – враг был остановлен свежими частями вновь сформированной 20-й армии (штаб в Химках).

После кровопролитных боёв здесь, в ночь с 5 на 6 декабря 1941 года, наши войска перешли в победоносное контрнаступление, которое с волнением ожидал весь мир. Здесь служила санитаркой моя троюродная сестра Любовь Михайловна Макарова, прошедшая всю войну до победы.

Большую организационную и воспитательную работу вели учителя нашей школы: Андрей Захарович Попов (директор), Анна Ивановна Попова, Иван Сергеевич Басов. Они выводили жителей посёлка Старбеево на строительство линии обороны, кормили, согревали, подлечивали ослабленных строителей.

В начале декабря, накануне решающих боёв, жителям Старбеево предложили покинуть дома. Но люди остались, попрятав самое дорогое. Учитель И. С. Басов закопал учебники, чтобы можно было сразу начать учебный процесс, когда прогонят фашистов (свидетельствует краевед Юрий Басов).

В Старбеево снова восстановилась напряжённая трудовая жизнь в режиме «Всё для фронта, всё для Победы!».

Старшие дети вместе с родителями работали на производстве. Моя двоюродная сестра Любовь Сергеевна Иванова в 15 лет работала вместе с отцом телеграфисткой на Октябрьской железной дороге.

Анатолий Ершов в 15 лет трудился рабочим на канале имени Москвы. Для нас, детей младшего возраста, они были наставниками и защитниками. Вместе мы помогали собирать урожай в колхозе «Октябрь» и на домашних огородах, носили из собственных хозяйств необходимые нормы молока, яиц и других продуктов на сборный пункт (ответственная – М. И. Чигарева).

Всех вдохновляла одна цель:

Рис. 4. Строительство линии обороны. Противотанковые ежи устанавливали не только на берегу, но зимой и на льду канала Москва - Волга.

Рис. 5. Начальная школа в поселке Старбеево, 1941 год.

выжить, несмотря на голод, на страшный холод, вместе с родителями помогать фронту.

У детей оставалась ещё одна задача: помогать семьям, получившим похоронки, а их стало приходиться всё больше. Пришли похоронки на отца и сына Кольцовых, Денискиных, Ивана Хваталина, Николая Чигарева и на многих погибших земляков.

Уже после войны пионеры собрали данные на 185 погибших земляков для установки памятной доски, а затем обелиска «Вечная слава Героям...». Учительница Анна Ивановна Попова, ставшая директором школы после гибели на фронте в 1942 году её мужа А. З. Попова, постоянно инструктировала учеников: соблюдать осторожность, не брать необычные (взрывоопасные) предметы (3 ученика подорвались на противотанковой mine, трое других ребят в разное время получили ранения – двоим оторвало руку). И не терять бдительности.

Были обнаружены два диверсанта: один пытался отравить колодец, другой с крыши указывал фонарём лётчикам ночных немецких бомбардировщиков направление. Диверсантов поймали, а Анна Ивановна Попова получила благодарность за проявленную бдительность (говорит Юрий Басов).

Наконец, наступила долгожданная Победа. Старбеевцы пережили второе народное ликование. Первое потрясло посёлок в 1937 году, когда открывали канал имени Москвы и украшенные пароходы проходили мимо.

80 лет прошло с начала войны, но трудно забыть и страдания военных лет, и тяжёлую послевоенную жизнь.

Мы разбирали для строительства и на дрова военные сооружения: брали брёвна с блиндажей и надолбов, снимали столбы и колючую проволоку с заграждений, на улицах посёлка закапывали траншеи, окопы и ДОТы. Болезненные рваные раны на босых ногах от ржавой колючей проволоки ноют и сегодня.

С любопытством наблюдали, как вылавливали противотанковые ежи, утонувшие при таянии льда на канале имени Москвы весной 1942 года. Это было необходимо, чтобы открыть навигацию.

Ненависть к немецким лётчикам, которых мы видели в пролетающих самолётах (Сергей Ершов рассказывал, что видел, как немецкий лётчик махал ему рукой), после войны сменилась жалостью и сочувствием. По просьбам пленных немцев, мы иногда им что-то покупали в магазине посёлка Лобаново.

С завистью смотрели мы на ухоженных детей немецких военных специалистов, в послевоенные годы помогавших строить ракетный двигатель на заводе № 456.

Они жили на правом берегу реки Химка (сегодня это улица Мичурина) и приходили к нам в Старбеево за молоком, а мы – деревенские дети – в это время часами стояли в длинных очередях в магазине № 7, отоваривая карточки на хлеб.

*«...Взрослели мы не по годам,
Куда-то подевалось детство.
Взамен него досталось нам
Войны тяжёлое наследство.»*

Но, несмотря ни на что, мы не уставали радоваться наступившей мирной жизни, словно предчувствуя грядущие великие победы – от атома до космоса.

А потомкам хочу напомнить слова великой песни: «Люди мира – будьте зорче втрое! Берегите, берегите, берегите МИР!».

Дети и подростки в Великой Отечественной войне

Вячеслав Герасимович Воробьёв

ветеран труда, член Химкинского краеведческого общества

Великая Отечественная война разделила жизнь советского народа на две части: довоенную, мирную и военно-разрушительную, но победную. Потребовалось колоссальное напряжение всех военных и производственных сил государства, чтобы отразить нападение фашистской Германии, победить врага и с триумфом войти в столицу Германии – Берлин.

Весь советский народ стал на борьбу с врагом. Мужчины были призваны в ряды Красной Армии.

В тылу остались женщины, старики, дети, подростки, инвалиды войны. Лозунг «Всё для фронта! Всё для Победы!» – стал руководством к действию, устанавливается карточная система распределения продуктов. Многие заводы эвакуированы вглубь страны и стали выпускать военную продукцию.

Немногие мужчины получили «бронь» как квалифицированные специалисты: государство освободило их от участия в боевых действиях на фронте. Тяжёлая нагрузка на работе в тылу легла на плечи женщин, стариков, подростков. Вклад женщин был огромным, это отдельная страница нашей истории. Я остановлюсь на описании подвигов подростков на войне и в тылу.

Подвиги подростков – партизан, ходивших в разведку, добывавших ценную информацию. Пример – Лёня Голиков. Но и в тылу подростки совершали трудовые подвиги на заводах и фабриках. Работали, перевыполняя нормы выработки военной продукции станочниками, сборщиками оборудования, слесарями, плотниками... Таким ребятам выдавали за их самоотверженный труд рабочую продовольственную карточку.

А на фронте с 1943 года развернулась кампания по усыновлению подростков в военных формированиях. Сын полка – почётное звание на фронте. Вырастая, ребята поступали в военные училища и становились офицерами.

И у нас в Химках подростки вносили лепту в победу над врагом. Самоотверженно работали на заводах: № 301 – Лавочкина, заводе № 84 – в будущем «Энергомаш».

Показателен такой пример. Завод сформировал две бригады подростков по демонтажу сбитых самолётов, отечественных и немецких. Регулярно на станцию Химки прибывали железнодорожные эшелоны: в вагонах – остатки сбитых самолётов.

Подростки этих двух бригад с помощью инструментов разбирали разбитые самолёты до винтика и складывали детали в ящики, которые в конце дня относили в заводской ОТК (Отдел технического контроля). ОТК проверял качество деталей и направлял их на вторичное использование.

Ученики ремесленного училища № 25 на автозаводе

Рис. 1. Ученики ремесленного училища №25 на Автозаводе.

Рис. 2. Подросток у станка

Рис.3. Ученик и наставник

Практика работы этих «детских» бригад выявила интересные факты. Не все назначенные бригады смогли стать авторитетными руководителями. Сменилось несколько, пока во главе бригад не встали Герасим Воробьёв и Григорий Филатов. Они сумели найти подход к ребятам, навести порядок в бригадах и все усилия направить на самоотверженный труд.

Филатов был хорошим гармонистом, ребята его уважали и с удовольствием слушали его игру во время перерывов. Новые бригады гасили конфликты между бригадами и подростками. Ино-

гда находили в разбитых самолётах сумки-планшеты, очки, продовольственные пайки и даже личное оружие лётчиков, оно сдавалось бригадирам.

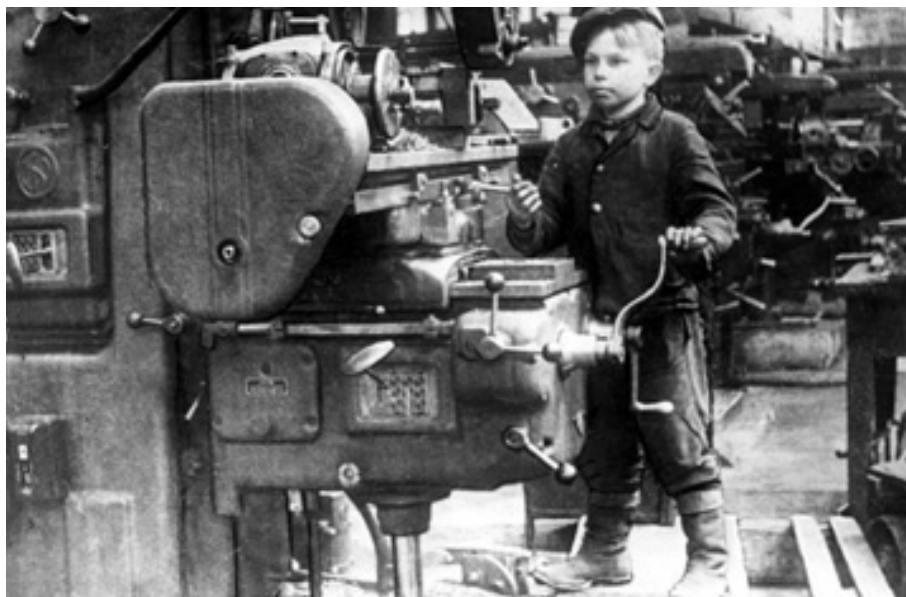

Рис.5. Дети помогают фронту

Рис.4. Герасим Воробьёв.
Середина 1930-х годов.
Из архива В.Г. Воробьёва.

Подростки из этих бригад получали рабочую продуктовую карточку. Занятия в школах не прекращались в течение войны. Детям выдавали аттестат о семилетнем образовании.

После этого документы можно было направить в фабрично-заводское училище (ФЗУ), готовившее квалифицированных рабочих. Училище распределяло выпускников на заводы и фабрики. ФЗУ имело учебные помещения, общежитие, обеспечивало подростков фирменной одеждой и трёхразовым питанием.

Обычно подростки после ФЗУ работали на заводах и фабриках до 18 – 19 лет, а затем призывались в Красную Армию. Немногие выпускники ФЗУ получали «бронь» – освобождение от призыва.

Мои два родных дяди – Пётр и Владимир – после ФЗУ получили профессии слесаря-водопроводчика и плотника-столяра и работали на заводе «Энергомаш» по 50 лет, до самой пенсии. В том числе, и во время войны.

Фотографии из открытых источников интернета.

Завод № 301 в годы Великой Отечественной войны

Ольга Кирьянова

член Химкинского краеведческого общества

В ноябре 1940 года часть ОКБ-301 под руководством главного конструктора С. А. Лавочкина перевели из Химок на завод № 21 Народного Комиссариата Авиационной Промышленности (НКАП) в Горький для организации серийного производства самолёта И-301 (ЛаГГ-1).

Лавочкина назначили главным конструктором завода. В конце 1941 года сюда эвакуировалась часть сотрудников ОКБ-301 из Химок.

В 1943 году на заводе действовала 21 поточная линия на производстве Ла-5 и конвейер окончательной сборки. К концу войны завод № 21 производил до 16 истребителей в сутки. Всего в 1945 году всеми заводами выпущено 3669 самолётов.

Рис. 1. Ла-5ФН, 12-я воздушная армия

Завод № 301 осенью 1941 года эвакуировали из Химок в Новосибирск и включили в состав завода № 153. Вскоре к ним присоединили часть завода № 23 из Ленинграда и завода № 43 из Киева.

С апреля 1942 года на заводе № 153 начато производство ЛаГГ-3 и Як-7 с мотором М-105ПФ, а с ноября заводу было предписано выпускать Як-7 с улучшенными лётными данными.

С февраля 1943 года завод начал поставлять на фронт самолёт Як-9 с увеличенной дальностью и различными моторами.

В 1945 году на заводе № 153 действовало 27 поточных линий на производстве Як-9 и конвейер окончательной сборки. Завод выпускал до 20 самолётов в сутки, тол есть всего – до 33 самолетов в сутки. По количеству построенных за годы войны самолётов (15797 шт.) – это 11,8% всех, выпущенных в стране.

Завод № 153 стал вторым после завода № 21 в Горьком, который по количеству построенных самолётов за годы войны стал первым – 17691 штук, а это 12,2% всех самолётов, выпущенных в стране. Истребители С. А. Лавочкина, наряду с истребителями А. С. Яковлева, во время Великой Отечественной войны составляли костяк советских Военно-воздушных сил и внесли большой вклад в победу СССР над фашистской Германией.

В то же время на базе неэвакуированной части авиационного завода № 301 круглосуточно, бесперебойно – даже при развёртывании боёв вблизи Химок – восстанавливали прибывающие с фронта израненные самолёты и отправляли их в сражающиеся полки.

Работали на заводе не покинувшие родные места химчане, жители ближайших деревень и Москвы.

Из воспоминаний сотрудника НПО имени Лавочкина, ветерана войны Георгия Михайловича Седова: «В июне 1941 года после начала войны нас перевели на 12-часовой рабочий день. Уже в июле 1941-го молодых рабочих стали направлять на строительство противо-

Рис. 2. Линейка Ла-5Ф на полевом аэродроме

Рис.3. Истребители Ла-7 эскадрильи
«Горьковский рабочий» на заводском аэродроме

щего завода древесностружечных плит и деталей, и мы копали противотанковые рвы до деревни Кирилловка. Копали их до двух метров в глубину...»

На площадке эвакуированного завода №301 с октября 1941 года организовали ремонтные мастерские под началом С. Уголькова. 30 марта 1942 года мастерские преобразовали в Ремонтный завод № 301, где ремонтировали ЛаГГ-3, Як-1, Як-3 и производили детали для винтов.

В конце 1944 года вышло постановление Государственного Комитета Обороны № 7227 о выпуске на заводе 30 самолётов Як-9 ПД в высотном варианте.

Рис.4. ЛаГГ-3 - одноместный одномоторный поршневого самолёт

Рис.5. Истребитель Як-1

В соответствии с другим постановлением Государственного Комитета Обороны в 1946 году на завод передано 1024 единицы трофейного оборудования (111 вагонов) с завода «Арадо» из города Ратенов (Германия) и 1733 единицы оборудования с завода «Зибельфлюгцойгверке» из города Галле.

В октябре 1945 года завершилось временное дислокационное и тематическое разобщение ОКБ и его первоначального производственного партнёра – завода № 301: на завод переведено ОКБ главного конструктора С. А. Лавочкина и переименовано в ОКБ-301. Завод стал его опытной базой. Производство крыльев для Як-9 прекращено. В ОКБ Лавочкина начались проектные работы по созданию истребителей с реактивными двигателями.

В 1947 году создан первый советский истребитель со стреловидным крылом – Ла-160. 26 декабря 1948 года на самолёте Ла-176 впервые в СССР достигнута скорость звука – 1105 километров в час.

Вскоре предприятие перешло к решению новых задач, поставленных перед ним правительством страны, с учётом изменившейся международной обстановки.

Источники:

1. <https://oboron-prom.ru/nomernye-predpriyatiya.html>
2. Космический полёт НПО им. С. А. Лавочкина. - М.: Изд-во МАИ-ПРИНТ, 2010. – 692 с., ил.
3. Иллюстративный материал (кроме указанного) заимствован из общедоступных ресурсов интернета, не содержащих указаний на авторов и каких-либо ограничений для их заимствования.

Рис.6. Истребитель Як-3

Трофейный конь Вайс

Вячеслав Герасимович Воробьёв

ветеран труда, член Химкинского краеведческого общества

Эту историю мне рассказала моя мама – её зовут Лиза.

Весной 1942 года немецкие войска уже далеко отбросили от столицы. Угроза захвата Москвы фашистами миновала.

В Химках стали возрождать заводы. Народ потянулся к проходным. Война продолжалась, ценились каждые рабочие руки. Но люди нужны были и для другого, не менее важного дела. Ожесточенные бои под Москвой никто не забыл.

В морозную зиму 1941-1942 гг. на полях сражений под снегом остались тела погибших, брошенное оружие, техника.

Первого апреля 1942 года опубликовали постановление ГОКО № 1517: исполкомам областных и местных советов депутатов трудящихся предписывалось организовать из граждан «специальные команды, силами которых провести на территории районов сбор и погребение трупов вражеских солдат и офицеров», а также провести «сбор, регистрацию и погребение трупов гражданского населения и оставшихся незахороненными трупов бойцов и командиров Красной Армии» (РГАСПИ, фонд 644, опись 1, д. 26, лл. 16-17).

Такая команда была создана и из работниц завода № 456 в Химках. В неё направили юную Лизу.

В группы включались бездетные женщины или матери совершеннолетних. У Лизы тогда детей ещё не было.

К местам боёв женщин доставляли на поездах. Размещали – в окрестных деревнях. Местные жители играли роль проводников, указывали места боёв, а женщины занимались поисками тел погибших воинов – и наших, и немецких, а также попутно собирали брошенное оружие и отмечали места найденной техники.

Найденные тела переносили в специальные места – братские могилы для наших и для немцев. Сюда же приносили собранное оружие. Составлялись списки наших погибших воинов, погибших немцев, регистрировалось собранное оружие.

Женщина, оформлявшая списки погибших немцев, свободно говорила и писала по-немецки, в бригаде её называли Марией.

История, которую я описываю, произошла в апреле или начале мая 1942 года.

Снег в основном ещё лежал в лесу, но на открытых участках земли его не было. Каждый день женщины обходили поля и леса в окрестностях деревень. Работа небезопасная – вполне можно было подорваться на незамеченной мине.

Однажды женщины увидели на опушке леса большого белого коня. Увидев людей, конь не скрылся в лесу, а продолжал стоять и спокойно смотреть на них.

Подойдя поближе, они увидели: конь так изголодался, что у него можно было пересчитать все рёбра. На морде болталась рваная уздечка. Бригадирша уверенно заявила: «Теперь это наш трофей, отведём его в правление колхоза». Решительным шагом она направилась к явно одичавшему животному.

Когда дистанция сократилась до 6-7 метров, конь прижал уши, зафыркал, поднял голову. Пришлось остановиться. Агрессивное поведение лошади всегда опасно.

Рис. 1. Выжившая лошадь на поле боя под г.Кенигсбергом.

Бригадирша развернулась и отошла к подчинённым. «Кто обратает его и приведёт в деревню?» – громко спросила она, обращаясь к бригаде. Наступило молчание.

В тишине прозвучал голос девушки, которую все называли «Лизой маленькой» – в их группе была и «Лиза большая».

Но маленькая по росту девушка отличалась от остальных бойким характером и независимыми суждениями.

«Я попробую, я в деревне с лошадьми работала», – решительно заявила она и смело направилась к коню.

За ней последовала Мария, хорошо знавшая немецкий язык. Она быстро догнала Лизу маленькую и дала ей несколько советов: «Говори с конём по-немецки. Хотя бы одиночные слова, которые ты знаешь, а я тебе буду эти слова подсказывать».

Мария попыталась подойти к коню, но он снова враждебно зафыркал. Тогда к нему придвинулась Лиза и начала говорить немецкие слова: «Гитлер капут, хенде хох, хальт...».

К общему удивлению, конь подпустил Лизу маленькую совсем близко. Она взялась за оборванные концы уздечки и со словами: «Ком, ком», – повела коня за собой.

Сначала все застыли от изумления. Но Лиза маленькая уверенно тянула за собой огромную худую конягу. Следом к деревне двинулись и остальные.

Мария предложила назвать коня «Вайс». По-немецки это означает белый, возможно, так его и звали немцы. Лиза повернулась к коню и громко произнесла: «Вайс, Вайс!» Конь встряхивал головой и продолжал спокойно идти. На пути процессии оказалась поляна с несколькими пнями.

Мария предложила Лизе встать на самый высокий пенёк, ухватиться за гриву и вскарабкаться коню на спину. С трудом Лиза так и сделала. Теперь во главе бригады шагал трофейный конь, а на нём восседала небольшого роста девушка.

Вскоре показались деревенские дома, и первой встретила процессию деревенская детвора, сопровождавшая её до правления колхоза.

Из правления вышли все, кто там был. Первым показался председатель, одетый в офицерскую военную форму, но без знаков отличия. Он опирался на костыли, одна нога была ампутирована. Довольно ловко он сошёл с крыльца и остановился поодаль метрах в пяти, потому что при его приближении конь проявил враждебность.

Первой заговорила бригадир женщин, она рассказала, как был пойман трофейный конь и что его называли Вайс.

Председатель не скрывал радости: «Товарищи женщины! Вы оказали нашему колхозу огромную помощь. Скоро будет посевная, надо пахать землю, сажать зерно, вывозить сено из леса. Эх, сколько ещё тяжёлой работы может сделать этот трофейный конь. До войны в нашей конюшне было пять десятков лошадей. С началом войны всех лучших лошадей отдали в нашу армию, а что осталось: 11 старых кляч, которые еле тянут сани или телегу. А конь трофейный хоть и оголодал, но это тяжеловоз. Я таких у немцев видел, они тянули пушки и выполняли тяжёлую работу. Подкормим, приведём в норму. Сена у нас осталось в скирдах в лесу полным полно. Вывезем сено, покормим всю нашу оставшуюся скотину».

Неожиданно в разговор вмешалась Мария: «Товарищ председатель, конь подпускает к себе только, видите ли, наездницу, которая сидит на нём. Надо её на первое время оставить заботиться о Вайсе».

Рис.2. Использование лошадей-тяжеловозов в немецкой армии для подвоза питания на фронт.

Председатель повернулся к бригадире женщин и попросил: «Ниловна, отдай в моё распоряжение эту девушку. А колхоз поможет бригаде в текущих делах ваших».

Ниловна среагировала быстро: «Если для общего дела будет лучше, то я согласна. Забирай». «Всё, вопрос решён! Расходитесь по домам, а мы с конём и наездницей отправимся в конюшню. Конюшня, коровник, скотный двор у нас за деревней», – председатель развернулся на костылях и довольно быстро заторопился на окраину деревни.

Лиза потянула уздечку, конь развернулся и пошёл, обгоняя председателя.

Лиза придерживала коня, председатель и конь шагали в 3-4 метрах друг от друга. По дороге председатель спросил: «Как тебя зовут, наездница?». Последовал ответ: «Лиза! В бригаде зовут Лиза маленькая».

Председатель продолжал расспрашивать: «А ты, Лиза маленькая, с лошадьми работала?». Лиза также бойко отвечала: «Я ведь деревенская была до замужества, до городской жизни. Приходилось работать и с лошадьми!» Так они и шли – председатель на костылях и Лиза, сидящая на огромном худом белом коне. Лиза постоянно придерживала Вайса.

Вскоре показались хозяйственные постройки. Председатель проводил девушку на конюшню. Встретили странную процессию два старика с седыми бородами, в потёртых полушубках и меховых шапках. У одного за спиной висело ружьё, у второго в руках были вилы. Старики с любопытством смотрели на коня и переговаривались между собой. Очевидно, оценивая ситуацию, коня и наездницу.

Неожиданно ветер подул со стороны конюшни, и резко пахнуло сеном. Вайс быстро среагировал на запах и, не обращая внимания на наездницу, поскакал к конюшне. Там он свернул в сторону, где располагалась копна сена, остановился и стал с жадностью его поедать.

Подшли старики. Тот, что с вилами в руках заметил: «Ишь! Видно проголодался. Теперь его за уши не оттянешь».

Старики стояли и смотрели, как белый огромный худой конь с жадностью ест сено.

Подшёл председатель и покачал головой: «Как он взбрыкнул, учуявши сено!» Председатель внимательно разглядывал коня. Вайс не мог остановиться, а наездница смотрела на Вайса сверху.

Старики дружно закричали: «Хватит! Слезай! Накаталась!».

Но слезть с двухметрового коня нелегко. Поднесли к нему большой пустой короб, перевернули вверх дном.

Лиза прыгнула с коня, а затем с короба. Старики убрали короб к стене конюшни.

А конь всё ел и ел, не обращая внимания на людей.

Конюх предложил: «Ты, Лизавета, возьми охапку лучшего сена, отвлеки его внимание и заведи его в свободное стойло».

Вайс, уже утоливший голод, охотно пошёл следом за Лизой, пощипывая пахучую мягкую сухую травку из её рук.

Лиза вошла в стойло, за ней последовал Вайс.

А тем временем оба старика складывали в кормушку охапки душистого сена.

Председатель присел на скамейку, которую принесли старики, и всё смотрели, как конь ест из кормушки. Лиза вышла из стойла. Конь продолжал есть, глазами наблюдая за ней.

«Вот что, старики, вы отвечаете за этого коня головой!» – сказал председатель. «На него у меня большие планы. Он колхозу вспашет все поля,

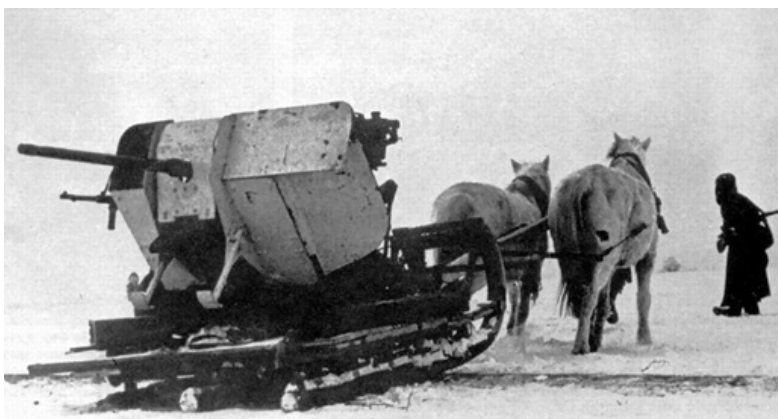

Рис.3. Немецкое зенитное орудие на конной тяге.

на нём вся посевная. Его можно запрячь в любой агрегат. Конь потащит, как трактор, и сеялку, и плуг, и борону. Вот откормим его недели за три-четыре и будет в нём больше тонны веса, – говорил председатель, с любовью глядя на коня. – А тебя, Лизавета, я заберу из бригады. Будешь первое время при Вайсе, пока он не привыкнет к людям, к вам, к старикам. Ты, Лизавета, останешься в конюшне и будешь при коне. Я распоряжусь, тебе принесут еду. А вам, старики, нужно подготовить для Вайса упряжь, две-три повозки приладить, будем возить сено из леса».

Лиза и старики остались в конюшне, а председатель заторопился в деревню.

Вскоре два подростка принесли Лизе еду, матрас, одеяло, подушку и, постояв и посмотрев на коня, ушли в деревню.

Три дня Лиза выводила коня из стойла. Водила вокруг конюшни, кормила, поила, убирала навоз. Её сопровождали старики, готовившие упряжь и повозки. Конюх починил уздечку Вайса. На четвёртый день пришёл председатель, с ним – два подростка, тащившие по мешку. В одном оказался овёс, а в другом – морковь. Председатель велел конюху овёс и морковь давать коню порциями, не сразу. Осмотрел изготовленную упряжь, повозки и пообещал: через 2-3 дня проверит коня в работе.

«Будем вывозить сено из леса», – решительно заявил председатель. Затем осмотрел Вайса и порадовался – конь выглядел неплохо.

И быстро ушёл в деревню вместе с подростками.

Прошло ещё четыре дня, в конюшне вновь появился председатель с двумя женщинами-колхозницами и сразу скомандовал: «Выводи! Запрягай!» Лиза вывела Вайса из стойла подвела к связанным телегам-повозкам, начала его запрягать.

Конь спокойно вошёл в оглобли, старики помогали одеть хомут, дугу. Через полчаса Вайс был готов к работе.

«Ты вот что, Лиза, – приказал председатель, – садись на него верхом и рули, а бабы поедут в повозках».

Взяли вилы, верёвки, и конь легко потащил три связанные повозки. Колхозницы показывали дорогу и скоро въехали в лес, нашли поляну, где высились скирды сена. Они нагрузили целый стог сена, и Вайс без напряжения повёз тяжёлый груз. Когда привезли сено к конюшне, старики помогли его выгрузить и сделали ещё одну поездку в лес за сеном. Так работали всю неделю. Конь чувствовал себя отлично – привык выполнять такую работу. На следующей неделе вместе с председателем к конюшне приехал на мотоцикле с коляской офицер, которому бригада сдавала собранное оружие и списки убитых.

Председатель обратился к старикам и Лизавете с речью: надо помочь армии вывезти из леса технику, брошенную немцами и оставленную нашими. Места расположения техники на карте обозначены. Сено пока не будем вывозить, а сосредоточимся на технике, опираясь на нашего трофейного коня Вайса. Начать эту работу нужно завтра с утра. Старикам должны подготовить сбрую для такой работы.

На следующее утро Лиза запрягла Вайса только в одну повозку, и они поехали в лес. В лесу военный по карте нашёл брошенный немецкий легковой автомобиль, его подцепили верёвками, и Вайс легко повёз его к железнодорожной станции, где машину оставили.

В течение недели из леса вывезли с помощью Вайса всю брошенную технику: автомобили легковые и грузовые, пушки, подбитые бронетранспортёры, только не смогли вывезти два немецких танка с разбитыми гусеницами.

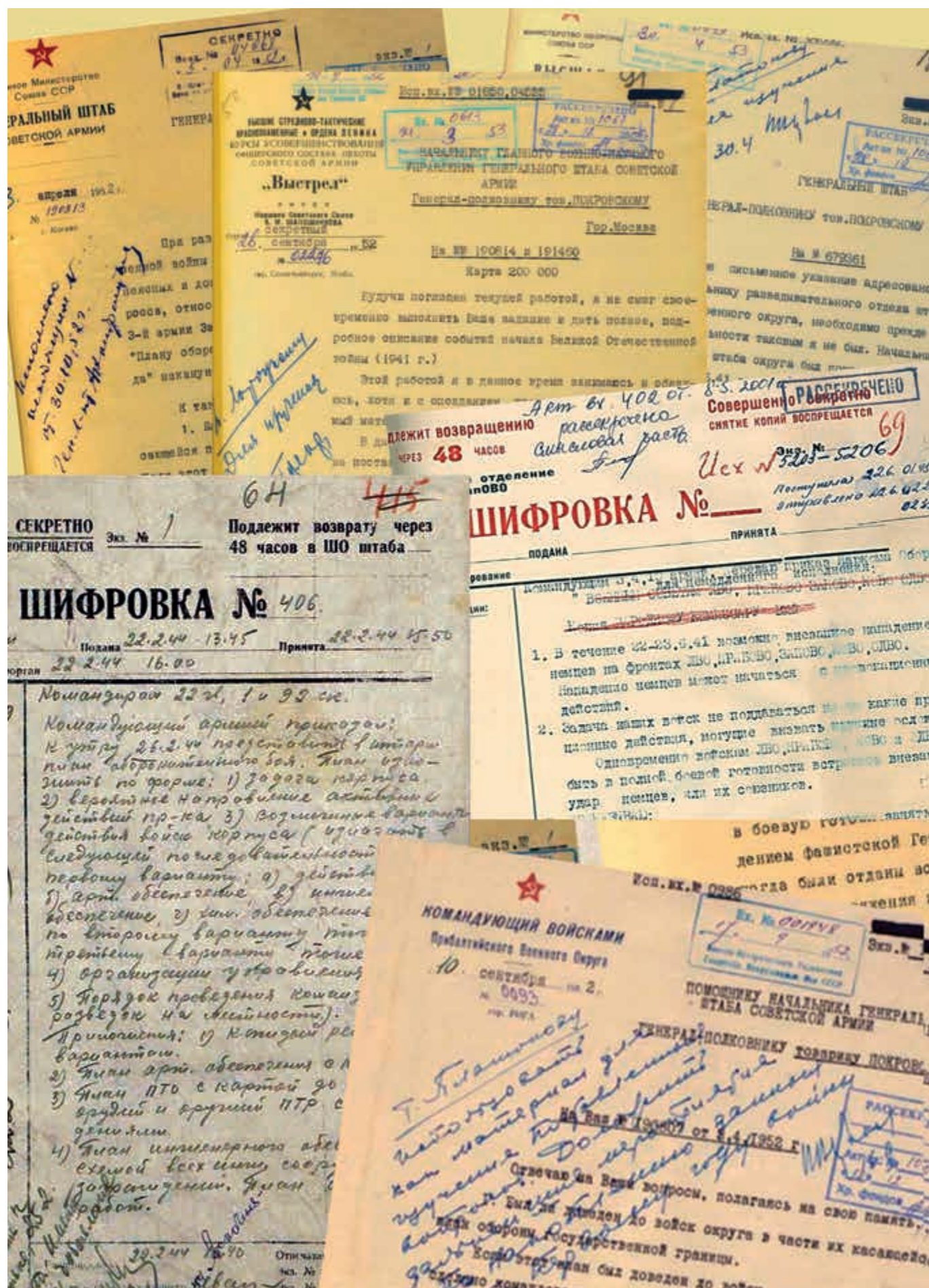
Технику отвозили к железнодорожной станции.

Когда закончили эту работу, пришло сообщение: бригада женщин возвращается домой. Лиза вернулась к подругам.

На другой день их погрузили в вагоны и увезли в Химки. Так что Лиза не успела даже попрощаться с трофейным конём Вайсом. Впоследствии она часто вспоминала этот удивительный эпизод.

Фотографии из открытых источников интернета.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

МЫ ПАМЯТИ ЭТОЙ ВЕРНЫ...

(из истории 150-ой армейской пушечно-артиллерийской бригады)

*Вера Петровна Королёва,
заместитель директора по воспитательной работе
МБОУ СОШ № 14 г.о. Химки Московской области*

75-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне, который отмечается в этом году, повод ещё раз обратиться к архивам военной истории, задуматься о важнейших событиях войны. 75 лет – большой срок для документов, хранящихся в домашних архивах, в музеях. Время безжалостно стирает свидетельства страшных лет. Сейчас необходимо сохранить крупницы, ещё оставшиеся, узнать горькую правду об этих трагических событиях и передать её последующим поколениям.

Музей боевой славы в нашей школе посвящён истории 150-й Севастопольской, орденов Суворова 2-ой степени и Кутузова 2-ой степени армейской пушечно-артиллерийской бригады, сокращённо – АПАБр. До мая 1944 года – это 1095-й артиллерийский полк, входящий в состав 2-ой Гвардейской армии, которую сформировали в октябре 1942 года из частей резерва ставки Верховного Командования. Музей создали в средней общеобразовательной школе № 14 города Химки Московской области в 1985 году.

Инициатива создания принадлежала ветеранам бригады – они приехали на празднование 40-летия Победы в деревню Филино, где в 1942 году стояло их воинское подразделение (станция Планерная – деревня Филино – посёлок Черкизово).

Нам есть, чем гордиться. В музее более 1000 экспонатов, связанных с историей 150-й АПАБр, большая переписка с ветеранами, к сожалению, уже ушедшими из жизни. Дорогами войны шли люди, и военная история артиллерийской бригады отражена в предметах и письмах, оставленных участниками войны. А боевой путь бригады – от станции Планерная до Кёнигсберга! Всего за время боевых действий бригада прошла 11200 км.

«Сформированная в Башкирии, боевую деятельность бригада начала в июне 1942 года и по декабрь 1942 года была поставлена на прикрытие Москвы от возможного наступления немцев, – рассказывает С. Г. Романова, руководитель музея с его основания. – Командиром бригады стал гвардии полковник Рудольф Александрович Иванов. В декабре 1942 года она переброшена под Сталинград, где в составе 2-й гвардейской армии, на реке Мышкова, приняла на себя основной удар прорывавшейся к Сталинграду группы армий «Дон» под командованием фельдмаршала Манштейна. Летом 1943 года последовали тяжёлые бои в неудачной наступательной операции на Миус-фронте, штурм Саулмогилы и освобождение Донбасса. Весной 1944 года – участие в освобождении Крыма и Севастополя, затем Белорусская наступательная операция, Прибалтика и Кёнигсберг – столица Восточной Пруссии.

Интересные факты из истории (по документам бригады):
за период боевых действий бригада

- произвела боевых выстрелов – более 100 000;
- уничтожила танков и самоходных орудий – 158;
- артиллерийских орудий – 564;
- миномётов – около 700;
- участниками парада Победы в 1945 году стали 27 воинов.

Среди множества интереснейших экспонатов есть один, мимо которого нельзя пройти. Это шинель сына полка – Николая Крыжкова (кстати, в публикации о нём в газете «Хим-

кинские новости» от 24 апреля 2009 года в фамилии ошибка, написано «Крылов»). Шинель укорочена под рост мальчика, она в целости и сохранности. Артиллеристы нашли его, 11-летнего сироту, в волжских степях под Сталинградом. Хотели отправить в детский дом, но мальчик ни за что не хотел уходить от них. Прошёл с бригадой от Сталинграда до восточной Пруссии, выполняя обязанности разведчика–артиллериста. Он, кавалер трёх боевых наград, закончил войну в неполных 15 лет. Уже после войны Николай Крыжков станет председателем Совета ветеранов 150-ой артиллерийской бригады, будет много помогать нашему музею. А вместе с краоведами музея установит точные сведения о бывших войнах бригады, которых считали пропавшими без вести.

На фотографии 1985 года ветераны бригады: здесь они, ещё полные сил, приезжают на встречи, проходят по местам, где начинался их боевой путь. Интересны их послевоенные судьбы, о них – информация в письмах, которых более 500.

По-разному сложились судьбы ветеранов 150-ой. Среди них – командир огневого взвода гвардии старший лейтенант Шахназаров Георгий Хосроевич (отец Карена Шахназарова). Г. Х. Шахназаров известен как советский и российский политолог, политический деятель, писатель, доктор юридических наук, член-корреспондент АН СССР. Он оставил яркий след в истории нашей страны. Издал книгу воспоминаний и философских размышлений. В музее бережно хранятся две книги с дарственной надписью автора от 23 апреля 2002 года: «В память о Георгии Хосроевиче, с лучшими пожеланиями школьникам и преподавателям школы № 4 и её музею».

Ещё одна судьба. Анатолий Александрович Цытович.

Был призван районным военкоматом Москвы 26.08.1942 г. В годы войны – старший лейтенант, командир взвода оптической разведки артиллерийского дивизиона 150-й АПАБр. В наградном листе, подготовленном на медаль «За Отвагу», в разделе «Изложение личного боевого подвига или заслуг» написано: «Храбрый, смелый, решительный инициативный. 28.04.44 при смене боевых порядков взвод попал в зону артиллерийского обстрела. Пренебрегая опасностью и воодушевляя подопечных на выполнение боевых задач, личным примером способствовал укреплению боевого порядка. За короткий срок сумел обработать передний край противника, произведя засечку 64-х инженерно-оборонительных сооружений». А ему было тогда всего 22 года.

В течение трёх лет велась переписка с ветераном. Анатолий Александрович охотно отвечал на письма.

Вот заказное письмо Кате Томиловой (бывшая ученица школы), в письме – журнал «Охотник» с надписью к 8 марта 2006 года: «Кто дарит томную луну, кто звёзды, небо иль луну, а я скажу, тебя любя, не скроючи, дарю простой журнал «Охотник» от Цытовича!»

В журнале – большая, на 2 листа, статья о ветеране: «Формула счастья» (№ 12 от 2005 года, стр. 6). Здесь же две фотографии – одна 1944 года, другая – 2005 года. Общее на них – выражение лица Анатолия Александровича: серьёзное, но то же время вселяющее уверенность в достойном будущем.

Ветеран и послевоенную жизнь посвятил топографии, писал о людях. Интересна история о том, как он изучал историю «Варяга». Собрав материал о жизни командира «Варяга», Анатолий Александрович узнал: жив один из матросов легендарного крейсера, поехал к нему на встречу.

А когда увидел, что легендарный герой живёт в землянке, добился, чтобы ему дали квартиру. 15 апреля 2006 года Цытовичу исполнилось 84 года. Больше писем от него не было...

Разные истории, а начинались они здесь, у рубежей Москвы, в трагическом 1941 году.

Уходят ветераны в вечность. Уходит с ними память о войне, боль от потерь, уходят с ними ненаписанные строки любимым, несказанные слова детям.

Трудно хранить память о войне, но именно в ней залог воспитания чувства любви и уважения к народу.

Письма в Главное управление Росгвардии и Российский государственный военный архив

Уважаемые сотрудники ГУ Росгвардии!

Уважаемые сотрудники Российского государственного военного архива!

В связи с приближающимся знаменательным событием – 80-летием контрнаступления Советских войск под Москвой – просим Вас оказать содействие в уяснении важного для нашего города исторического события. Речь идёт о боестолкновении с немецкими мотоциклистами 16 октября 1941 года на мосту Ленинградского шоссе через Химкинское водохранилище (канал Москва – Волга).

На сайте ГУ Росгвардии (<https://rosguard.gov.ru/>) 5 декабря 2020 года в сообщении «РОСГВАРДИЯ РАССЕКРЕТИЛА АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ К ГОДОВЩИНЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ ПОД МОСКВОЙ 1941 ГОДА» сказано, что рассекречены архивные документы, рассказывающие о боях войск НКВД СССР под Москвой в декабре 1941 года и опубликованы Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации ко Дню воинской славы России.

Военные историки уже десятки лет пишут на эту тему статьи и книги. В интернете идут жаростные споры – было такое событие или нет.

На студии МВД в 2011 году был снят фильм «Войска НКВД. 1941-й. Битва за Москву» (режиссёр Игорь Вознесенский, автор сценария Сергей Дышев), а еженедельная газета «Петровка, 38» (ГУ МВД России по г. Москве) 2 мая 2017 года в № 16 опубликовала статью Сергея Вологодского «Неизвестный бой на Химкинском мосту» (<http://petrovka-38.com/arkhiv/item/neizvestnyj-boj-na-khimkinskom-mostu>).

Сообщите, пожалуйста, где можно увидеть (узнать номер фонда, номер описи и номер дела) и прочитать эти рассекреченные документы, в частности, мемуары ветерана внутренних войск подполковника в отставке А. Машнина, служившего осенью 1941 года в штабе танкового батальона ОМСДОНа. На сайте РГВА в разделе «Рассекречивание» данные по рассекречиванию на 2020 год не опубликованы.

С уважением,

Почта Росгвардии: dvsmi@rosguard.ru

Почта РГВА: rgva_rf@mail.ru

Рассекреченные документы 1941 года

Рассекреченные архивные документы, рассказывающие о боях войск НКВД СССР под Москвой в декабре 1941 года, опубликованы Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации ко Дню воинской славы России.

Семьдесят девять лет назад, 5 декабря 1941 года, советские войска перешли в контрнаступление под Москвой и отбросили гитлеровцев на сотни километров от стен столицы. Этому грандиозному событию предшествовали долгие месяцы упорной обороны, измотавшей и обескровившей отборные дивизии вермахта.

Вместе с частями Красной Армии, формированиями морской пехоты и дивизиями народного ополчения, участие в битве за Москву с первого её дня принимали бойцы и командиры внутренних войск НКВД.

В обороне Москвы участвовали четыре дивизии, две бригады, ряд отдельных воинских частей и три бронепоезда войск НКВД. В этот период отличились 2-й полк, отдельный танковый батальон, артбатарея, другие подразделения ОМСДОН имени Ф. Э. Дзержинского, 156-й полк по охране оружейного завода в Туле, ставший Краснознамённым.

Они участвовали в сражениях, охраняли важные объекты и грузы.

Отряды ОМСБОН НКВД СССР для обеспечения наступления Красной Армии участвовали в возведении мостов, разминировали подходы к дорогам в местах предстоящего наступления. Отдельный сапёрный батальон и отдельный батальон связи 2-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД восстанавливал повреждённые линии связи. Кроме того, железнодорожные подразделения внутренних войск, участвуя в наступлении, восстанавливали разрушенные железнодорожные линии для подвоза фронтным частям продуктов, медикаментов и боеприпасов. Архивные документы хранят тому немало свидетельств...

Из доклада командира 3-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений в политуправление войск НКВД СССР:

«Со 2 по 10 октября бронепоезд 76-го полка уничтожил восемь танков и до роты противника в районе Новых Комаричей, эвакуировал со станции Нарышкино семь эшелонов с ценным грузом.

В этот же период оперативный батальон дивизии, действуя против немцев, прорвавшихся у Новых Комаричей, уничтожил тринадцать танков и больше батальона противника. При этом батальон потерял до шестидесяти процентов личного состава».

Из доклада начальника войск НКВД по охране тыла Западного фронта в политуправление войск НКВД СССР:

«9 и 10 октября на южных и юго-западных подступах к Мценску 34-й мотострелковый полк войск НКВД, несмотря на превосходство противника в живой силе и технике, несколько раз отражал его атаки и удерживал занимаемые рубежи.

Наводчик 45-миллиметровой пушки красноармеец С. Белоус ночью, в условиях почти полного отсутствия какой-либо видимости, обнаружил в непосредственной близости от своей батареи танки. Подполз к ним и, убедившись, что это были фашистские танки, вызвал сигнальной ракетой огонь по ним, а фактически на себя.

Всего за двое суток боёв полком уничтожено 14 танков и 2 самолёта врага, рассеяно до двух батальонов вражеской пехоты. Действия полка получили высокую оценку командования 4-й танковой бригады и 26-й армии.

28 октября в районе Захаровки передовой отряд полка, возглавляемый капитаном Хрусталёвым, вступил в бой с 10 немецкими танками и двигавшейся за ними пехотой. За время боя бойцами отряда подбито семь фашистских танков.

1 декабря на наро-фоминском направлении противник, прорвав линию обороны наших

частей, продвигался на восток с целью выйти на автомагистраль в районе Голицыно и окружить части Красной Армии, оборонявшие этот участок фронта.

Подразделения 76-го полка войск НКВД по охране железнодорожных сооружений во взаимодействии со взводом школы младших лейтенантов 5-й армии и сборной ротой 222-й стрелковой дивизии, в тот же день заняли круговую оборону у деревни Петровское, задержав и подчинив себе отходившие с обозом два танка 5-й танковой бригады. В течение последующих суток фашисты при поддержке 12 танков, бомбардировочной авиации и артиллерийского огня три раза бросались в атаку на деревню, однако сломить сопротивление оборонявшихся не смогли. В ходе девятнадцатичасового боя наши воины подбили 2 немецких танка и истребили около 400 гитлеровцев».

Из доклада командира ОМСДОН им. Ф. Э. Дзержинского в политуправление и управление оперативных войск НКВД СССР:

«С 12 по 13 октября 5-я и 6-я роты 2-го полка отдельной ордена Ленина мотострелковой дивизии особого назначения с приданной артиллерией вели бой с фашистскими частями в районе деревни Ищеино. Семь танков противника было выведено из строя.

Расчёт красноармейца Бориса Егорова уничтожил четыре танка. Товарищ Егоров сам ходил в разведку и установил точное местонахождение фашистских танков. Группкомсорг 1-го взвода 5-й роты Илья Николенко бросился на вражеский танк и поджёг его бутылками с горючей смесью. При этом сам товарищ Николенко пал смертью храбрых.

Санинструктор красноармеец Долгалёва вынесла с поля боя пятнадцать раненых и сделала им перевязки».

Из сводки политуправления войск НКВД СССР от 14 ноября 1941 года:

«3 ноября в Москве, во время налёта немецкой авиации, красноармейцами 3-й роты 7-го мотострелкового полка войск НКВД и 1-й роты 2-го мотострелкового полка войск НКВД, выполнявшими задачи по поддержанию революционного порядка в столице, потушено 120 зажигательных бомб на территории Советского района. 20 из них потушил красноармеец Ягдоров».

Из оперативной сводки штаба 11-й дивизии войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности:

«24 ноября пулемётная рота оперативного батальона 173-го полка войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности под интенсивным артиллерийским огнём гитлеровцев девять часов сдерживала их наступление по Ленинградскому шоссе у деревень Есипово и Пешки. Около 19.00 на позиции роты повели наступление десять немецких танков, открывших с дистанции 300 – 400 метров сильный артиллерийский и пулемётный огонь. В результате огневого боя танки противника откатились назад. Особо отличился в бою лейтенант Вербовой, который, получив контузию и ожог лица, продолжал спокойно и уверенно руководить огнём своего подразделения».

Из донесения командира 12-й дивизии войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности начальнику войск НКВД СССР:

«В ночь с 1 на 2 декабря фашистские самолёты произвели бомбардировку воинских эшелонов, находившихся на станции Воскресенск. В это время на станции было сосредоточено 24 эшелона, около 2000 вагонов, гружённых снарядами, вооружением и снаряжением, а также заводским оборудованием, с которым следовали рабочие, служащие и их семьи.

В результате бомбардировки начался большой пожар. На станции началась паника, мер к ликвидации пожара служащими железной дороги не принималось.

Прибывший по тревоге батальон 189-го полка войск НКВД по охране особо важных

предприятий промышленности немедленно приступил к ликвидации пожара.

Невзирая на опасность, грозившую от огня и рвавшихся снарядов, бойцы и начальствующий состав батальона организовали железнодорожников, стали расцеплять вагоны и отводить их в безопасное место. Поскольку на станции имелось всего два паровоза, красноармейцы разводили вагоны вручную.

На важнейших подступах к станции и эшелонам командир батальона капитан А. Т. Шевков выставил посты.

Во время тушения пожара на станцию прибыли железнодорожная милиция, начальник горотдела НКВД, начальник гарнизона, пожарная команда химкомбината и команда местной противовоздушной обороны.

Видя активные действия подразделений батальона 189-го полка НКВД, все они также приняли участие в тушении пожара.

В результате упорной и отважной работы бойцов и комсостава пожар был ликвидирован, от огня спасено свыше 200 вагонов с боеприпасами, горючим и заводским оборудованием. Весь личный состав батальона действовал решительно и мужественно».

Из рапорта начальника Малоярославецкого сектора охраны Московской зоны обороны в НКВД СССР:

«3 декабря разведвзвод из подразделений 160-го и 207-го полков войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, танковая группа в составе семи танков и рота пограничников войск охраны тыла Западного фронта, возглавляемые начальником штаба оперативного батальона 160-го полка войск НКВД старшим лейтенантом А. А. Захаровым и комиссаром 207-го полка войск НКВД старшим политруком Н. Ф. Волковым, двумя атаками выбили из сёл Бурцево и Юшково подразделения 478-го и 258-го пехотных полков противника, усиленных танковым батальоном и артиллерийским дивизионом.

Гитлеровцы были обращены в бегство, оставив на поле боя до 80 убитых, восемь подбитых танков, 10 орудий, большое количество снарядов и другие трофеи, в том числе два боевых знамени.

В результате этой операции была ликвидирована создававшаяся угроза тылам и коммуникациям 33-й армии».

* * *

Следующий боевой эпизод не значится в официальной летописи битвы за Москву, но его подробно описал в мемуарах ветеран внутренних войск, подполковник в отставке А. Машнин, служивший осенью 1941 года в штабе танкового батальона ОМСДОНа:

«...С осени 1941 года танковый батальон отдельной ордена Ленина мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф. Дзержинского входил в состав сил Западного боевого участка Московской зоны обороны. Задачей танкистов-дзержинцев было уничтожение вражеских авиадесантов, если таковые будут выброшены у Волоколамского, Ленинградского и Минского шоссе.

Утром 16 октября 1941 года батальон получил задачу: атаковать и уничтожить группу противника, прорвавшуюся в район селения Крюково. Выполнение этой задачи командир поручил 2-й роте и мотоциклетному взводу.

В те тревожные для столицы дни танковый батальон дислоцировался на Покровке, в расположении 3-го полка ОМСДОНа. Отсюда танки могли достичь развилки Ленинградского и Волоколамского шоссе за полчаса. Подготовка к броску на Крюково не заняла у танкистов много времени: октябрь сорок первого выдался на редкость лютым, поэтому дежурные экипажи постоянно находились в машинах, регулярно прогревая двигатели.

Так что после получения команды не прошло и пяти минут, а семнадцать БТ-7 и десять мотоциклов уже мчались к северо-западной окраине столицы. Достигнув водной станции

«Динамо», отряд, возглавляемый командиром 2-й роты старшим лейтенантом И. Стребко, направился к железнодорожному мосту, ведущему к Химкам, – именно по нему пролегла дорога на Крюково.

В это же время по тому же мосту навстречу дзержинцам двигалась колонна мотоциклистов. Стребко, разглядев горшкообразные каски и двубортные, со множеством мелких пуговиц шинели, дал команду открыть огонь.

Практически в тот же момент по его танку, шедшему головным, пробарабанила очередь из вражеского пулемёта.

В следующую минуту ответные выстрелы из танковой пушки в клочья разнесли два мотоцикла вместе с находившимися в них автоматчиками. Оставшиеся развернулись и пустились наутёк, однако их настигли и уничтожили мотоциклисты лейтенанта Ф. Козлова».

Скорее всего, отряд старшего лейтенанта Стребко разгромил разведгруппу одного из соединений вермахта, планировавшего наступление на этом участке фронта. Из штаба батальона доклад о боевом столкновении с вражескими мотоциклистами ушёл в тот же день.

Однако кто-то «наверху» посчитал: известие о проникновении фашистских автоматчиков на улицы Москвы может деморализующее подействовать на её защитников и население. И бой на химкинском железнодорожном мосту не попал ни в одну из официальных сводок, ни в одно официальное донесение...

Официальный источник:

<https://rosguard.gov.ru/ru/news/article/rosgvardiya-rassekretila-arxivnye-dokumenty-k-godovshhine-kontrnastupleniya-pod-moskvoj-1941-goda>

05 декабря 2020 года

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово Главы г.о. Химки Волошина Д.В.</i>	2
<i>Вступительное слово зам.председателя Совета депутатов г.о. Химки Дряннова А.П.</i>	3
ВСПОМИНАЯ БЫЛЫЕ ПОБЕДЫ	4
<i>Л. Нагаева.</i> Прокофьев – первый командир 352-ой стрелковой дивизии.	5
<i>Л. Нагаева.</i> Победный путь 352-ой стрелковой дивизии: от Химок до Чехословакии.	10
<i>Н. Мочалова.</i> «Кремлёвские юнкера» – гроза фашистов.	12
<i>Н. Мочалова.</i> 27-ая отдельная стрелковая бригада на страже Химок и Москвы в 1941 г.	17
<i>Н. Мочалова.</i> Один против двадцати трёх: подвиг зенитчиков у Лобни в 1941 г.	22
<i>Г. Вершинина, Т. Рыдлевич.</i> Оборонявший Москву в октябре 1941-го: штрихи к портрету П. Артемьева.	24
<i>Н. Мочалова.</i> Защитник Старбеевского плацдарма: штрихи к портрету А. А. Дьяконова.	27
<i>Г. Годлевский.</i> Здесь начиналась Победа.	30
<i>Н. Баженова.</i> Грозное оружие войны с нежным женским именем.	32
ТРЕВОГИ И ЗАБОТЫ ВОЕННОЙ ГОДИНЫ	35
<i>Г. Вершинина.</i> Северо-западный краешек Химкинского района: осень 1941 г.	36
<i>В. Рыков.</i> Крюковские беженцы в Химках.	43
<i>А. Ванчагов</i> «Для Победы мы строили самолёты...»	46
<i>В. Воробьёв.</i> Женщины – труженицы тыла.	54
<i>О. Кирьянова.</i> Как жили и работали на заводе № 456 в годы войны.	56
	107

<i>О. Кирьянова.</i> Завод № 293 в годы Великой Отечественной войны.	62
<i>Н. Мочалова.</i> Канал Москва – Волга в «солдатской шинели».	66
<i>В. Попов-Раич.</i> Осень 41-го.	70
<i>Л. Рудакова.</i> Сходня прифронтовая.	75
<i>Р. Гусарёва.</i> Страницы из дневника.	76
<i>О. Кирьянова.</i> Химкинский район в 1941 году.	83
<i>В. Чигарёв.</i> Моё военное детство.	87
<i>В. Воробьёв.</i> Дети и подростки в Великой Отечественной войне.	91
<i>О. Кирьянова.</i> Завод № 301 в годы Великой Отечественной войны.	93
<i>В. Воробьев.</i> Трофейный конь Вайс.	95

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ **99**

<i>В. Королёва.</i> «Мы памяти этой верны...» (из истории 150-ой армейской пушечно-артиллерийской бригады).	100
Письма в главное управление Росгвардии и в Российский государственный военный архив.	102
Рассекреченные документы 1941 года.	103

Книга издана при поддержке Администрации г.о. Химки Московской области.
Председатель Химкинского краеведческого общества: Вершинина Г. В.
Редактор: Звонарёва Л.У. кандидат филологических наук, доктор исторических наук, академик РАЕН и ПНИ
Технический редактор: Панина Т. С., член Общественного Совета проекта ВПП «Единая Россия»
по Московской области «Историческая Память», член РВИО.
Дизайн, вёрстка: Борисова Е.А., член Союза художников и Союза Дизайнеров России

Печать: ООО «Альт-Х»
Формат А4. Печать цифровая полноцветная. Бумага Мелованная. 79 п.л.
Переплёт твёрдый. Тираж 100 шт. Подписано в печать: 16.11.2021